КОМБРИГ Н. КОРСУН

САРЫКАМЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖС 635
К 792

ВОЕНИЗДАТ
1 9 3 7

ВОЕНИЗДАТ

КРАСНОЗНАМЕННАЯ и ОРДЕНА ЛЕНИНА ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

Комбриг Н. КОРСУН

ГЖ635
К792

САРЫКАМЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1914—1915 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1937

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К. П
19847

Комбриг Н. Корсун. *Сарыкамышская операция.*

На основе архивного материала и турецких печатных источников автор описывает операцию турецкой армии Энвера-паши зимой 1914—1915 гг. против русской Кавказской армии, которая сумела не только отразить глубоко-охватывающий удар турок, но и захватить в плен один из обходящих корпусов.

Книга предназначается для командного и начальствующего состава Красной армии, как пример зимних действий в горных условиях.

ГЭЖ635
К792 Р

479
37 61304 У

Со стратегической точки зрения в горной войне положение нападающего имеет решительное превосходство над положением обороняющегося.

Ф. Энгельс[1].

I

Общая обстановка на Кавказском театре перед Сарыкамышской операцией

Военные действия на Кавказе во время империалистической войны 1914 г. начались 31 октября вслед за набегом германо-турецкого флота на черноморские порты. Русская Кавказская армия вторглась в пределы турецкой Армении по главному пути на Эрзерум, но была скоро остановлена турками и даже несколько потеснена назад.

Высшее управление вооруженными силами Турции находилось под сильным влиянием немцев, которые главной целью действий турецкой армии на Кавказе ставили отвлечь только возможно больше русских войск от Австро-германского фронта. Но Энвер-паша, военный министр Турции, имея точные сведения о враждебном настроении к русскому царизму населения пограничных с Турцией русских областей, решил перейти в наступление в пределы России, разбить Кавказскую армию и совершенно изгнать русских из Закавказья и Персии.

Русская Кавказская армия управлялась из Тифлиса, где находился главнокомандующий, престарелый наместник Кавказа ген. Воронцов-Дашков, его помощник ген. Мышлаевский и начальник штаба ген. Юденич. Непосредственное управление войсками было в руках командира 1-го кавказского корпуса ген. Берхмана, назначенного начальником Сарыкамышского отряда; так назывались русские войска, действовавшие на Эрзерумском направлении.

Со стороны турок действовала 3-я турецкая армия под начальством Гассан-Иззет-паши. Для руководства наступлением армии на фронт прибыл сам Энвер-паша.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения, т. I, стр. 397.

II

Краткий обзор Кавказско-турецкого театра военных действий

(Схемы 1 и 2)

Главнейшие события Сарыкамышской операции протекали в обширном районе, ограниченном линией: Эрзерум, Батум, Ардаган, Карс, Кагызман, Кепри-кей. Главнейшим объектом действий со стороны русских, кроме живой силы противника, являлась крепость Эрзерум, расположенная в 100 *км* от бывшей русско-турецкой границы. Эрзерум прикрывал с суши Анатолию — эту основную базу Турции, богатую экономическими средствами и имевшую однородное население, бо́льшую часть которого составляли турки-османы.

Для турок главным объектом действий после разгрома Кавказской армии могли явиться: Тифлис — политический центр Закавказья и узел главнейших путей; Баку — промышленный центр (нефть); крепость Карс и укрепленный Батум, являющийся лучшим портом на южном побережьи Черного моря.

К востоку от плоскогорья Малой Азии протягивается в сторону Персии высокое нагорье, составлявшее собственно передовой Армянский театр, на котором и происходили главнейшие операции.

Армянское нагорье включает все пути из Закавказья в Анатолию и Месопотамию, а следовательно, и к головному участку Багдадской железной дороги, сооружавшейся германцами от Константинополя до Несибейна.

Средняя высота нагорья около 2 000 *м*. Его пересекают пять продольных хребтов под названием Тавров, имеющих направление по параллели, и два поперечных меридиональных, достигающих высоты 2 800—3 000 *м*. Между Северным и Средним Армянскими Таврами находится наиболее доступная для колесного сообщения полоса долин, образующая как бы коридор, с довольно значительной плотностью населения и сравнительно богатыми средствами. В этой полосе центральное место принадлежит Эрзерумской нагорной равнине с окружающими ее хребтами, где расположена крепость Эрзерум. По этой равнине проходят все лучшие пути в Анатолию из Закавказья и Персии и она же являлась естественным, укрепленным природой и военно-инженерным искусством плацдармом для сосредоточения турецких сил против Закавказья.

Между Средним и Южным Армянскими Таврами пролегает также сравнительно доступная полоса нагорных равнин, допускающая дальний обход Эрзерума с юга.

Эти нагорные равнины пересекаются двумя меридиональными хребтами, которые образуют естественные оборонительные рубежи, преграждающие пути наступления с востока на запад и обратно.

Из этих поднятий восточное служило первым оборонительным рубежом русских в приграничной полосе. Западное же поднятие прикрывает Эрзерумскую равнину с востока и на нем сооружены укрепления Эрзерума фронтом на восток.

Восточное поднятие, в зоне которого развернулись главнейшие события Сарыкамышской операции, включает системы хребтов Соганлуг и Арсиан (схема 2). Последний, начинаясь от горы Алла-Икпар, заполняет своими труднодоступными отрогами значительное пространство к западу от Ардагана, чем затрудняет ведение крупных операций в Батумской области.

Через хребет Соганлуг, протяжением до 50 *км*, поросший в значительной части строевым хвойным лесом, переваливает ряд путей, главным образом в его более доступной средней части в районе Сарыкамыша. С конца октября по май все горные хребты Армении покрываются глубоким снегом, и сообщение в зимних условиях без регулярной расчистки перевалов или без использования горных лыж становится не только затруднительным, но местами совершенно невозможным.

Центральным пунктом, где сходятся главнейшие пути, пересекающие Соганлуг, является Сарыкамыш, куда были доведены от крепости Карс стратегическое шоссе (вдвое шире обычного) и железная дорога нормальной колеи.

Сарыкамыш расположен в долине на высоте 2 180 *м* над уровнем моря. Доступ в эту долину с юга и юго-запада преграждается труднодоступным массивом Сурп-хач (выше 3 000 *м*); с запада и северо-запада долину ограничивают отроги хребта Соганлуг, Чамурлы-даг и Турнагель. На восток в сторону Али-Софи долина расширяется и сливается с Карсской равниной. Полотно железной дороги и шоссе в районе Сарыкамыша идут вдоль узких и глубоких ущелий. Вокзал также расположен в ущелье. К нему с севера примыкают высоты «Орлиное гнездо» и холм «Артиллеристов». Западнее Сарыкамыша расположены казармы 155-го кубинского и 156-го елисаветпольского полков 39-й пехотной дивизии. Юго-западнее Сарыкамыша расположен Верхний Сарыкамыш, населенный черкесами, которые ока-

зывали туркам большое содействие в отношении агентурной разведки. При отступлении турок из пределов Закавказья во время Сарыкамышской операции черкесы эвакуировались вместе с ними в Турцию. Северо-восточнее Верхнего Сарыкамыша находится высота «Воронье гнездо».

Окружающие горы покрыты густым хвойным лесом, который на севере подходит к Сарыкамышу на 2 000 *м*. В 5 *км* северо-западнее этого селения по дороге на Бардус на хребте Турнагель имелся перевал Бардусский, покрытый перелесками.

Южнее хребта Соганлуг за труднодоступной трещиной р. Аракс простирается плато Баш-кей. Через р. Аракс имелась одна переправа на шоссе у Каракурта, откуда вдоль реки шла патрульная тропа типа арабной дороги, приводившая к м. Кагызман. Этот путь был единственной лазейкой, по которой могли бы найти выход в случае окружения главные силы Кавказской армии.

К западу от северной части восточного меридионального поднятия до р. Чорох простиралась труднодоступная горная местность с малым числом арабных дорог.

Наиболее удобные на этих дорогах перевалы, вокруг которых в некоторые моменты завязывались крупные события, были следующие: Бардусский, у яйлы Бардус, Эшакмейданский, Агундирский, Панжуретский и Яланус-чамский. Последний перевал являлся лучшим и наиболее удобным для проникновения со стороны Черноморского побережья на Армянское нагорье и к Ардагану, важному узлу дорог.

К северо-востоку и северу от хребта Соганлуга простираются Карсское и Ардаганское плоскогорья.

Южная приподнятая часть Карсского плоскогорья в районе Кагызмана, а также примыкающий с запада массив горы Алла-даг круто обрываются к р. Аракс, образуя глубочайшее ущелье, проходимое лишь в редких местах. К этому ущелью и намеревалось турецкое командование прижать главные силы русских.

Ардаганское плоскогорье отделено от Карсского плоскогорья Чалдырским хребтом, через который лучшие перевалы имеются на шоссе Карс—Ардаган и Карс—Мерденек.

В общем бывшая русская часть передового театра представляла неодинаковые удобства для действий войск. К западу от хребта Арсиан местность чрезвычайно пересеченная и лесистая допускала ведение операций незначительными отрядами и по очень ограниченному числу дорог, из которых лучшими являлись частью шоссе, а частью колесная дорога Батум—Артвин, перевал Яланус-чамский, Ардаган. К востоку от того же хребта имелась достаточно раз-

витая сеть дорог, и местность допускала ведение операций большими силами.

Многочисленные реки театра имеют горный характер и проходят в своих верхних течениях в глубоких ущельях. В зимний период эти реки маловодны и замерзают.

Препятствием для перехода через них служат ущелья, в которых они протекают. Наиболее важное значение имеют рр. Аракс, Ольты-чай и Сиври-чай, вдоль ущелий которых пролегают лучшие дороги из Эрзерума в м. Ольты.

Климат Армянского нагорья континентальный, с суровой зимой (от —20 до —35°) и обильным снегопадом[1].

Климатические условия в горах в значительной степени зависят от высоты над уровнем моря. Вследствие того что бои происходили на плоскогорьях высотой до 2 000 *м* и в горах до 2 800 *м*, климатические условия резко сказывались на войсках, не имевших горного снаряжения, обуви и зимней одежды.

Что касается плотности населения театра, то в Батумской области она в среднем доходила до 27 человек на 1 *кв. км*, в Ольтинском округе — до 14 человек, в Ардаганском и Кагызманском округах — до 18 человек. В прилегающих же приграничных областях Турции — до 15 человек на ту же площадь.

Средняя величина селений, состоявших преимущественно из глинобитных или каменных строений, зачастую прилепившихся к склонам гор и отличавшихся антисанитарными условиями, около 30 дворов.

В приграничной полосе Турции почти полностью отсутствовали удобные пути сообщения. На всей обширной территории имелось одно шоссе Трапезонд—Эрзерум—Гассанкала. Все остальные пути представляли или аробные дороги, или вьючные тропы.

Так как железнодорожный и автомобильный транспорт в этой части Турции отсутствовал, то довольствие подвозилось исключительно на животных. Ввиду плохих дорог для массовых тыловых перевозок использовались преимущественно вьючные животные и двухколесные арбы, запряженные быками. Эти арбы имеют острые колеса, которые, как ножи, врезаются в дороги и сильно портят их, но зато они могут двигаться, хотя и медленно, по пересеченной

[1] Для района Сарыкамыша в среднем в декабре начало рассвета в 6 ч. 55 м., восход солнца в 7 ч. 30 м., заход солнца в 16 ч. 40 м., конец вечерней зари в 17 ч. 10 м.

Фазы луны в декабре 1914 г.: новолуние с 4 декабря, вторая четверть с 11 декабря; полнолуние с 19 декабря и последняя четверть с 27 декабря.

местности с подъемами до 15—17°. Подвоз снабжения требовал очень большого количества животных и производился крайне медленно.

Край перед началом войны имел значительные запасы продовольствия и перевозочные средства. Однако даже приблизительный учет всего имевшегося налицо был невозможен, так как неоднократные попытки точного учета вызывали сопротивление со стороны турецкого населения.

Приграничная зона была наиболее доступна для действий крупными силами на трех направлениях: 1) Ардаган, Ольты, Эрзерум (Ардаганское), 2) Карс, Сарыкамыш, Эрзерум (Карсское), 3) Эривань, Диадин, Эрзерум (Эриванское).

Наиболее важным и кратчайшим (до 270 *км*) являлось Карсское направление, с которым совпадала сеть наилучших грунтовых дорог и шоссе, пролегающих по Карсскому плоскогорью, а затем по наиболее доступным долинам, выводящим к укреплениям Эрзерума. С этим направлением совпадала железная дорога Александрополь—Карс—Сарыкамыш. Это исторически главное операционное направление: здесь в предшествовавших кампаниях действовали главные силы русских и турок.

Ардаганское направление (до 290 *км*) имело единственное шоссе Ардаган—Ольты, от которого дальше к Эрзеруму вели аробные дороги, требовавшие разработки. Население очень редкое, значительный процент турок и курдов; турецкое командование возлагало большие надежды на получение от них продовольствия и фуража в период совершения маневра. Между тем имелись определенные сведения, которые, казалось бы, должны были быть известны и турецкому командованию, что местные средства на этом направлении ограничены.

Это направление в пределах Турции отделялось от Карсского труднодоступным в зимний период хребтом Чахирбаба. Через северную часть этого хребта в пределах России имелась разработанная русской пограничной стражей дорога, пригодная для колесного движения,— так называемая патрульная дорога, пролегавшая вдоль государственной границы от м. Ольты через Бардус на Сарыкамыш.

Пути Ардаганского операционного направления позволяли русским при наступлении к крепости Эрзерум прорваться в укрепленный район с севера. В свою очередь, наступая по путям этого направления, турки могли обойти крепость Карс с запада и выйти в районы гг. Ахалкалаки и Ахалцих, а затем к Боржому, Михайлово, и поставить, таким образом, под угрозу железнодорожную магистраль Тифлис—Батум.

Эриванское направление, протяжением до 310 *км*, совпадало с лучшими путями, пролегающими по ряду нагорных равнин, выводящих в долину р. Аракс, где пути этого направления совпадали в дальнейшем с Карсским операционным направлением.

Наибольшее значение в Сарыкамышской операции приобрело Ардаганское, затем Карсское направления. Что же касается Эриванского операционного направления, то действия там в описываемый период отличались пассивностью. Русские войска, оккупировавшие северо-западную Персию, лишь сдерживали наступление турок, которые сделали попытку угрожать Бакинскому району со стороны г. Тавриз.

III

Силы сторон

Турецкая армия

Две войны, которые вела Турция — Триполитанская (в Африке) в 1910 г. и Балканская в 1912 г.,— вызвали большое расстройство турецких вооруженных сил. Армия к новой войне была неподготовлена. После 1912 г. командный состав пережил чистку, в результате которой целый ряд командиров были уволены в отставку, а на их место были наспех назначены лица по усмотрению военного министра Энвер-паши. Германская миссия, приглашенная турецким правительством в 1913 году, несколько упорядочила это дело. Тем не менее наиболее слабой стороной турецкой армии являлся ее командный состав. Так, например, младший командный состав был на 75% малограмотен, средний — на 40% состоял из произведенных унтерофицеров, без специального военного образования. Старший и высший командный состав, имея общее военное образование, был очень слабо подготовлен к вождению войск в современной войне и притом на горных театрах.

Мобилизация 3-й турецкой армии, действовавшей против Кавказской армии, была проведена с большим трудом вследствие острого недостатка в артиллерийском, продовольственном и фуражном снабжении.

3-я турецкая армия состояла из 9-го, 10-го, 11-го армейских корпусов[1], 2-й кавалерийской дивизии, четырех с по-

[1] *9-й турецкий корпус.*

17-я пех. дивизия — 49-й, 50-й и 51-й полки, 17-й арт. полк.
28-я пех. дивизия — 82-й, 83-й и 84-й полки, 28-й арт. полк.
29-я пех. дивизия — 85-й, 86-й и 87-й полки, 29-й арт. полк.

ловиной курдских конных дивизий и двух пехотных дивизий, прибывших на усиление этой армии из Месопотамии.

Армейские корпуса состояли из трех пехотных дивизий. Каждая из них включала три пехотных полка, артиллерийский полк и саперную роту, предусматривалась придача конницы. Пехотный полк состоял из трех батальонов и пулеметной роты. Артиллерийский полк — из двух-трех полевых или горных дивизионов по две-три батареи каждый; батареи — четырехорудийные.

Курдские формирования в боевом отношении были совершенно не подготовлены и слабо дисциплинированы [1].

На вооружении артиллерии имелись орудия современных систем Шнейдера и Круппа. Пехота была вооружена винтовкой Маузера.

Вследствие малого количества обученного личного состава и недостатка в снабжении телефонными и телеграфными аппаратами, связь в большинстве случаев поддерживалась конными посыльными и делегатами для связи.

По мнению германских офицеров, хорошо изучивших турецкую армию в период пребывания в ее рядах, турки могли наступать, но не были способны на быстрый энергичный натиск. В форсированных маршах они не были тренированы, вследствие чего при усиленных переходах возникала опасность разложения войск. Армия была плохо сна-

---

9-я кав. бригада — 21-й, 22-й и 25-й кав. полки и 4-й конно-арт. дивизион; однако, вместо этой бригады имелся всего один эскадрон слабого состава.

10-й турецкий корпус

30-я пех. дивизия — 88-й, 89-й и 90-й полки, 30-й арт. полк.
31-я пех. дивизия — 91-й, 92-й и 93-й полки, 31-й арт. полк.
32-я пех. дивизия — 94-й, 95-й и 96-й полки, 32-й арт. полк.
10-я кав. бригада — 19-й и 20-й кав. полки, фактически же имелось пять слабых эскадронов.

11-й турецкий корпус

18-я пех. дивизия — 52-й, 53-й и 54-й полки, 18-й арт. полк.
33-я пех. дивизия — 97-й, 98-й и 99-й полки, 33-й арт. полк.
34-я пех. дивизия — 100-й, 101-й и 102-й полки, 34-й арт. полк.
11-я кав. бригада — 23-й и 24-й кав. полки; имелось же всего четыре слабых эскадрона.

[1] Относясь с недоверием к курдам, турецкое правительство не придавало этим формированиям ни артиллерии, ни пулеметов. В конце ноября 1914 г., т. е. накануне Сарыкамышской операции, во 2-й кавалерийской дивизии в результате предшествовавших боев полки имели всего до 200 коней, вследствие чего турецкое командование предъявило к курдским дивизиям требование большей стойкости в бою.

ряжена и потому не могла проводить в открытом поле на бивуаках по нескольку ночей подряд, в особенности зимой. Организация подвоза требовала много времени и замедляла темп наступления.

Все эти обстоятельства учитывались турецким командованием армии при возможных вариантах операций, которые рассчитывались не на глубокое продвижение, а на наступление с ограниченными целями от рубежа к рубежу. При обходных движениях считалось нежелательным слишком отрываться в сторону.

Войска должны были через каждые 3—4 дня регулярно получать дневки.

Указывалось на желательность производства внезапного наступления после тщательной подготовки.

Турки пользовались своей картой масштаба 1/200000, составленной с большими погрешностями. На этой карте, как отмечает начальник штаба 9-го корпуса в своих мемуарах, было показано шоссе через горы, тогда как в действительности там имелись лишь козьи тропы. Но и эта карта имелась в войсках в очень ограниченном количестве экземпляров, и при пользовании ею приходилось брать проводников.

В то же время весь район операции до Эрзерума включительно был охвачен отличной русской картой в масштабе 1/84000, которой турецкое командование не располагало.

Русская армия

Армейские корпуса состояли нормально из двух пехотных дивизий; каждая из них — из двух бригад, по два пехотных полка в каждой. Полки четырехбатальонные[1], с пулеметной командой каждый (8 пулеметов).

Пехотным дивизиям придавалась артиллерийская бригада шести-восьмибатарейного состава, батареи восьмиорудийные. На Кавказском фронте в числе этих батарей имелись и горные. Предусматривалась придача пехотным дивизиям казачьих сотен третьей очереди.

Ни войска, ни обозы (исключительно колесные) не имели горного снаряжения. Лишь горные батареи были приспособлены для действий в горных условиях.

Войска для действий на горном театре были обучены слабо; маневры мирного времени обычно производились в широких горных долинах. При обучении войск был учтен опыт русско-японской войны. Однако старший и особенно

[1] Во 2-м туркестанском армейском корпусе полки трехбатальонные.

высший командный состав, как и в турецкой армии, был слабо обучен в отношении вождения крупных войсковых соединений самостоятельными колоннами на изолированных горным рельефом направлениях.

Это учитывалось германцами, руководившими действиями 3-й турецкой армии, находившими, что хотя эта армия и «недостаточно точный инструмент», но с ней можно «попытать счастья», имея против себя противника (русских), не отличавшегося «большой подвижностью» [1].

На боеспособности русских войск неблагоприятно отразились первые неудачные столкновения с турками по переходе через границу и трудные условия размещения на малонаселенном горном театре при наступавшей суровой зиме.

Управление войсками признавалось [2] совершенно неналаженным. При проведении в жизнь задач, возлагавшихся на Сарыкамышский отряд, отмечалось, что *«на деле проводилась в жизнь не строго определенная идея»*, а что *«все операции носили совершенно случайный характер, зачастую не отвечавший обстановке, а после Кепри-кейских боев и подчинялись воле турок»*. В результате наблюдались чрезвычайное перемешивание и дробление частей не только дивизий, бригад, но и полков. Отряды были импровизированные, смешанного характера, со случайными начальниками; это очень серьезно отражалось на дисциплине и боеспособности войск.

«Распределение войск в глубину отсутствовало, применялся линейный порядок» [3]. Вследствие дробления частей каждая из них, не обладая обозом, не могла иметь правильно организованного тыла.

Средствами связи войска были снабжены согласно нормам, выработанным для равнинных театров, но совершенно недостаточным для горных. Вообще же служба связи была неналаженной, что отражалось на управлении войсками. Служба связи имела и серьезный недочет, выражавшийся в том, что передача по телефону оперативных приказов и донесений легко могла подслушиваться в Сарыкамыше частными лицами, а потом, вероятно, делалась известной туркам, так как только этим можно объяснить иногда непостижимое искусство турок производить обход или удар в наиболее уязвимом участке фронта [4] русских.

Радиосвязь имелась только между крупными штабами.

---

[1] Статья Гузе, бывшего нач. штаба 3-й турецкой армии.

[2] Из доклада № 6 нач. штаба армии главнокомандующему Кавказской армией.

[3] Из того же доклада.

[4] Из того же доклада.

На инженерное дело в армии обращалось мало внимания. Только передовые цепи окапывались на позициях, причем сооружались неглубокие окопы. Ближайшие же поддержки, прикрытия к артиллерии и резервы только обозначали окоп присыпкой земли и лежали открыто, что вызывало большие потери. Нигде не применялось создание опорных точек и пунктов.

Следует признать, что оба противника не были подготовлены для широких операций в горах, в особенности зимой. Лыжных частей не имелось, а между тем они могли бы сыграть крупную роль.

IV

Результаты операций на Кавказском фронте к 9 декабря 1914 г.

(Схема 2)

Главные силы сторон группировались на важнейшем операционном направлении — Карсском. Для обеспечения их флангов на остальных направлениях действовали меньшие силы на широких фронтах.

Военные действия на Кавказско-турецком фронте начались встречными боями в районе Кепри-кея. Легкость, с какой Сарыкамышский отряд, составлявший главные силы Кавказской армии, занял приграничные горные рубежи, дала основание начальнику отряда ген. Берхману двинуться вперед для захвата Кепри-кейской позиции, находившейся на полупути от русской границы к Эрзеруму.

Рядом контратак частями 9-го и 11-го корпусов турецкому командованию удалось, угрожая обходом правого фланга русских, потеснить их обратно к границе. Одновременно турки подтягивали к Эрзеруму из Анатолии (из района Самсун) 10-й корпус.

9 декабря Сарыкамышский отряд занял фронт Маслагат — Юзверан-Арди и начал располагаться на зимних квартирах при наступивших сильных морозах. К этому времени Сарыкамышский отряд был усилен до 53¾ батальонов из числа 93 батальонов, находившихся в поле.

Кепри-кейская операция закончилась оттеснением русских к государственной границе. Это подняло настроение 3-й турецкой армии и окрылило ее командование надеждами на возможность нанесения русским сокрушительного удара.

Эта же операция подчеркнула, что русское командование действовало без плана, так как захват Кепри-кейской позиции, расположенной всего в 35 *км* от основной укрепленной Эрзерумской позиции, имел бы основание, если бы

затем намечалось начать действия для овладения Эрзерумом. Однако это в план не входило, и поэтому выдвижение отряда близко к Эрзеруму, где происходило сосредоточение главных сил турецкой армии, являлось бесцельным и опасным; это показывали даже и военные игры, проводившиеся в мирное время в штабе Кавказского военного округа[1]. Выдвижение Сарыкамышского отряда, явившееся результатом инициативы частных начальников, указывало также и на слабое руководство войсками со стороны главнокомандующего Кавказской армией, находившегося далеко от войск, в Тифлисе.

Действовавший на Ардаганском направлении небольшой русский отряд Истомина, обеспечивая главные силы Берхмана с северо-запада, к началу Сарыкамышской операции вышел на фронт Ардост — Ид, откуда имелась дорога на Ольты и на Сарыкамыш.

Для связи Ольтинского и Сарыкамышского отрядов в Бардусе находились только небольшие части пограничной стражи.

На Эриванском направлении русские части 4-го кавказского корпуса, ведя бои с курдскими формированиями и с подошедшими слабыми пехотными частями, прибывшими из Месопотамии, выдвинулись на горный рубеж южнее хребта Агри-даг, обеспечивая Сарыкамышский отряд слева.

На Батумском направлении турки, несмотря на господство русского флота в Черном море, сумели, начиная с половины ноября, скрытно произвести в районе Хопа высадку невыявленных тогда русским командованием сил, которые, перейдя в наступление, оттеснили русских к Борчхе. Затем эти наступавшие турецкие части совместно с войсками, вторгнувшимися и по долине р. Чорох, заняли Артвин и Ардануч и принудили русских отойти к району Батума, заняв там рубеж по р. Аджарис-цхали, и к району севернее Ольты, где 9-й кавказский стрелковый полк занял Олор, обеспечивая Ольтинский отряд с севера. В Ардагане находились части 3-й кубанской пластунской бригады.

Наступление турок в пересеченном горном Чорохском районе сопровождалось общим восстанием аджарского населения южной части Батумской области против русских царских властей.

В итоге к 9 декабря 1914 г. правый фланг Кавказской армии, несмотря на доведение русского Чорохского отряда до 9 батальонов, 8 дружин государственного ополчения, 20 орудий и 1 сотни, оказался отброшенным почти к Бату-

[1] Личные воспоминания автора.

му. Продвинувшись так далеко в русские пределы, турки получили возможность угрожать через Яланус-чамский перевал Ольтинскому отряду.

В Персии (схема 1) русские части, выдвинувшись на персидско-турецкую границу, обеспечивали направление на Джульфу, на которую они базировались, занимая персидский Азербайджан.

В 3-й турецкой армии, понесшей в результате боев потери до 8 000 человек убитыми и ранеными, до 6 000 человек без вести пропавшими и дезертировавшими, последовала смена ряда старших начальников, главным образом, за «пессимистическое» настроение в связи с намечавшейся турками операцией против Сарыкамыша.

Вместо отставленного от командования Гасан-Иззет-паши командование 3-й турецкой армии перед Сарыкамышской операцией принял прибывший из Константинополя на крейсере «Гебен» заместитель главнокомандующего вооруженными силами Турции Энвер-паша, имея начальником штаба генерал-лейтенанта Бронсарта фон-Шеллендорфа и начальником оперативного отдела майора Фельдмана.

В командование 10-м турецким корпусом, еще не участвовавшим в боях, вступил помощник начальника генерального штаба Хафыз-Хакки-бей, соратник Энвер-паши. Начальником штаба этого корпуса состоял германский майор Ланге.

Итак, в период Кепри-кейской операции наиболее трудная задача выпала на Сарыкамышский отряд, против которого турки сосредоточили шесть перволинейных дивизий. Тем не менее положение его было спасено, но дорогой ценой — отправкой на помощь Берхману всего армейского резерва 2-го туркестанского армейского корпуса. Таким образом, к концу Кепри-кейской операции армейский резерв русских был израсходован полностью, в тылу же, на Кавказе, войск, свободных от внутренней службы, не было. При такой малоблагоприятной для русских обстановке турки начали Сарыкамышскую операцию.

61304

V

Оперативные планы сторон, приведшие к Сарыкамышской операции

План турецкого командования

Мысль турецкого командования о том, что русские очень чувствительны к обходам, возникла из рапорта турецкого

Библиотека ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

военного агента в Германии, который находился при штабе 8-й германской армии в Восточной Пруссии и доносил о катастрофе 2-й русской армии под Танненбергом.

Для выполнения Сарыкамышской операции намечалось два варианта.

Первый вариант: ударом в направлении на Дели-баба окружить левый фланг и тыл русских. При неудаче этого обходного маневра для турок русские могли отбросить обходившие части в труднопроходимый, особенно в зимних условиях, горный район Караязы и отрезать их от Эрзерума.

Второй вариант: обрушиться на правый фланг и тыл Сарыкамышской группы русских, сковывая их с фронта. Ближайшей задачей после овладения районом Сарыкамыш ставился захват Карса, причем турки, повидимому, не считались с тем, что это была крепость.

Бывший генерал-инспектор турецкой армии, немец Лиман фон-Сандерс, в своих воспоминаниях указывает, что Энвер-паша — ученик германской военной школы[1] и большой поклонник германской доктрины — решил привести в исполнение задуманный им второй вариант плана, приводивший к глубокому обходному маневру.

---

[1] Германское командование и знавшие Энвер-пашу лица следующим образом характеризуют его: «38 лет, очень заботившийся о своей внешности, лично очень храбрый, хладнокровный в минуты опасности, упрямый, самоуверенный, энергичный. Несмотря на несколько лет, проведенных в Германии, его хорошие военные способности не получили всестороннего развития, как того требовало бы его положение вице-генералиссимуса и военного министра. Логичность же и последовательность изменяли ему в тех случаях, когда ему казалось, что он может приобрести славу завоевателя, как это было в период Сарыкамыша».

Он был большой интриган и типичный кондотьер, способный на любую авантюру. Однако он не всегда соглашался с мнениями и советами своих друзей германцев. Последних он стремился допускать, главным образом, лишь на технические должности. Между тем германцы надеялись направлять операции на турецких фронтах согласно своим интересам, вследствие чего между ген. Лиманом фон-Сандерсом, начальником германской военной миссии, и Энвер-пашой происходили серьезные столкновения. Энвер-паша имел в своем окружении друзей турок и германцев, льстивших его самолюбию, на которых он тратил большие суммы, тогда как эти лица, в особенности же германцы, были очень мало знакомы с условиями жизни Турецкой империи.

Энвер-паша работал очень неровно, порывисто. «Во время передвижений от его штаба требовалось большое искусство, чтобы вообще иметь возможность работать». Лиман фон-Сандерс в своих воспоминаниях отмечает, что он обратил внимание Энвер-паши на рискованность данной операции. Последний ответил ему, что все предусмотрено вплоть до рекогносцировки путей.

Хотя германцы внешне и противились производству рискованной операции «Сарыкамыш», план которой якобы был намечен исключительно Энвер-пашой, но внутренно они поддерживали выполнение его, так как эта операция вынуждала Россию усиливать войска на Кавказе в ущерб своему западному Австро-германскому фронту.

Энвер-паше, прибывшему в конце ноября 1914 г. в район действий 3-й армии, обстановка рисовалась в следующем виде.

На важнейшем Карсском направлении выдвинулись далеко вперед главные силы Сарыкамышского отряда силой до 60 батальонов и 30 казачьих сотен, с многочисленной артиллерией.

Южный Аджаристан с Артвином и Арданучем был уже занят турками, на сторону которых перешла часть мусульман-аджарцев, и через эту область в район Ардагана должны были вторгнуться части 1-го константинопольского корпуса, переброшенные морем. Этот путь вел в обход не только хребта Соганлуг, южнее которого перешел к обороне Сарыкамышский отряд, но им можно было выйти мимо Карса на Ахалкалаки—Ахалцих—Боржом (схема 1) и даже через район Борчало (южнее Тифлиса), с сочувствовавшим туркам населением, прямо к Тифлису.

При такой обстановке представлялась возможность сковать Сарыкамышский отряд с фронта 11-м корпусом, а 9-м и 10-м корпусами сбить боковой отряд русских в районе юго-западнее Ольты и глубоко обойти Сарыкамышскую группу своим левым флангом. Против этой группы, оцениваемой в 60 000 бойцов, Энвер направлял по его расчетам 90 000 бойцов.

Обход намечалось произвести внезапно и с наибольшей быстротой, направив части без колесных обозов, а 9-й корпус — лишь с горной артиллерией. Продовольствие для армии должно было доставляться местным мусульманским населением, подготовленным к этому турецкими эмиссарами еще в мирное время.

Для обеспечения левого фланга обходного крыла намечалось занять Ардаган, выдвинув к нему отряд из Аджаристана.

При такой обстановке русским, отрезанным от своей базы и имевшим в тылу 9-й и 10-й корпуса, оставалось бы только пробиваться на Кагызман.

Энвер-паше рисовался второй «Танненберг» с главными силами русских, прижатыми к трещине р. Аракс.

Для обеспечения операции в тыл русским были высланы агенты с задачей поднять восстание среди мусульманского

населения Батумской и Карсской областей и организовать сбор местных средств для ударного крыла (9-го и 10-го корпусов).

Энвер-паша строил свой план на бездеятельности русской армии и на «базу впереди». В случае удачи турок русские принуждены были бы оттянуть большие силы с Австро-германского фронта, так как против турок оставались бы лишь гарнизоны Карса и Батума. Слабая Эриванская группа при такой обстановке должна была бы спешно отойти обратно в пределы Закавказья через занесенные снегом перевалы Агри-дага, Азербайджанская группа, занимавшая северо-западную Персию, была слишком удалена от главного направления Карс—Тифлис. Энвер-паша мечтал после разгрома русских овладеть всем Закавказьем, поднять восстание всех мусульман России и присоединить к Турции все тюрко-татарские народности (прикаспийские, приволжские, Западной Сибири, Туркестана и Персии)[1].

Энвер-паша достаточно верно оценил лишь одну часть слагавшейся обстановки, но он не сумел учесть остальных ее элементов, как-то: 1) состояние своих войск, 2) сложный горный рельеф в условиях зимы (снежные бураны при сильных морозах и глубокие снега), 3) время и, наконец, самое главное — 4) необходимость иметь в слабо населенном горном районе обеспеченный тыл — организованные пути сообщения и транспорт для питания армии. Между тем тыл не удовлетворял турецкую армию даже при расположении на месте.

Турецкое командование с сожалением подчеркивало, что в армии было очень мало людей, хорошо знавших район операции. Происходило это от того, что никто не стремился в этот негостеприимный край с его суровыми климатическими условиями. При султане Абдул-Гамиде[2] край этот часто назывался «русской Сибирью», так как сюда ссылались лица, неугодные султанскому правительству за их политические убеждения.

Энвер-паша, намечая при содействии заместителя начальника генерального штаба план операции «Сарыкамыш» и отчислив от командования командиров 9-го и 10-го корпусов за их «пессимизм», все же просил уволенного в отстав-

---

[1] Перед походом на Кавказ Энвер-паша изложил свой план начальнику германской военной миссии в Турции ген. Лиману фон-Сандерсу, который в своих воспоминаниях упоминает: «В конце нашей беседы он мне высказал идеи фантастические и курьезные. Он имел желание достигнуть позднее Афганистана и Индии».

[2] Известен под именем «кровавого султана». Был низложен младотурками в 1909 г.

ку бывшего командира 9-го корпуса Ахмеда-Февзи-пашу, отлично ознакомленного с данным театром, высказаться относительно плана предрешенной операции.

«Я не могу высказать своего мнения относительно будущего, — ответил спрошенный Ахмед-Февзи-паша, — так как нельзя предугадать, в каком положении будем мы и противник. Следует устранить недостатки в снабжении и прежде всего обеспечить армию продовольствием. Затем надлежит в тылу привести в порядок артиллерийские и продовольственные склады и только после этого постепенно и уверенно начать движение вперед. В этой стране с суровой зимой, по моему разумению, другого средства для достижения успеха нет»[1]. Ахмед-Февзи-паша очень трезво оценил обстановку, верно отметив, что без достаточного усиления 3-й армии и без устранения целого ряда недостатков невозможно рассчитывать на успех, но его соображения не повлияли на решение Энвер-паши.

Окончательный план был выражен в приказе, заготовленном майором Фельдманом, утвержденном начальником штаба генералом Бронсартом фон-Шеллендорфом и разосланном в войска:

«Кепри-кей, 6 декабря 1914 г., 22.00. Приказ на 9 декабря 1914 г.

1) Главные силы противника на старом месте.

2) Все силы 3-й армии с Ольтинского направления двигаются прямо в тыл правого фланга противника с целью отрезать его главные силы от Карсского направления и сбросить их прямо на юг — в ущелье р. Аракс.

---

[1] Помощник начальника Генерального штаба, он же командир 10-го корпуса, отмечая по карте 11-й корпус с 2-й кав. дивизией, как сковывавшие русских с фронта, а 9-й и 10-й корпуса, как обходившие и окружавшие русских с тыла со стороны Ольты, высказал в беседе с Ахмед-Февзи-пашей следующую мысль:

«В результате действий русских на австрийском и германском фронтах было доказано, что русские крайне чувствительны к обходным маневрам и как только заметят колонну в тылу фланга, тотчас же отступают».

На это Ахмед-Февзи-паша ответил:

«... Я того мнения, что 9-й и 10-й корпуса выполнят это обходное движение, отмеченное на карте, при условии совершения маневра быстро и безопасно. Это важнейшие условия успеха. Однако я не представляю себе, чтобы в это время года и в том состоянии, в каком, насколько мне известно, находятся части, возможно было бы быстро выполнить этот маневр в пограничных горах. Опасно также оставлять на фронте один 11-й корпус. По этой причине, если признается все же необходимым производство обходного движения, следовало бы усилить 11-й корпус 10-м корпусом, а для обхода затребовать из Константинополя еще корпус».

3) 2-я кавалерийская дивизия, усиленная пехотой и артиллерией, наступая на фланг противника к югу от р. Аракс, отвлекает его внимание на этот фланг (согласно отдельно данным указаниям).

4) 11-й корпус, оставаясь на своих позициях для отвлечения внимания противника, на всем фронте производит демонстративное наступление. В случае наступления всех сил противника, он останавливает его (11-му корпусу даны специальные указания).

5) 9-й корпус двигается, по крайней мере, двумя колоннами (левая колонна дорогой Экрек—Ени-кей) и достигает дороги Кизил-килиса—Ид. Он будет всемерно препятствовать соединению неприятельского отряда в районе Ида с главными силами, расположенными восточнее.

6) 10-й корпус одной дивизией достигает Ида, двумя другими дивизиями — Ардоса. Оба корпуса атакуют встречного противника. По выполнении этого движения вероятно наступление 10 декабря: 9-й корпус — на линию Чатах — Петкир, а 10-й корпус — прямо в сторону Ольты; 11 декабря: 9-й корпус — в направлении на Кетек, а 10-й корпус — в направлении на Бардус.

7) Граница между зонами разведки 2-й дивизии и 11-го корпуса — р. Аракс.

Граница между зонами 9-го и 11-го корпусов — линия, проходящая через Кара-быих, Сичан-Кала, Кюлли-даг. Граница между зонами 9-го и 10-го корпусов — хребет Карга-базар, Ольты, Ид.

8) Относительно способа доставки донесений последует особое приказание.

9) Штаб армии — в Кепри-кее».

Согласно приведенному приказу не исключалась возможность, по достижении 9-м и 10-м корпусами фронта Чатах—Ольты, резкого поворота 9-го корпуса на юг с целью удара по ближайшему тылу и правому флангу русских, в то время как 10-й корпус выходил бы на Бардус.

По мнению Бронсарта фон-Шеллендорфа наилучшим дальнейшим направлением для 10-го корпуса являлось бы в таком случае движение на Сарыкамыш. Если бы 9-й корпус оказался в одном переходе южнее Бардус, а 10-й корпус под Сарыкамышем, русским не представилось бы возможным перебрасывать по шоссе в район этого последнего пункта подкрепления с северного берега р. Аракс, так как этот путь был бы перехвачен 9-м корпусом.

Энвер-паша намечал и другой, более ограниченный план использования своих 9-го и 10-го корпусов по достижении

ими фронта Чатах—Ольты. В этом случае 9-й корпус выходил из района Чатах на Кетек, а 10-й корпус, достигнув района Бардус, действовал бы в направлении на Ени-кей [1], т. е. оба корпуса одновременно выходили бы на ближайший тыл и фланг русских и отрезали бы их от Сарыкамыша. Операция получила бы быстрое развитие, и обходящие корпуса, особенно 10-й, могли бы воспользоваться патрульной колесной дорогой из Ольты в Бардус.

В обоих случаях русским оставался единственный путь для отхода — шоссе от Баш-кей на Каракурт и дальше на Кагызман — трудная аробная дорога.

Однако 11 декабря Энвер-паша для наступления этих корпусов окончательно указал направления: 9-му корпусу Бардус—Сарыкамыш и 10-му корпусу — левее 9-го, с выходом в район севернее Сарыкамыша.

Главнейшими причинами изменения направления удара корпусов явились полученные сведения о том, что дороги через хребет Чахир-баба в направлении движения 9-го корпуса в долину р. Аракс, в особенности же дорога на Кетек, занесены снегом.

С другой стороны, принятый вначале план был отвергнут командиром 10-го корпуса, который, «по стратегическим соображениям», пользуясь имевшейся у него неправильной картой, сумел убедить Энвер-пашу в необходимости изменения этого плана.

Относительно турецкого плана можно отметить следующее:

1. План Энвер-паши, с внесенными в него поправками, теоретически был правилен. Слишком выдвинутое вперед положение Сарыкамышского отряда указывало на выгоды обхода справа, но отсутствовало обеспечение выполнения этой операции, сложной вообще, а в горах в зимней обстановке, при трудности связи, в особенности.

2. Обходящее крыло (9-й и 10-й корпуса) отрывалось от сковывающей группы (11-го корпуса и конницы) на 50 *км*, вследствие этого для 9-го корпуса, находившегося на правом фланге ударной группы, при активности русских создалась угроза удара с юга, со стороны Караурган и Меджингерт. Надлежало прочно обеспечить операцию с этой стороны выдвижением заслона силой не менее пехотной дивизии. В таком случае ближайший путь подхода подкреплений с юга по имевшемуся шоссе на Сарыкамыш был бы перехвачен турками, и при направлении русскими подкреплений к Сарыкамышу с юга по шоссе через Каракурт

[1] Северо-восточнее Кетек.

последние подошли бы, когда Сарыкамыш, обеспеченный турецким заслоном с юга, оказался бы уже занятым турками.

3. Операция в достаточной степени обеспечивалась с севера тем, что намечалось занятие Ардагана со стороны Аджаристана, и 10-м корпусом, подтянутым к Эрзеруму из Анатолии и неучтенным еще разведкой русских. Своим наступлением левее 9-го корпуса 10-й корпус обеспечивал эту операцию со стороны крепости Карс.

4. Задуманный обходный маневр был разработан по неверной топографической карте, без учета сложности рельефа и трудности его преодоления зимой вообще, а в полосе действий 9-го корпуса в особенности.

5. 11-му корпусу, сковывающему главные силы русских, был предоставлен несоразмерно широкий фронт, достигавший 40 *км*, что, естественно, не могло создать больших трудностей оборонявшемуся. Необходимо было усиление этого корпуса хотя бы одной пехотной дивизией 10-го корпуса или же из числа двух дивизий, подтянутых из Месопотамии и действовавших против 4-го кавказского корпуса.

6. Главнейшим недостатком этого плана в горных зимних условиях являлось: отсутствие каких-либо расчетов по устройству тыла ударного крыла и надежды на «базу впереди».

7. Наконец, 3-я турецкая армия для такой широкой операции была совершенно не подготовлена в материальном отношении, и управление армией и войсковыми частями не обладало необходимыми качествами.

Самыми слабыми местами турецкого плана являлись: отсутствие обеспечения операции 9-го корпуса справа, полная неподготовленность тыла 9-го и 10-го корпусов к предстоявшей операции и отсутствие точных расчетов одновременного выхода обоих ударных корпусов к Сарыкамышской базе русских.

Планы русского командования

Планы русского командования были разработаны на основе четырех возможных политических вариантов участия Турции в войне. Война началась по третьему варианту (Турция, решившая вначале соблюдать нейтралитет, затем в тяжелый для царской России период войны на Западе изменила этому решению и напала на Закавказье); план в этом случае заключался в том, что в то время, «когда на Западе будет решаться судьба государства, конечной задачей для войск, остающихся на Кавказе», ста-

вилось сохранение за ними «двух главных коммуникаций, соединяющих Закавказье с Европейской Россией (схема 1), т. е. железной дороги Баку—Владикавказ и Военно-грузинской дороги, а также Баку как промышленного центра». Вместе с тем Кавказской армии дополнительно ставилась задача — предотвратить появление турецких сил на территории Кавказа, что и было выполнено в начале войны с Турцией переходом русскими государственной границы и вторжением в Турцию. Это выдвинутое положение командование Кавказского фронта намечало сохранять и в дальнейшем.

Основной план русского командования, отправившего в начале войны значительные подкрепления с Кавказа на Австро-германский фронт, сводился к активной обороне на занятых рубежах. Этот план, в связи с неудачной Кепри-кейской операцией, понизившей боеспособность армии, а также вследствие наступившего сурового зимнего периода и неудовлетворительной работы и организации ближнего тыла, надо признать соответствовавшим обстановке.

VI

Подготовка сторон к операции

На Кавказе к началу Сарыкамышской операции вместе с прибывшим на усиление 2-м туркестанским армейским корпусом и новыми формированиями имелось 153 батальона (дружин ополчения), 175 сотен и 350 орудий. Из них в составе собственно «действующей Кавказской армии» находилось 114 батальонов и дружин, 127 сотен и 304 орудия. Остальные же части были предназначены для охраны тыла или заканчивали свое формирование.

Противостоявшая 3-я турецкая армия, усиленная вновь прибывшим из Анатолии 10-м корпусом, насчитывала до 121 батальона, около 22 эскадронов, поддержанных курдскими сотнями, сильно ослабленных в предшествовавших боях, и 263 орудия.

В итоге Кавказская армия значительно превосходила турок своей артиллерией, а также регулярной конницей.

Авиация на обеих сторонах отсутствовала [1].

[1] У русских в крепости Карс имелось звено маломощных самолетов, которые в конце Сарыкамышской операции производили полеты с целью разведки в полосе местности вдоль железной дороги и шоссе Карс — Сарыкамыш. Вследствие непогоды результаты разведки были небольшие.

Устройство тыла

(Схема 1)

Снабжение 3-й турецкой армии было налажено слабо.

Целый ряд предметов снабжения подвозился морем через Трапезонд из района Константинополя.

С началом войны, вследствие господства русского флота на Черном море, все снабжение в 3-ю армию направлялось по этапной линии в 900 *км*, начинавшейся от Багдадской железной дороги и следовавшей на Кайсарие, Сивас, Эрзинджан.

Перед Сарыкамышской операцией много транспортных животных — волы, верблюды и др. — по недосмотру и вследствие суровых климатических условий и голодовки частью пало, частью же не было в состоянии нести вьюки нормального веса.

Турецкая армия была снаряжена по современному образцу, но не имела теплой одежды и обуви для зимних операций в горах.

Большие затруднения испытывала также санитарная служба.

Войска имели лишь очень слабое представление о здравоохранении. Источники водоснабжения загрязнялись. В Турецкой Армении с началом зимы свирепствовали сыпной, брюшной и возвратный тифы и дизентерия.

Крайне антисанитарное состояние района способствовало развитию этих эпидемий. Истощенные солдаты, слабо снабжавшиеся, были особенно восприимчивы к этим инфекциям. Санитарных учреждений было недостаточно для борьбы с массовыми заболеваниями. В госпиталях царила ужасающая грязь. Нательное и постельное белье отсутствовало.

Эвакуация больных и раненых сопровождалась величайшими затруднениями из-за отсутствия железных дорог и автотранспорта. Перевозка эвакуируемых больных происходила на повозках конной тяги, на арбах, запряженных быками, и на вьючных животных. Перевозочных средств нехватало, и многие больные должны были следовать пешком в зимних условиях. Отказаться от эвакуации в тыл, т. е. лечить на месте, вследствие значительного ежедневного прилива больных и раненых с фронта было нельзя. Все это вызывало большую смертность в армии.

Русское командование на Кавказском фронте, находившееся в Тифлисе, обеспокоенное неблагоприятно протекавшими боями на главном Карсском направлении в период, непосредственно предшествовавший Сарыкамышской опе-

рации, командировало в Сарыкамышский отряд начальника штаба армии и других лиц для ознакомления с положением дел на месте.

Эти лица отмечали следующие недостатки.

1. Неудовлетворительное устройство ближнего тыла этого отряда, который обслуживался лишь одной неразработанной дорогой Сарыкамыш—Караурган—Зивин—Занзак. Дорога, подходя к правому флангу Сарыкамышского отряда, шла вплоть до левого фланга вдоль фронта, под наблюдением, а местами и под обстрелом турок.

Вследствие непланомерного снабжения всех войск части отряда, находившиеся на левом фланге, как более удаленные от базы, по нескольку дней совершенно не получали хлеба. Хлеб ввиду общего его недостатка перехватывали, главным образом, ближе расположенные к базе правофланговые части и тылы.

Из-за подобных перебоев с доставкой хлеба (по 2—3 дня) войска принуждены были самостоятельно выпекать из муки лепешки. В некоторых частях запас сухарей был съеден. Между тем наличие в Сарыкамышском отряде технических войск позволяло организовать не менее двух путей подвоза.

2. Недостаточность существовавших в отряде транспортных средств. Те средства, которые имелись в отряде, были непригодны для работы на всем протяжении военной дороги, представлявшей от Сарыкамыша до Караургана — шоссе, а в пределах Турции — грунтовую дорогу, местами с вязким грунтом и крутыми подъемами. Свойства путей на турецкой территории требовали применения воловьих и вьючных транспортов; последние были наиболее полезны для ближнего обслуживания войск в горном районе на правом фланге отряда.

Сообразно этому в Сарыкамышский отряд было передано четыре колесных транспорта в дополнение к имевшимся двум.

Полковые и дивизионные обозы часто бездействовали вследствие неорганизованности подвоза и отсутствия на некоторых участках колесных путей.

3. В отношении снабжения войск продовольствием также наблюдались большие перебои, в особенности же приварочными продуктами. Эти перебои происходили не из-за недостатка продуктов в тылу, а из-за неустройства военной дороги, малой емкости транспортных средств, а главное, из-за отсутствия организации в деле подвоза. Мясом войска были вполне обеспечены.

4. Снабжение войск боевыми припасами было неудовлетворительно.

«Хотя на Кавказе имелось вообще ограниченное количество артиллерийских припасов, что потребовало даже особого распоряжения об экономном их расходовании, но не это было причиной отсутствия боеприпасов в боях, сильно отражавшегося на исходе их. Главнейшей причиной являлась неподача их своевременно на позиции вследствие опять-таки неуменья организовать подвоз и малых, не всегда соответствующих условиям горного театра, транспортных средств» [1].

5. Войска совершенно не были снабжены теплой одеждой, несмотря на наступившую суровую зиму. Не имелось не только полушубков, но и теплых портянок, что вызывало большой процент обмороженных.

«Войска вследствие отсутствия теплой одежды изнуряются и уже теперь становятся непригодными в боевом отношении» [2].

Многие солдаты не имели годной обуви, «*кое-кто из них мастерил себе самодельные лапти из кожи павших животных и убитого скота*» [3].

Необходимо было принять экстренные меры к снабжению войск сапогами.

6. Постановка санитарного дела признавалась также неудовлетворительной, и военно-санитарные транспорты не в состоянии были обслужить отряд. В некоторых случаях раненые по 3—4 дня не имели перевязки, а госпитали не располагали средствами для подачи помощи раненым.

Сыпной тиф появился в рядах Кавказской армии с захватом первых турецких пленных в период Сарыкамышской операции. При размещении затем на этапных пунктах и перевозках по железной дороге эти пленные широко распространяли эпидемию.

Таким образом, тыл у обоих противников не был подготовлен для широких зимних операций в горах.

---

[1] Из доклада № 6 начальника штаба армии главнокомандующему Кавказской армии.

[2] Из того же доклада.

[3] Это подтверждается донесением командира 39-й пехотной дивизии де-Витт, указывавшего, что «6 дней, начиная с 9 декабря, непрерывно в боях, люди не отдыхали ни одной ночи, находясь на морозе. Число обмороженных достигло 800, из которых 100 человекам безусловно необходимо произвести ампутацию. Вывоз раненых и обмороженных крайне затруднителен за неимением перевозочных средств ввиду отхода обоза.

Прошу о доставке отпущенных дивизии 1 500 пар валенок безотлагательно».

Глубокий тыл у русских, имевших хорошо развитую сеть и железные дороги в прифронтовой зоне, был организован прочно, но ближайший войсковой тыл, как и в турецкой армии, был организован слабо.

Соотношение сил сторон

Направления	У русских			У турок		
	батальонов	сотен	орудий	батальонов	сотен	орудий
Чорохское	17[1]	1	20	9[2]	—	8
Ольтинское	8¾	7	24	57	6[3]	72
Сарыкамышское	53¾	36	148	30	16[3] и курды	154
Эриванское	10½	41	58	14	курды	16
Азербайджанское	9	24	24	11	курды	13
Армейский резерв	12[4]	12[5]	24	—	—	—
Ардаганский отряд	3	6	6	—	—	—
Итого	114	127	304	121	22 и курды	263

Таким образом, на главном — Сарыкамышском — направлении русские имели значительное (почти двойное) превосходство в пехоте, но в отношении артиллерии силы сторон были почти равноценны. В отношении турецкой конницы следует иметь в виду, что значительная ее часть на всех направлениях состояла из малобоеспособных курдских формирований.

На Ольтинском направлении турки сосредоточили силы, превосходившие русских в отношении пехоты в 6 раз и артиллерии — в 3 раза.

В отношении регулярной конницы на обоих этих направлениях русские имели превосходство над турками, но в условиях зимы в горах и обильного снегопада действия ее в конном строю были крайне стеснены, а местами и совершенно невозможны. В общем же против всей Сарыкамышской группы русских, т. е. Сарыкамышского и Ольтинского отрядов, турки имели почти полуторное превосходство в пехоте и некоторое превосходство в артиллерии.

---

[1] В том числе восемь дружин ополчения.
[2] Кроме того, до 5 000 — 6 000 четников.
[3] Слабого состава.
[4] В том числе 3-я кавказская стрелковая бригада и 263-й пехотный гунибский полк.
[5] Сибирская казачья бригада.

VII

Краткий оперативный очерк хода боевых действий за время с 9 декабря 1914 г. по 5 января 1915 г.

Главные события Сарыкамышской операции представляются в следующем виде (схема 2).

1. 9-й и 10-й турецкие корпуса переходят в наступление, русское командование производит контрманевр в период с 9 по 13 декабря включительно. В этот период два турецких корпуса, выполняя широкий обходный маневр при импровизированном тыле, слабо руководимые Энверпашой, разрозненно выходили в район Сарыкамыша, где неожиданно встретили нарастающее сопротивление русских. Разновременный выход турецких войск был вызван тем, что 10-й корпус, начав наступление против русского Ольтинского отряда, увлекся преследованием его в сторону Ардагана и потерял 2 дня. При выполнении этого маневра некоторые турецкие части обходного крыла понесли громадные потери (до 80%) замерзшими и обмороженными. Русские, разгадав в общем план турок, начали методично перебрасывать с фронта Сарыкамышского отряда к угрожаемому пункту части, которые должны были прикрыть базу всего отряда, находившуюся в Сарыкамыше. Русское командование сначала в лице начальника Сарыкамышского отряда ген. Берхмана, а затем временно командовавшего Кавказской армией ген. Мышлаевского, прибывшего 11 декабря на фронт для урегулирования вопросов управления, было застигнуто врасплох начавшейся операцией и намеревалось оттянуть этот отряд в сторону Карса, но встретило сопротивление со стороны начальника штаба Кавказской армии, указавшего на пагубность этого отхода. Последний являлся уже запоздалым, так как 9-й и 10-й турецкие корпуса выходили к Сарыкамышу раньше, чем туда могли подойти части Сарыкамышского отряда, сковываемые с фронта 11-м турецким корпусом.

Для обеспечения правого фланга Сарыкамышского отряда русские выдвинули через перевал Ханский в район Бардуса 18-й туркестанский стрелковый полк. Ко времени достижения этим полком указанного перевала 12 декабря от Бардуса в направлении на Сарыкамыш направлялись части 9-го турецкого корпуса, оставившие в районе названного селения сравнительно слабый заслон. При такой обстановке русские имели возможность в решительный момент операции выйти на сообщения 9-го корпуса. Лишь случайно 32-я пехотная дивизия 10-го турецкого корпуса, не будучи

в состоянии выйти в этот день в указанный ей район Вартанут, оказалась в Бардусе, отразила наступательные попытки русских и этим прочно обеспечила тыл 9-го корпуса. В дальнейшем, действуя в том же районе, 32-я пехотная дивизия в свою очередь создавала угрозу правому флангу Сарыкамышского отряда.

2. Под давлением внезапно появившегося на фронте Кавказской армии 10-го турецкого корпуса Ольтинский отряд, обеспечивавший правый фланг Сарыкамышского отряда, избежав окружения в районе Ольты, начал поспешный отход к Демур-капу. Для поддержки этого отряда, прикрывавшего одновременно направления и на Ардаган и на крепость Карс, русское командование выдвинуло из крепости Карс имевшиеся там в резерве полевые части, которые к 17 декабря восстановили положение на фронте Ольтинского отряда.

3. В связи с неблагоприятно складывавшейся для русских обстановкой в районе Сарыкамыша Мышлаевский, не дав исчерпывающих указаний в вопросах управления Сарыкамышской группой и не поставив ей задач, оставил ее 15 декабря под благовидным предлогом и отправился в Тифлис, распространяя в тылу армии панику.

4. 9-й и 10-й турецкие корпуса совершают совместный обходный маневр в районе Сарыкамыша, и русское командование отражает этот обходный маневр в период с 14 по 22 декабря включительно.

Остатки 9-го турецкого корпуса были охвачены русскими в районе северо-западнее Сарыкамыша и 22 декабря взяты в плен со всем командованием корпуса. Ослабленный 10-й турецкий корпус, против которого русские сосредоточили ударную группу за счет войск, подтянутых из состава Сарыкамышского отряда и из крепости Карс, сумел искусно выйти из боя, оттянув одну пехотную дивизию на Ольты и другую — к Бардусу.

5. С 24 декабря началось запоздалое преследование русскими 10-го турецкого корпуса, остатки которого совместно с 11-м турецким корпусом, руководимым Энвер-пашой, пытались остановить русских коротким контрударом.

6. В связи с занятием турками в первый период операции Ардагана, откуда они, по мнению русских, могли угрожать в сторону Боржома или даже Тифлиса, русские предприняли операцию с целью уничтожения этой группы турок, которая закончилась 21 декабря разгромом турок у Ардагана. В операции наиболее активное участие приняла Сибирская казачья бригада, переброшенная из Тифлиса.

Затем с запозданием почти на 2 суток и на Ольтинском направлении со стороны Ардагана русские начали преследование турок, сумевших также оторваться от русских.

7. Для отражения угрозы, создавшейся со стороны турок на Бардусском направлении, русские, произведя в короткое время перегруппировку сил, в свою очередь успешно нанесли удар туркам на этом направлении.

8. Одновременно русские развивали преследование турок на Ольтинском направлении, умело используя для маневра в горах конницу.

9. К 5 января 1915 г. русские отбросили турок как на Ольтинском, так и на Сарыкамышском направлениях на их прежние исходные позиции, с которых они начали Сарыкамышскую операцию.

VIII

Переход в наступление 9-го и 10-го турецких корпусов и контрманевр русского командования с 9 по 13 декабря включительно

(Схема 2)

По окончании Кепри-кейской операции 9-му и вновь прибывшему 10-му турецким корпусам было указано базироваться при предстоящем наступлении на дорогу Еникей — Гассан-кала.

11-му корпусу приказано было занять весь фронт против Сарыкамышского отряда, начиная от р. Аракс, слабой завесой, имея главные силы во 2-м эшелоне, сосредоточенными в виде резерва. Корпус усиливался полевой артиллерией 9-го корпуса, которому надлежало наступать в горной местности. Это усиление вполне соответствовало обстановке, так как полевая артиллерия 9-го корпуса на данной пересеченной горной местности не могла быть подтянута к Сарыкамышу.

9-й и 10-й корпуса к 7 декабря должны были занять исходное положение для начала выполнения операции: 9-й корпус в районе Пертанус и Кош; ему надлежало пройти до Бардуса 55 *км* по плохим горным вьючным дорогам; 10-й корпус, сосредоточенный в районе Эрзерума, одной дивизией (31-й) переходил на дорогу, ведущую на Ид, а двумя (30-й и 32-й) сосредоточивался в районе Тортума; в общем 10-му корпусу приходилось пройти до этого исходного пункта, а затем до Ольты около 100 *км*.

С 8 декабря начался сильный снегопад. Так как в зимних условиях возможно было ожидать всюду временных перерывов связи, то было разработано расписание походного движения 9-го и 10-го корпусов на несколько дней вперед. Это расписание намечало достижение следующих рубежей:

	9-й корпус	10-й корпус
На 9 декабря	Кизил-килиса	Ид, Ардост
„ 10 „	Чатах, Петкир	Ольты
„ 11 „	Кетек	Бардус

Первые 2 дня все шло планомерно, и указанные рубежи были достигнуты.

В предвидении операции Энвер-паша объехал предназначенные для ее выполнения части и возвратился в свою штаб-квартиру в Кепри-кей. На фронте он видел голодных и плохо одетых солдат, которым для успокоения говорил тысячи обнадеживающих слов. Вместе с тем он отдал следующий приказ:

«Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что ноги ваши босы и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступите в Кавказ. Там вы найдете всякое продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши последние усилия».

Во главе русской Кавказской армии, вследствие болезни главнокомандующего Воронцова-Дашкова, стоял его помощник Мышлаевский.

Штаб армии, находясь в Тифлисе, был связан с фронтом телеграфом и радио.

К началу операции главные силы Кавказской армии составлял Сарыкамышский отряд (бригада 20-й пехотной дивизии, 39-я пехотная дивизия, 4-я и 5-я туркестанские стрелковые бригады, 1-я и 2-я кубанские пластунские бригады, 1-я кавказская казачья дивизия, 3-й кавказский казачий полк и три отдельные сотни, Кавказский мортирный и 1-й кавказский отдельный артиллерийские дивизионы, Кавказский железнодорожный батальон, пешая и конная пограничные сотни) всего силой в 53¾ [1] батальона, 136 полевых и горных пушек, 12 гаубиц, 36 сотен, 9 саперных рот, под командой Берхмана. Этот отряд после Кепри-кейских боев закрепился на фронте Маслагат—Юзверан—Арди, имея за

[1] Кроме того, в составе Сарыкамышского отряда числилась 3-я кавказская стрелковая бригада, заканчивавшая формирование в крепости Карс; эту бригаду четырехполкового состава (по два батальона в полку) намечалось развернуть в стрелковую дивизию.

своим левым флангом, в районе Алиджакрак—Исламзор 1-ю кавказскую казачью дивизию, которая вела наблюдение на фронте Арди — проход Кара-Дербент. В районе последнего действовал отряд особого назначения[1] силой в 1¼ батальона, 8 орудий и 3 сотни, поддерживавший связь с действовавшим восточнее Эриванским отрядом.

Главные силы Сарыкамышского отряда к этому времени группировались следующим образом:

а) На северном берегу р. Аракс — 41½ батальона, 104 полевых и горных орудия, 12 гаубиц, 8 сотен и 7 саперных рот. Главное ядро: 39-я пехотная дивизия (16 батальонов)[2], 4-я и 5-я туркестанские стрелковые бригады (18 батальонов)[3] и бригада 20-й пехотной дивизии (7 батальонов).

б) На южном берегу р. Аракс — 12¼ батальонов, 32 горных и конных орудия и 28 сотен. Главное ядро: 1-я и 2-я кубанские пластунские бригады (11 батальонов) и 1-я кавказская казачья дивизия (24 сотни).

Правый фланг Сарыкамышского отряда обеспечивался указанным выше Ольтинским отрядом начальника 20-й пехотной дивизии Истомина. Его отряд (в составе 1-й бригады этой дивизии, 3-го Горско-моздокского казачьего полка, 4-й армянской дружины, ½ батальона, 1 сотни 26-й бригады пограничной стражи и 2-го дивизиона 20-й артиллерийской бригады; всего 8¾ батальона, 7 сотен, 24 орудия, 1 саперная рота) был расположен к югу от Ольты, обеспечивая со стороны Эрзерума направления по рр. Сиври-чай и Ольты-чай. Лучшей дорогой для связи между этими отрядами, объединявшимися Берхманом, являлась дорога, идущая через Ид — перевал Ханский — Ени-кей — Караурган. Связь между обоими отрядами поддерживалась посредством беспроволочного телеграфа.

Связь с Эриванским отрядом, занимавшим Алашкертскую и расположенную восточнее ее Диадинскую долины, была живая вдоль фронта через проход Кара-Дербент.

В связи с деятельностью турок, проникших на территорию восставшего против русских царских властей населения Батумской области и Ольтинского округа Карсской области, был образован Ахалцихский отряд Чиковани (северо-восточнее Ардагана).

По сведениям русского командования, относящимся к началу операции, против главных сил Берхмана развернулась 3-я турецкая армия, состоявшая из 9-го и 11-го кор-

---

[1] Также подчинявшийся Берхману.
[2] 1-го кавказского армейского корпуса.
[3] 2-го туркестанского армейского корпуса.

пусов, 2-й кавалерийской дивизии слабого состава, 3 пограничных батальонов и многочисленных курдских формирований. Имелись неясные сведения о возможности подхода к Эрзеруму из Анатолии 10-го корпуса. 11-й корпус располагался против Сарыкамышского отряда большей своей частью севернее р. Аракс. Южнее этой реки действовали 2-я кавалерийская дивизия и курдские формирования. 9-й корпус был оттянут в резерв в район Гассан-кала, куда, возможно, подтягивался и 10-й корпус. Всего же на главном направлении, по сведениям русских, имелось приблизительно до 84 батальонов, свыше 200 орудий, 9 эскадронов регулярной конницы и неопределенное количество курдских полков. Против Эриванского отряда действовали прибывшие с большими потерями из Месопотамии на суровый по климатическим условиям Армянский горный театр 2 дивизии (9 батальонов и 16 орудий), сформированные из арабов, поддержанные 5 пограничными батальонами и курдами.

Первые сведения о наступлении турок и о намеченном ими плане русские получили 6—8 декабря, когда противник перешел в наступление одновременно на Ольтинском и Сарыкамышском направлениях.

В 12 часов 6 декабря Истомин донес, что турки, до сих пор пассивно оборонявшиеся, перешли в наступление. Их отряд, силой до 1 батальона с пулеметами и 1 сотни, действуя со стороны Кош в направлении на Экрек, к вечеру того же дня оттеснил сторожевое охранение русских и занял последний пункт. В этот же день на фронте Кутамар — Карапунгар появились конные и пешие разведывательные партии турок.

7 декабря русские, вновь заняв район Экрек, сдерживали наступавших турок силой около 1 батальона, пытавшихся окружить русских у этого селения.

На фронте Карапунгар — Баш-кала турки в этот день вели усиленную разведку.

По показаниям перебежчика-армянина против левого фланга Ольтинского отряда, т. е. в долине Ольты-чай, сосредоточивались части 83-го полка 28-й пехотной дивизии, а вслед за ними должны были подойти 84-й полк той же дивизии и 87-й полк 29-й пехотной дивизии с артиллерией. Эти части 9-го корпуса были направлены против левого фланга Ольтинского отряда со стороны Юзверан, т. е. они были незаметно для русского командования сняты с фронта Сарыкамышского отряда. Показание этого перебежчика заслуживало особого внимания, так как указывало на возможность появления против левого фланга Ольтинского

отряда всего 9-го корпуса (17-й, 28-й и 29-й пехотной дивизий).

В этот же день надежный лазутчик доставил сведения, что 8 декабря турки намечают начать наступление силой около 20 000 человек одновременно на всем фронте Ольтинского отряда.

Внезапная оживленная разведывательная деятельность турок на Ольтинском направлении, которое во всех оперативных соображениях русского командования считалось второстепенным, и сосредоточение на этом направлении значительных сил противника побудило Истомина 6 декабря просить Берхмана о содействии ему со стороны Сарыкамышского отряда, имевшего свой правый фланг у Маслагата, наступлением на Пертанус и на гору Казычан (на хребте Чахир-баба), господствующую над районом Кош — Пертанус, где сосредоточивался 9-й турецкий корпус. Однако Берхман отказал в этой помощи Истомину вследствие глубокого снега и вьюги и рекомендовал ему «не слишком доверять показаниям местных жителей и перебежчиков, которые бывают безусловно недостоверны».

10-й турецкий корпус должен был наступать двумя колоннами: правой — 31-й пехотной дивизией (без 93-го полка) — по ущелью р. Ольты-чай на Ид и левой — эшелонированными 30-й и 32-й пехотными дивизиями — по ущелью р. Сиври-чай на Кала-богаз (близ г. Ольты).

Левой колонной, более сильной, намечалось внезапно атаковать правофланговые части Ольтинского отряда русских, обеспечивавших направление по р. Сиври-чай, и уничтожить их. Для окружения русских заблаговременно направлялся отряд Фетхи-бея в составе 93-го пехотного полка (31-й пехотной дивизии) с двумя горными орудиями и небольшим числом пограничников. Задача этого отряда — скрытно продвигаясь ущельем р. Тортум-чай, обойти с севера гору Ак-даг и, выйдя на с. Хас-кей, внезапно обрушиться с тыла на русских, оборонявшихся в районе Кала-богаз, и отрезать им путь отступления. Одновременно отряд Фетхи-бея обеспечивал слева операцию 10-го корпуса и всего ударного крыла.

8 декабря Истомин в своих донесениях сообщал о сосредоточении турок в значительных силах против Ардоса в Котике и о начавшейся на всем фронте в районе Ид при сильном тумане перестрелке с небольшими частями турок.

Истомин, ожидая в этот день «нападения» турок, предполагал на основании полученных накануне от лазутчика агентурных сведений, что турки начали наступление в рай-

оне Ид с целью демонстрации, имея намерение нанести главный удар в направлении на Ардос — Ольты.

Если бы это предположение подтвердилось, то Истомин намечал оставить в районе Ид два батальона с четырьмя орудиями, а с остальными силами «двинуться ночью» в район Нориман, откуда, «смотря по обстоятельствам», представлялось возможным действовать в любом направлении, имея в виду разбить противника по частям.

Однако в этот день турки в районе Ид ограничились лишь перестрелкой; они закреплялись на высотах юго-западнее Экрека, Кянзасура, Веринтаба и значительно усилили пехотными частями сторожевое охранение в полосе Карапунгар — Баш-кала. Русские тогда же заняли армянской дружиной укрепленную позицию на высотах у Веринтаба.

На Сиври-чайском направлении Истомин, в связи с полученными агентурными сведениями, принял усиленные меры разведки в направлении на Котик.

К вечеру 8 декабря Истомин получил донесение о появлении турецких частей к северу от поста Джуджурус; против них был направлен один батальон с двумя орудиями. В тот же день несколько позже пришло донесение о перерыве турками сообщения между Ардосом и Ольты. Это понудило Истомина «ввиду угрожающего положения» немедленно начать отход главными силами к Нориману.

Сопоставляя ряд донесений Истомина, начиная с 6 декабря, можно было установить сосредоточение частей 9-го турецкого корпуса вдоль р. Ольты-чай против левого фланга его отряда. Что же касается 10-го турецкого корпуса, то он к этому времени на Кавказском фронте еще не был обнаружен. Однако усиление передовых турецких частей в долине р. Сиври-чай, внезапное появление турецких частей у поста Джуджурус и перерыв ими сообщения между Ольты и Ардосом указывали, что и против правого фланга Ольтинского отряда турки сосредоточивали крупные силы, которые, судя по показаниям перебежчиков и агентурной разведки, должны были наносить главный удар.

8 декабря штаб 10-го турецкого корпуса и 30-й пехотной дивизии, как и было намечено, заночевал в районе Тутмаш — Ислам. Ночью в районе этих селений части 30-й пехотной дивизии заняли исходное положение, чтобы 9 декабря внезапно атаковать русских.

Отряд Фетхи-бея, выйдя вечером 8 декабря в район поста Джуджурус, раскрыл русским готовившийся маневр ударного крыла турецкой армии. Начальник Ольтинского отряда, получая с 6 декабря ряд неясных донесений о

группировке и намерениях турок, с появлением обходной колонны Фетхи-бея разгадал план турок и принял верное решение — немедленно отойти на горные рубежи вблизи государственной границы.

7 декабря Истомин вновь повторил просьбу о помощи ему со стороны Сарыкамышского отряда. Берхман приказал выслать отряд в две-три роты с двумя орудиями, с задачей овладеть горой Казы-чан и произвести разведку в районе Коша и Пертануса.

Так как вследствие глубокого снега на хребте Чахир-баба это приказание не было выполнено, то на следующий день, т. е. 8 декабря, ввиду получения тревожных сведений от Истомина, Берхман решил для облегчения положения сосредоточить 4-ю туркестанскую стрелковую бригаду у Маслагата и затем направить ее на Пертанус—Кош, чтобы захватом этих пунктов угрожать тылу наступающего на Ид противника и отрезать подкрепления, могущие подходить со стороны Кепри-кея. Но это движение также не состоялось вследствие мороза и сильной вьюги.

Решение Берхмана о наступлении 4-й туркестанской стрелковой бригады заставляет предполагать, что русские были в неведении о готовившемся ударе и не подозревали, что в 10 *км* от правого фланга Сарыкамышского отряда (у Маслагата) и на одном уровне с ним была сосредоточена крупная ударная группа (9-й турецкий корпус).

Если бы русские располагали авиацией, то и она вряд ли смогла бы в этот день обнаружить ударную группу: начавшаяся сильная вьюга со снегом исключала возможность использования самолетов. Наибольшую пользу на обширном горном театре могла бы оказать агентурная разведка, правильно организованная еще в мирное время. Но существовавшая задолго до войны агентурная сеть почти перед самой мировой войной была разрушена неумелой работой разведывательного отделения штаба Кавказского военного округа.

С целью отвлечения внимания русских от Ольтинского направления и правого фланга Сарыкамышского отряда турки 7 декабря днем на виду у русских передвигали по высотам на восток в районе прохода Кара-Дербент большие колонны, а затем 8 декабря части 11-го турецкого корпуса вели безрезультатные атаки в районе Юзверана, т. е. против левого фланга отряда Берхмана.

В эти же дни на левом фланге Сарыкамышского отряда части 1-й кавказской казачьей дивизии при столкновении с курдской конницей в районе прохода Кара—Дербент захватили в плен командира одного из курдских полков,

давшего показания о прибытии Энвер-паши в район Ид и о предстоящем наступлении 3-й армии на Ардаганском направлении. Штаб дивизии, допросив пленного, отправил его под конвоем в штаб корпуса, упомянув в разведывательной сводке о захвате в плен одного курда, о его показаниях о прибытии Энвер-паши и о намечавшейся операции турок. Предполагалось, что пленный командир курдского полка будет более подробно опрошен в штабе корпуса. Однако этот пленный туда не был доставлен, так как по дороге был убит конвоем. В штабе корпуса, получив названную разведывательную сводку и не зная о захвате в плен командира полка, не придали этому документу должного значения, полагая, что это были показания какого-либо рядового курда. В штаб армии об этом, повидимому, не было донесено.

Однако о прибытии Энвер-паши в район 3-й армии штаб армии имел сведения из разведывательных данных, сообщенных ему[1] главным управлением русского генерального штаба, основанных на сообщении агентуры из Константинополя.

Сообразно указанному выше плану 9-й турецкий корпус, сосредоточившись в районе Пертанус—Кош, 9 декабря начал наступление к Бардусу двумя колоннами: правой — 29-й и 17-й пехотными дивизиями — через Кожганс, Чатах и Бардус и левой — 28-й пехотной дивизией — через Шакярлы, Петкир и Бардус.

9-й корпус должен был пройти 9 декабря до 25 *км* с задачей выйти на фронт Кизил-килиса—Ид.

В этот день 10-й армейский корпус одной дивизией должен был занять Ид, а двумя другими — район Ардоса.

При наступлении 9-го корпуса его части имели столкновение с 4-й армянской дружиной, выдвинутой Ольтинским отрядом в район Веринтаб, и отбросили ее по направлению к Чатаху.

Командир этой дружины своевременно донес о своем отходе, определяя силы турок до двух батальонов пехоты. Зная о трудностях действий в этом направлении вообще, а зимой в особенности, Берхман не обратил внимания на появление здесь около полка пехоты и не сопоставил эти данные с имевшимися накануне разведывательными сведениями. В действительности это продвигались передовые части 29-й турецкой пехотной дивизии, наступавшие на Кожганс.

[1] Личные воспоминания автора.

Значительные затруднения при наступлении колонны 9-го корпуса встретили в оледенелых и покрытых снегом крутых и длинных подъемах, которые пришлось преодолевать войскам вместе с находившимися при них вьючными животными. Последние при этих подъемах вытаптывали скользкие ступеньки. Так как длина шага вьючного животного больше длины шага человека, то это обстоятельство вызывало еще бо́льшие трудности и замедляло марш.

В таких условиях рекомендуется двигать животных за колоннами особым эшелоном.

В результате части 17-й и 28-й пехотных дивизий имели много отставших.

Энвер-паша, выступив 8 декабря со штабом из Кеприкея с тем, чтобы двигаться с 9-м корпусом, заблудился в тумане и потерял дорогу. Он долго блуждал, прежде чем добрался до Коша, где находился штаб этого корпуса, перешедший затем, с началом наступления корпуса, 9 декабря в Экрек.

9 декабря Энвер-паша заночевал в Хорхоре, отстоящем от Экрека всего в получасе ходьбы пешком в нормальных горных условиях. Насколько эти условия были трудны для наступления 9-го корпуса, видно из того, что, несмотря на своевременную отдачу Энвер-пашой приказа на 10 декабря, он мог быть получен в штабе 9-го корпуса только к полуночи с 9 на 10 декабря.

10 декабря штаб 9-го корпуса ночевал в Кизил-килисе, а Энвер-паша со штабом — в Иде.

9-й корпус при своем фланговом марше до известной степени обеспечивался хребтом Чахир-баба, труднопроходимым в зимних условиях, и кроме того, на западных предгорьях этого хребта выставлялось сильное боковое охранение.

Предпринимая свой маневр, командир 10-го корпуса намечал выйти 9 декабря на линию Ид — Кала-богаз с тем, чтобы в следующие дни, проходя с корпусом не менее 30 *км* в день, прибыть в полдень 12 декабря в район севернее Сарыкамыша.

Между тем Истомин, в связи с появлением накануне вечером турок в районе поста Джуджурус, в течение ночи на 9 декабря сумел незаметно для турок оттянуть части Ольтинского отряда, обеспечивавшего направление по р. Сиври-чай, на укрепленный рубеж на фронте Тамрут — Джуджурус—Зарданес, где и решил остановить турок.

На Ольты-чайском направлении в районе Ида был оставлен арьергард под командой Кутателадзе в составе 1½ батальонов 77-го тенгинского и 78-го навагинского пехотных

полков, с 4 орудиями 20-й артиллерийской бригады и 4-й армянской дружиной Кери.

В связи с неожиданным ночным отходом частей Ольтинского отряда на Сиври-чайском направлении давно подготовлявшийся турками внезапный удар 9 декабря 30-й пехотной дивизией из района Котик пришелся впустую, и частям 10-го корпуса, 30-й и 32-й пехотным дивизиям, пришлось преодолеть от района Котик еще свыше 15 *км* для того, чтобы подойти к рубежу, занятому главными силами Ольтинского отряда к утру 10 декабря.

Истомин верно определил, что против него на Сивричайском направлении действовало не меньше двух пехотных дивизий с артиллерией; по сведениям же, полученным им от лазутчика, силы турок против Ольтинского отряда были «не менее корпуса». Это последнее сведение к вечеру 9 декабря подтвердилось боем. Несмотря на превосходство турок, Истомин решил держаться главными силами на занятом рубеже «до последней возможности, дабы эвакуировать обозы». 9-й кавказский стрелковый полк, обеспечивавший правый фланг Ольтинского отряда и находившийся в Олоре [1], был притянут в Ольты, куда он прибыл 9 декабря в 23 часа.

Вместе с тем арьергарду Кутателадзе было приказано немедленно итти на присоединение к главным силам с тем, чтобы не оказаться в безвыходном положении, если они будут вынуждены начать отход.

Арьергард Кутателадзе при отходе от Ида под давлением энергично преследующих турок спустился своими охраняющими частями с высот в долину р. Ольты-чай у Норимана и здесь остановился для привала, не выставив охранения на высотах, окаймляющих долину. Вследствие этого упущения части 31-й турецкой пехотной дивизии внезапно появились на этих высотах и окружили арьергард. Кутателадзе растерялся и с частью отряда в количестве 750 человек и 5 пулеметов сдался туркам. Большая же часть арьергарда со взводом артиллерии под командой нерастерявшихся командиров рот прорвалась вместе с 4-й армянской дружиной.

Штаб 10-го турецкого корпуса заночевал 9 декабря в Кала-богазе, не имея сведений о своей 31-й пехотной дивизии, которая в этот день остановилась у Норимана. 30-я и за ней во 2-м эшелоне 32-я пехотные дивизии в этот день выбивались из сил, двигаясь по занесенным снегом доро-

[1] Был выдвинут в Олор в начале операции из состава 3-й кавказской стрелковой бригады, заканчивавшей формирование в крепости Карс.

гам, и сильно растянулись: головы этих дивизий ночевали в районе Кала-богаз — Козахур, а хвосты — в двух горных переходах[1] сзади на дорогах.

9 декабря вместе с действиями на Ольтинском направлении 11-й корпус начал наступление силой до двух пехотных полков от Каляндер в промежуток между Али-килисой и Азап-кеем. Наступление 11-го корпуса, вероятно, имело задачей отвлечь внимание русских от Ольтинского направления и сковать правый фланг Сарыкамышского отряда, который мог бы ударить по тылам 9-го корпуса. С другой стороны, возможно предположить, что турецкое командование, видимо, располагавшее вначале Сарыкамышской операции хорошей агентурой, было извещено о предполагаемом 9 декабря наступлении 4-й туркестанской стрелковой бригады, и начавшиеся действия турок являлись контрманевром, имевшим задачей парализовать маневр этой бригады.

Русские части, отступавшие 10 декабря по ущелью р. Ольты-чай, были замечены турками 32-й пехотной дивизии, которые открыли по ним артогонь. Вскоре за этими колоннами в тумане были замечены значительные части в боевом порядке, повидимому, русских, наступавшие как бы в обход правого фланга 32-й пехотной дивизии, остановившейся на высотах.

Артиллерия 32-й пехотной дивизии немедленно открыла огонь по этой колонне, которая в свою очередь ответила тем же. Наступавшие в горно-лесистой местности по глубокому снегу стрелки, не доходя 600—700 *м*, внезапно прекратили огонь, так как «была понята ужасная ошибка» — наступавшими оказались части своей же турецкой 31-й пехотной дивизии.

31-я пехотная дивизия с рассветом 10 декабря, преследуя русских, выбитых ею накануне из района Нориман, наступала с большим порывом к Ольтам, но неожиданно была задержана артиллерийским огнем, открытым слева.

Командир 31-й пехотной дивизии предположил, что огонь открыли русские из района Зарданес. С целью окружения их совместно с 32-й дивизией он выслал 92-й пехотный полк, который в тумане и повел энергичное наступление против своей же 32-й пехотной дивизии[2].

---

[1] В трудных условиях зимы 1914 г. величина горного перехода — от 10 до 15 *км*.

[2] Как указывается в мемуарах командира 9-го корпуса, «когда была понята ошибка, люди начали плакать. Это была раздирающая картина. Мы целых четыре часа вели бой с 32-й дивизией». С обеих сторон участвовало в этом «бою» не менее 24 рот; потери доходили до 2000 чел. убитых и раненых.

Боевое столкновение между 31-й и 32-й пехотными дивизиями в горно-лесистой местности явилось результатом отсутствия разведки, связи и управления со стороны командиров этих дивизий и командира 10-го корпуса.

Эта «роковая ошибка», естественно, породила ложные сведения о противнике, и Энвер-паша приказал командиру 9-го корпуса задержать 28-ю пехотную дивизию у Петкира, имея в виду использовать ее совместно с частями 10-го корпуса, если последний не справился бы с Ольтинским отрядом русских.

10 декабря в бою на фронте Джуджурус — Зарданес русские на Сиври-чайском направлении точно установили присутствие двух пехотных дивизий 10-го корпуса; на Ольты-чайском направлении силы турок не были выявлены, но судя по тому, что они не только сильно давили на арьергард Кутателадзе с фронта, но и угрожали обходом с востока всему Ольтинскому отряду, обнаруженные части турок и на этом направлении должны были представляться значительными.

Остатки указанного арьергарда Кутателадзе присоединились 10 декабря утром к главным силам Ольтинского отряда, который с 8 часов возобновил бой с турками к югу от Ольты.

Благодаря стойкости войск и принятым мерам для парирования обхода, Ольтинский отряд продержался на позициях к югу от Ольты в течение около 3 часов. Это дало возможность окончить начатую еще 9 декабря эвакуацию большей части боевых и продовольственных припасов, казенных сумм, ценного имущества гражданских учреждений, всех раненых, больных, обозов, парков, лазаретов и местного христианского населения (главным образом армян). Около 11 часов отряд постепенно с боем начал отходить, настойчиво преследуемый 30-й пехотной дивизией.

Русская артиллерия привела в расстройство артиллерию турок и, действуя до последнего момента, оставила туркам при отходе отряда четыре орудия.

Турки, повидимому, понесли значительные потери, так как уже к 14 часам их натиск стал ослабевать, и русские спокойно отошли на новый оборонительный рубеж в районе Соленопромысловая, где и расположились на ночлег, имея в течение дня чувствительные потери.

В итоге намеченный турецким командованием план окружения Ольтинского отряда (около 8 батальонов) почти в 4 раза превосходящими силами (27 батальонов с частями пограничников) закончился неудачно вследствие верной оценки штабом Ольтинского отряда слагавшейся обстанов-

ки. Преждевременное появление еще 8 декабря в районе поста Джуджурус обходной колонны турок, начавшей действия на сообщениях Ольтинского отряда, верное сопоставление данных агентурной и войсковой разведок вскрыли силы турок и направление их удара. Однако если 10-й турецкий корпус, впервые появившийся на Кавказском фронте, был отрядом установлен, то 9-й корпус, две дивизии которого были обнаружены разведкой против левого фланга Ольтинского отряда, выпал из поля зрения штаба отряда.

Таким образом, несоблюдение турками элемента внезапности позволило Ольтинскому отряду под покровом ночи отойти на более выгодный рубеж и сорвать давно намеченное турками и широко ими подготовленное окружение.

Весьма вероятно, что бой 31-й и 32-й турецких дивизий отвлек 10 декабря внимание турок от Ольтинского отряда, который благодаря этому легко оторвался от 10-го корпуса и сумел, соединив свои силы и произведя широкую эвакуацию из Ольты, отойти на новый оборонительный рубеж.

В полдень 10 декабря штаб 10-го корпуса вступил в Ольты. Оставленные русскими в городе продовольственные склады и запасы были расхищены турецкими солдатами. При упорядоченном использовании эти запасы могли бы питать всю турецкую армию в течение нескольких дней.

Берхман и после овладения турками Ольтами не поверил поступавшим донесениям Истомина об установленных боем силах противника и о появлении на Ольтинском направлении всего 10-го турецкого корпуса, присутствие которого на фронте Кавказской армии до сих пор штабом Берхмана не было установлено. Также не было придано значения прибытию на Кавказский фронт Энвер-паши.

Берхман продолжал считать невероятным развитие зимой на данном театре широких операций и только для оказания содействия Ольтинскому отряду решил перейти в наступление правым флангом Сарыкамышского отряда. Действовать непосредственно на Ид через хребет Чахир-баба не было возможности ввиду сильных снежных заносов и потому было решено атаковать турок перед фронтом правофланговых частей отряда. 2-му туркестанскому корпусу, находившемуся на правом фланге отряда, было приказано атаковать турок на фронте Пертанус (искл.) — Джиллигель в направлении Кара-быих. Левее переходила в наступление 39-я пехотная дивизия с целью овладения Джиллигелем. При успехе наступления правофланговые части 2-го туркестанского корпуса выходили в район Пертанус, т. е. на сообщения 9-го турецкого корпуса, который к вечеру

10 декабря выходил на фронт Чатах—Петкир, т. е. успел бы оторваться на 40 *км* от своего исходного положения.

Для обеспечения правого фланга Сарыкамышского отряда Берхман приказал 10 декабря начальнику Бардусского отряда, состоявшего из 2-й конной и 3-й пешей пограничных сотен и полусотни 10-й Особой кубанской сотни, с рассветом выслать конную сотню в направлении на Ени-кей (севернее Караургана), «освещая разъездами» горную местность на фронте в 20 *км*. Начальнику этого отряда для ориентировки было указано, что в районе Еникея «возможно найти батальон 18-го туркестанского стрелкового полка, обеспечивающий наш фланг». Только быстро развивавшиеся события на Ольтинском направлении принудили Берхмана обратить внимание на правый фланг своего отряда, который с отходом Истомина обнажался. Обеспечение этого важного фланга было возложено, как мы видели, на слабый Бардусский отряд, состоявший преимущественно из конных частей, которые не были пригодны для действия в покрытых глубоким снегом горах. Один батальон туркестанцев, присутствие которого в с. Ени-кей было у Берхмана под сомнением, совершенно не мог служить обеспечением фланга отряда, так как он находился далеко от перевалов через хр. Чахир-баба, откуда турки могли угрожать тылу отряда.

Командующий 2-м туркестанским корпусом для обеспечения правого фланга Сарыкамышского отряда направил в Ени-кей два батальона 18-го туркестанского стрелкового полка с батареей, но вследствие категорического приказания Берхмана это распоряжение было отменено и в Еникей был отправлен лишь один батальон с четырьмя пулеметами. Однако 11 декабря Берхман уже потребовал «командировки» в район Сырбасан—Ени-кей—Бардус всего 18-го туркестанского стрелкового полка с батареей и полусотней казаков с задачей обеспечить «наш тыл от покушения турок, небольшие части которых уже проникают со стороны Ида и Норимана к Бардусу». Однако этот полк, дойдя до перевала Ханского, преодолеть его вследствие глубокого снега сразу не мог.

Итак, из имевшихся к 10 декабря сведений о противнике можно было заключить о крупных силах турок, появившихся против правого фланга Ольтинского отряда, а между тем русское командование, видимо, предполагало, что внезапное наступление 10-го турецкого корпуса против отряда Истомина имело вообще лишь местное значение. Вместе с тем от Берхмана (из Меджингерта), как отмечал Мышлаевский, поступали в штаб армии (в Тифлис) теле-

граммы, которые указывали, что Берхман, будучи недостаточно осведомлен о том, что у него делается перед фронтом и на Ольтинском направлении, «увлекался демонстрациями против своего левого фланга».

Вопрос управления Кавказской армией в период Сарыкамышской операции заслуживает особого внимания, так как большое удаление штаба армии от фронта сказывалось на своевременности поступлений оттуда сведений, а, кроме того, штаб армии получал иногда заведомо неправильные донесения об обстановке. Затем нахождение штаба в Тифлисе отвлекало его работу от главной задачи — вождения войск. Вот почему начальник штаба армии неоднократно возбуждал вопрос о «перемещении первого эшелона штаба армии вперед». Но помощник главнокомандующего по военной части Мышлаевский, с мнением которого считался Воронцов-Дашков, полагал, что «управлять армией было бы также удобно и из Тифлиса». В действительности же Мышлаевский, который должен был, в связи с возможной отправкой на фронт первого эшелона штаба армии, также последовать за ним и принимать там самостоятельные решения, всемерно оттягивал отъезд штаба, опасаясь ответственности.

Между тем обстановка на Эрзерумском направлении в декабре 1914 г. с каждым днем становилась все тревожнее. Донесения, получавшиеся в копии в штабе армии от начальника Ольтинского отряда Истомина, указывали на начало крупной операции со стороны турок. Тем не менее командующий Сарыкамышской группой Берхман не придавал большого значения этим донесениям, а также предупреждениям штаба армии о необходимости подготовки к назревавшей крупной операции. Берхман, вместо того чтобы принять меры к непосредственному обеспечению района Сарыкамыш в связи с угрозой, созданной уже 10 декабря 10-м турецким корпусом правому флангу Сарыкамышского отряда, донес в тот же день главнокомандующему о переходе своим отрядом с целью контрманевра в наступление в направлении на Кепри-кей. При наличии сильного обхода правого фланга русских наступление Сарыкамышской группы могло только значительно ухудшить ее положение.

Необходимость разобраться на месте и выяснить, каким образом Берхман мог бы оказать содействие Ольтинскому отряду, побудила в конце концов главнокомандующего Воронцова-Дашкова 9 декабря приказать Мышлаевскому выехать с начальником штаба армии Юденичем в штаб Сарыкамышской группы Меджингерт.

Начальник штаба армии, признавая создавшееся положение критическим, взял с собою тех лиц первого эшелона штаба, с помощью которых Мышлаевский в случае необходимости мог бы непосредственно организовать управление Сарыкамышской группой, а именно: генерал-квартирмейстера и по 2 представителя от оперативного и разведывательного отделений.

По прибытии Мышлаевского 11 декабря в Меджингерт Берхман ознакомил его с положением на фронте. Начальник штаба армии высказал, что, по его мнению, турки уже приступили большими силами к выполнению операции с широким обходом правого фланга Сарыкамышской группы, и как следствие этого маневра Ольтинский отряд начал отход под давлением превосходных сил.

Берхман не согласился с предположением Юденича и продолжал опасаться за левый фланг Сарыкамышского отряда.

Для подкрепления соображений начальника штаба армии были потребованы донесения штаба 2-го туркестанского корпуса. За последние дни этот штаб указывал на непрерывно производившуюся на фронте этого корпуса смену турецких частей и продвижение их к северу в обход правого фланга корпуса; затем высланным на фланг и отчасти в тыл корпуса разъездам удалось наблюдать движение неприятельских колонн в сторону русско-турецкой границы.

Не придавая значения этим важным сведениям, Берхман не сообщал о них в штаб Кавказской армии, считая их «явно преувеличенными». А между тем в связи с донесениями штаба Ольтинского отряда еще 7 декабря о появлении перед левым флангом этого отряда частей двух пехотных дивизий 9-го турецкого корпуса, а также с обнаружением смены турецких частей на фронте Сарыкамышского отряда, эти сведения позволяли делать вывод о переброске всего этого корпуса в район западнее хребта Чахир-баба. Обнаружение на фронте Ольтинского отряда боем и агентурой больших сил турок, «не менее корпуса», заставляло предположить появление на Кавказском фронте 10-го корпуса, который совместно с 9-м корпусом, скрытно сосредоточенным в горном и слабо населенном районе, вероятно, имел задачей выполнение широкого маневра.

Не обратив внимания на движение «двух батальонов» 9 декабря против 4-й армянской дружины, Берхман и его штаб считали преувеличенными также сведения 2-го туркестанского корпуса о движении турецких колонн к русско-турецкой границе в районе к западу от хребта Чахир-

баба и не придали значения донесению этого корпуса вечером 10 декабря о движении турецкой колонны в 2 батальона и 4 эскадрона в направлении на Лавсор—Мекара.

В общем вся сумма разведывательных данных, подтвержденных боем Ольтинского отряда, ясно указывала, что против Ольтинского отряда действовал на широком фронте вновь появившийся 10-й турецкий корпус и что западнее хребта Чахир-баба наступали к границе «колонны» турок, которые, вероятно, принадлежали к 9-му корпусу, стремившемуся обойти правый фланг Сарыкамышского отряда. Таким образом, штаб Сарыкамышского отряда, не сопоставляя получаемых донесений с имевшимися ранее разведывательными данными, продолжал оставаться в неведении о группировке турок и о направлении их главного удара. В частности на движение турецких частей как бы в разрез между Сарыкамышским и Ольтинским отрядами Берхман смотрел как на обеспечение турками своего правого фланга при действии на Ольты.

11 декабря, вследствие наличия глубоких занесенных снегом ущелий, крутых склонов хребта Чахир-баба, упорного сопротивления и контратак турок, наступление 2-го туркестанского корпуса приостановилось, а на следующий день и вовсе замерло.

Начальник штаба армии на основании всех приведенных данных обстановки полагал необходимым немедленно прекратить наступление Сарыкамышского отряда и, опираясь на укрепленные рубежи в Пассинской долине, тотчас же выделить и отправить в район Сарыкамыш сильный заслон для парирования обхода турок. Однако Берхман отрицал возможность появления больших сил турок в районе Сарыкамыш и настаивал на продолжении начатого им наступления в сторону Кепри-кея.

Чтобы предотвратить надвигавшуюся катастрофу, штаб армии считал необходимым взять управление в свои руки. Начальники оперативного и разведывательного отделений штаба армии просили генерал-квартирмейстера убедить Мышлаевского вступить в командование Сарыкамышской группой. Мышлаевский на эту просьбу после небольших колебаний согласился, предварительно осведомившись у Берхмана — настаивает ли он на своем решении продолжать наступление, несмотря на только что полученные донесения об оставлении Ольтинским отрядом под давлением турок Ольты и о пленении турками части арьергарда Ольтинского отряда в районе Нориман.

Вследствие того что Берхман продолжал настаивать на

своем решении, Мышлаевский объявил о своем вступлении в командование группой, о чем 11 декабря в 16 ч. 30 м. был отдан приказ № 1 по Кавказской армии, который Мышлаевский «ввиду тревожной обстановки» и предложил всем присутствующим для ускорения записать под его диктовку. Характерно, что Мышлаевский этот приказ не подписал, сославшись на то, что все участники совещания и без того слышали, что он вступил в командование войсками группы, между тем время не терпит и нельзя его терять на подписывание (это была постоянная уловка Мышлаевского, опасавшегося принять на себя ответственные решения).

В этом приказе войскам для дальнейших действий ставились следующие задачи:

1) *1-му кавказскому корпусу* Берхмана в составе 39-й пехотной дивизии с артиллерийской бригадой, 1-й кубанской пластунской бригады с дивизионами 20-й артиллерийской бригады, 1-й кавказской каз. дивизии с мортирным дивизионом и прочими приданными частями — энергично наступать на фронт Пазачур—Хопик, а на правом берегу р. Аракс — на фронт Комацор—Тодеберан, имея целью овладеть Кепри-кейской позицией и разбить находящегося там противника.

2) *2-му сводному корпусу* (бывшему 2-му туркестанскому) в составе 4-й туркестанской стрелковой бригады, 17-го туркестанского стрелкового полка с имевшейся при этих частях артиллерией, 2-й бригады 20-й пехотной дивизии с 6 батареями Кавказской артиллерийской бригады и 3 сотнями 3-го кавказского казачьего полка — «продолжать развивать успех, достигнутый сегодня на направлениях Пертанус и Кара-быих, имея целью разбить левый фланг турецкой армии и отрезать его от войск, перешедших в наступление на Ольты».

3) *Отряду Довгирта,* в составе 18-го туркестанского стрелкового полка с 1 батареей 5-го туркестанского артиллерийского дивизиона, конной и пешей сотен Бардусского отряда пограничной стражи и 1 дружины государственного ополчения (выдвигаемой из Сарыкамыша) — сосредоточиться в Бардусе, имея задачей прикрывать пути на Сарыкамыш и поддерживать связь с Ольтинским отрядом и 2-м сводным корпусом.

4) *Ольтинскому отряду* Истомина, в составе 1-й бригады 20-й пехотной дивизии с приданными ей частями и с 3-й кавказской стрелковой бригадой, с 2 батареями (направлявшимися из крепости Карс) — действовать на Ольтинском направлении и не позже присоединения 3-й кавказ-

ской стрелковой бригады перейти в наступление и атаковать противника, овладевшего Ольтами.

5) *2-ю пластунскую бригаду* с приданной ей горной батареей сосредоточить в районе Хоросан.

Таким образом, приказ Мышлаевского не только подтвердил предыдущие распоряжения Берхмана о переходе в наступление Сарыкамышского отряда с целью нанесения туркам удара своим правым флангом, но и значительно расширил его общую задачу, доводя ее до овладения Кепри-кейской позицией. Между тем подобное наступление играло на-руку противнику, так как при начавшемся его обходе углубление русских в территорию Турции еще в большей степени заставляло их подставлять свой правый фланг, а главное — тыл.

В этом вопросе Мышлаевский допустил непозволительную уступчивость, тем более что впоследствии он назвал отмеченные распоряжения Берхмана по переходу в наступление «прискорбными».

Приказ предусматривал образование резерва отряда за счет подтягиваемой с его левого фланга 2-й Кубанской пластунской бригады, сосредоточиваемой в районе Хоросан.

Включение в состав 2-го сводного корпуса, находившегося на правом фланге Сарыкамышского отряда, бригады 20-й пехотной дивизии усиливало этот фланг. Что касается отряда Довгирта, то, как отмечено выше, выдвинутый на Бардус 18-й туркестанский стрелковый полк в этот день застрял в снегах на Ханском перевале и выполнить свою задачу не мог.

3-я кавказская стрелковая бригада, которая должна была усилить Ольтинский отряд, в это время находилась еще в крепости Карс в расстоянии 140 *км* от Ольты.

Мышлаевский, возвратившись 11 декабря из Меджингерта в Сарыкамыш, где предполагал расположиться со своим штабом, получил ряд серьезных донесений, которые подтверждали предположения начальника штаба армии. Так, штаб 2-го туркестанского корпуса доносил, что офицерский разъезд, высланный за правый фланг корпуса, в течение 2 часов наблюдал «непрерывное движение групп турок в направлении русской границы». Местные жители, случайно встретившие этот разъезд, сообщили, что они в течение целого дня наблюдали движение больших сил турок с артиллерией в этом же направлении.

Затем начальник Бардусского отряда пограничной стражи Сукин донес, что появившиеся в районе Бардуса значительные силы турок теснят отряд, который и оставил

названное селение. Здесь наступал авангард 29-й пехотной дивизии 9-го корпуса в составе 85-го пехотного полка, имевший задачей овладеть Бардусом. Наконец, в это же время пришло донесение от Истомина о том, что в 10 часов 11 декабря его отряд, будучи атакован турками на позиции у Соленопромысловой, в 11 часов начал отход на позицию у Пеняка. Последняя, по донесению Истомина, была хорошо обеспечена с флангов, и он рассчитывал на ней долго удерживать превосходные силы турок. Эти тревожные донесения заставили Мышлаевского уже через несколько часов отказаться от наступления Сарыкамышского отряда, начатого Берхманом.

Сообразно этому Мышлаевский, решая вывести войска из боя и сосредоточить их на оборонительных рубежах, которые они занимали еще до перехода в наступление 10 декабря, 11 декабря в 23 ч. 30 м. приказывает по телефону Берхману приостановить наступление отряда и подготовиться даже к отходу на тыловые укрепленные позиции на рубеже Зивин—Меджингерт—Баш-кей.

Одновременно это приказание было сообщено словесно и начальнику штаба армии Юденичу, назначенному приказом № 1 командовать 2-м сводным корпусом (б. 2-м туркестанским), со штабом в Сонамере [1].

Турки 11 декабря продолжали наступление. Двигавшаяся в этот день во втором эшелоне 9-го корпуса 17-я турецкая пехотная дивизия попала при движении на крутых подъемах от Чатаха к Норшину в сильную метель и потеряла почти половину состава дезертировавшими и замерзшими, так как на людях были легкие шинели, а на ногах поршни (местная легкая обувь).

Энвер-паша, остановив 28-ю пехотную дивизию и повернув ее к Ольтам, по выяснении «роковой ошибки» вновь направил ее на Бардус, имея сведения об отступлении Ольтинского отряда, а сам во главе штаба отправился туда же.

В тот же день Энвер-паша окончательно отказался от выхода 9-го и 10-го корпусов в тыл русским в районе Кетек и решил (под влиянием командира 10-го корпуса) предпринять более глубокий обход русских и выйти на железную дорогу Карс—Сарыкамыш.

В ночь на 12 декабря Энвер-паше было известно из показаний русского пленного о нахождении в Сарыкамыше лишь одного батальона охраны железной дороги и о группировке в районе Караурган—Ени-кей трех туркестанских

[1] До этого времени корпусом командовал инспектор артиллерии корпуса Слюсаренко, совершенно неподготовленный к занятию этой должности.

пехотных полков. Сведений же о положении своих 11-го и 10-го корпусов к 11 декабря у Энвер-паши не имелось. 10-й корпус должен был к этому времени занять район с. Вартанут—Бек-кей, т. е. 9-й и 10-й корпуса должны были выйти на фронт в 20 *км*, с. Бардус—Бек-кей. Между тем из состава 9-го корпуса лишь 29-я пехотная дивизия находилась в Бардусе, части же 17-й и 28-й пехотных дивизий еще находились в пути к этому пункту.

10-й корпус, заняв 10 декабря Ольты, увлекся преследованием Ольтинского отряда по шоссе на Ардаган и потерял 2 дня. По плану операции 10-й корпус должен был свернуть по тропам на восток с тем, чтобы как можно быстрее выйти на фронт Вартанут—Бек-кей, и тогда оба корпуса находились бы на фронте в 20 *км* Бардус—Бек-кей.

11 декабря лишь 32-я пехотная дивизия 10-го корпуса была направлена через горы к востоку от Ольт в направлении на Коп с тем, чтобы к вечеру 12 декабря достигнуть Вартанута. При движении этой дивизии с горными батареями и вьючными обозами саперной роте пришлось местами вырубать по трудной горной тропе ступеньки на оледенелых скалах. Дивизия с большими трудностями поздно вечером достигла Копа, где войска не успели приготовить себе горячей пищи. Состав этой дивизии с 13 000 человек снизился до 7 000 человек.

Остальные же две пехотные дивизии 10-го корпуса (30-я и 31-я) в течение 11 декабря преследовали по Ардаганскому шоссе на протяжении 25 *км* слабый Ольтинский отряд, который увлек на выполнение этой второстепенной задачи главные силы 10-го корпуса вместо выполнения им основной задачи — спешить в район Сарыкамыш.

Для связи с 10-м корпусом командир 9-го корпуса днем 11 декабря выслал приданный ему эскадрон, но сведений от него за день не было получено.

Учитывая создавшееся положение, начальник штаба 3-й армии Бронсарт фон-Шеллендорф предложил выждать сосредоточение в Бардус всех частей 9-го корпуса и выхода 10-го корпуса на линию Вартанут—Бек-кей.

Энвер-паша категорически отклонил это предложение и решил, не ожидая окончания сосредоточения 9-го корпуса, выступить на Сарыкамыш лишь с одной 29-й пехотной дивизией.

По мнению начальника штаба 9-го корпуса, оставившего ценные мемуары, это и было началом большого поражения: «Оно началось в ночь на 12 декабря в Бардусе и заключалось в приказе о наступлении. Вся ответственность в этом деле падает на Энвер-пашу».

Приказ, отданный в Бардусе Энвер-пашой на 12 декабря, указывал 29-й и 17-й пехотным дивизиям 9-го корпуса начать 12 декабря наступление на Сарыкамыш с целью захвата этого пункта и проходов на хребте Соганлуг, по которым ведут пути из района, занятого русскими.

В дальнейшем шли указания:

а) 28-й пехотной дивизии, заняв Бардус, прикрывать направление со стороны Ени-кея.

б) 10-му корпусу (о котором не имелось сведений) продолжать наступление на Сарыкамыш.

в) 11-му корпусу и 2-й кавалерийской дивизии содействовать операции с юга [1].

Приказ заканчивался словами: «Если русские отступят, то они погибли, если же они примут бой, — нам придется сражаться спиной к Карсу».

12 декабря в 7 часов 29-я пехотная дивизия, которая, как и другие дивизии 9-го корпуса, еще в пути в Бардус отправила по приказанию штаба армии полевые батареи в Ольты, а частью передала их 11-му корпусу, выступила через перевал Яйля—Бардус, имея в авангарде 86-й пехотный полк с горным артиллерийским дивизионом и эскадроном.

По достижении Яйля—Бардуса, вследствие трудной проходимости прямой дороги на Сарыкамыш (из-за снегов), по ней был направлен лишь боковой отряд; авангард же и главные силы, по указанию проводника, свернули на Кизил-килису. Войска двигались по колено в снегу.

Энвер-паша со своим штабом не отставал от командира 9-го корпуса и его штаба.

17-я пехотная дивизия, понесшая до 50% потерь в результате метели, застигшей ее в горах, около 10 часов 12 декабря сосредоточилась в районе Яйля-Бардус, ожидая, когда будет очищена дорога 29-й пехотной дивизией, за которой ей надлежало следовать.

В то время, как Энвер-паша со штабом проезжал мимо 17-й пехотной дивизии при переходе ее через перевал у Яйля—Бардус, по ним с юга, с гор, западнее перевала Ханского, несколько раз открывался дальний ружейный огонь. Это, видимо, было или охранение, выдвинутое 18-м туркестанским стрелковым полком, подошедшим к перевалу Ханский, или же конные части пограничников Бардусского отряда, следившие с высот за выступлением головных частей 9-го корпуса. Выгодное фланговое положение русских на этом

[1] Для «поощрения войск к дальнейшим победам» в первом пункте этого приказа отмечалось, что 10-й корпус взял с боя орудия, пулеметы и многочисленных пленных.

направлении серьезно угрожало маневру 9-го корпуса, вследствие чего Энвер-паша оставил в районе Бардус подходившую 28-ю пехотную дивизию, т. е. одну треть своих сил.

Разведка, высланная 51-м пехотным полком 17-й пехотной дивизии, отметила, что огонь открывал разъезд противника и что со стороны Ени-кея видна большая колонна русской пехоты; вблизи на позиции находилось два орудия.

Энвер-паша этому донесению не поверил, несмотря на то, что его ординарец, проверив сообщение лично, подтвердил его. Энвер-паша закрывал глаза перед опасностью и твердил «стреляют наши», видимо, с целью не возбуждать беспокойства у командования 9-го корпуса.

К 16 часам 12 декабря авангард 29-й пехотной дивизии достиг равнины Малаган с узлом дорог на Сарыкамыш, Кизил-килису и Бардус.

Утомленные части 29-й пехотной дивизии растянулись в глубоком снегу. 17-я пехотная дивизия все еще находилась в районе Кизил-килиса. Мороз крепчал. Начиналась метель. Командир 9-го корпуса просил разрешения у Энвера-паши расположить войска на ночлег в редких зарослях леса по равнине Малаган, восточнее которой в лесу находились русские; их конная часть обстреляла турок. Пехота русских с пулеметами занимала холмы. Энвер-паша приказал сбить этот слабый заслон. Лично выбрав позицию для батареи, он приказал открыть огонь и направлял встречные роты в цепь.

Атака должна была быть произведена ночью. С фронта наступал 86-й стрелковый полк 29-й пехотной дивизии, а два других полка этой же дивизии должны были обойти по лесу правый фланг русских и, продвигаясь дальше, занять Сарыкамыш. Этот пункт предполагался расположенным непосредственно за рубежом, занятым русскими.

Ошибка в определении расстояния до Сарыкамыша произошла вследствие того, что на турецкой карте 1 : 200 000 надпись «Сарыкамыш» была помещена значительно западнее. В действительности же Сарыкамыш отстоял еще в 8 *км* от равнины Малаган.

По оценке турок отряд русских на равнине Малаган состоял всего из одной-двух рот. Против них развернулась вся 29-я пехотная дивизия, которая потеряла от сильного огня русских несколько сот человек.

Местность, по которой в темноте и в метели наступали турки, была пересеченная, бездорожная, покрытая глубоким снегом. Около полуночи 86-й пехотный полк сбил

русских с занятого рубежа. Некоторые части потеряли указанное направление. Порядок с большим трудом был восстановлен. Ночью турки накоротке преследовали отходивших русских, не оставивших трофеев. Во время этого боя Энвер-паша находился в боевой цепи, удерживая при себе германцев, которые тщетно указывали ему «на вред и несоответствие со всеми известными правилами местонахождения главной квартиры».

В действительности против 29-й пехотной дивизии действовал отряд русских в составе 1-го и 2-го эксплоатационных батальонов, выдвинутых на поддержку пограничных частей Бардусского отряда, отступавшего от Бардуса к Бардусскому перевалу. Этот отряд, установив против себя превосходные силы турок и искусно оторвавшись от них под покровом метели и темноты, отошел к району западнее Сарыкамыша, на подступах к которому и занял частью сил скалы «Орлиное гнездо» и «Воронье гнездо» (схема 3).

После этого боя рассеявшиеся части 29-й пехотной дивизии заночевали в лесу, разведя огонь. С ними находились штабы армии 9-го корпуса, 29-й и 17-й пехотных дивизий; 17-я пехотная дивизия подошла к месту боя далеко за полночь.

12 декабря, как и накануне, Энвер-паша совершенно не был осведомлен о положении на фронте 11-го корпуса и не знал местонахождения частей 10-го корпуса, который одновременно с 9-м корпусом должен был выйти в район Сарыкамыша. 32-я пехотная дивизия 10-го корпуса, ночевавшая в районе Коп, 12 декабря с проводниками двинулась в дальнейший путь (схема 2) по направлению Посик — Нюсунг — Вартанут, но в дороге была застигнута снежным бураном, который в тот же день захватил также части 9-го корпуса. Вследствие сообщения проводников, что намеченная дорога при таких условиях закрылась, 32-я пехотная дивизия по собственной инициативе свернула на единственный проходимый для войск путь, выводивший в Бардус, т. е. направилась в полосу наступления 9-го корпуса. Случайный подход этой дивизии к исходу дня 12 декабря в район Бардус упрочил положение в тылу 9-го корпуса.

Действительно, оставленный в Бардусе 82-й пехотный полк вместо всей 28-й пехотной дивизии для обеспечения направления со стороны Ени-кея был потеснен с этой стороны 18-м туркестанским стрелковым полком. Подходившая в этот момент 32-я пехотная дивизия выслала подкрепление на гору Чилхороз. Эти части были сбиты русскими, что заставило командира дивизии остаться со всеми сила-

ми в районе Бардус для обеспечения тыла 9-го корпуса. В итоге, если бы случайно 32-я пехотная дивизия не подошла к Бардусу, то русские войска, которые 12 декабря были замечены турецкой разведкой, уничтожили бы или рассеяли 82-й пехотной полк и отрезали бы 9-й корпус от его сообщений уже в первый же день наступления на Сарыкамыш.

Русские силы, наступавшие со стороны Ени-кея, оценивались турками первоначально в 3 батальона, 2 орудия, 4 пулемета с небольшим количеством конницы. В дальнейшем силы их предполагали возросшими до 2 пехотных полков.

Остальные же части 10-го корпуса, т. е. 30-я и 31-я пехотные дивизии, закончив преследование вдоль Ардаганского шоссе отряда Истомина, отошедшего на Мерденек, свернули 12 декабря у Косора на восток и, двигаясь по трудным тропам, остановились: 30-я пехотная дивизия в Арсеняке, а 31-я — в Косоре.

Энвер-паша наметил подкрепить маневр 3-й армии высадкой крупных частей в районе Хоп, но в конце концов, вследствие господства русского флота на Черном море, он удовольствовался высадкой на этом участке побережья двух пехотных полков (7-го и 8-го) 1-го константинопольского корпуса с двумя батареями под командой германского майора Штанке.

Одновременно с этой высадкой в пределы Закавказья были направлены партизанские отряды, сформированные, главным образом, из сторонников правительственной турецкой партии «Единение и прогресс», с задачей: 1) прервать телеграфную линию Ардаган — Карс; 2) разрушить железную дорогу Карс—Сарыкамыш и 3) поднять восстание.

Отряд Штанке имел первоначальной задачей совместно с частями 10-го корпуса окружить Ольтинский отряд, отрезав ему пути отступления на Ардаган ударом со стороны Яланус-чамского перевала.

От командира 10-го корпуса, которому был подчинен Штанке, он получил неясные и неполные указания. Последнее сообщение, полученное Штанке, ложно утверждало, что 10-й корпус двигается на Карс, проходя по 30 *км* в сутки. В дальнейшем связь прервалась, и так как все перевалы на Ольты оказались непроходимыми, то Штанке по собственной инициативе продвигался через Ардануч и Яланус-чамский перевал на Ардаган.

В начале операции в районе Ардагана находился отряд Геника в составе трех пластунских батальонов 3-й кубанской пластунской бригады, одной ополченской дружины, двух батарей и одного казачьего полка. Отряду была по-

ставлена задача—овладеть Яланус-чамским перевалом и наступать затем к Арданучу с целью облегчить действия русского Батумского отряда, отброшенного турками к Батуму.

Отряд Геника 12 декабря не успел еще отойти от Ардагана, как был атакован отрядом Штанке. Охваченный турками с обоих флангов и понеся большие потери, отряд Геника отступил в тот же день к северо-востоку от Ардагана.

Для более прочного прикрытия направления Ардаган — Ахалцих — Боржом — Михайлово русское командование, в связи с появлением турок у Ардагана, выдвинуло из Тифлиса по железной дороге до Боржома и далее по шоссе в Ахалцих Сибирскую казачью бригаду Калитина с конно-пулеметной командой и 2-й оренбургской казачьей батареей. К вечеру 14 декабря бригада достигла Боржома, а в 20 часов Калитин получил приказание немедленно выступить в Ардаган на выручку отряда Геника.

Русское командование удачно решило использовать Сибирскую казачью бригаду для прикрытия угрожаемого Ардаганского направления, где положение Геника и Истомина являлось весьма неустойчивым и где местность вдоль шоссе на Ардаганском плато позволяла действовать конным частям.

Обстановка со стороны Бардуса в течение дня 12 декабря до 14 часов для Мышлаевского оставалась еще неясной, но в общем она представлялась ему «угрожающей», почему он указал Берхману быть готовым к отходу на укрепленный рубеж Меджингерт — Баш-кей.

Мышлаевский, одобрив мероприятия Берхмана по переходу в наступление и значительно развив их в составленном впоследствии печатном отчете, где он пытается оправдать свои действия как помощника главнокомандующего, принявшего в командование Сарыкамышский и Ольтинский отряды, указывал, что, ознакомившись с расположением войск Сарыкамышского отряда, он был крайне поражен тем обстоятельством, что ни одно из указаний, которые давались штабом армии упомянутому отряду, не было исполнено. Войска оказались растянутыми попрежнему в одну линию на фронте в 30 *км*, причем правый фланг отряда, на важность которого указывали выдержанные в период Кеприкейской операции бои, был занят недостаточно прочно, а в общем резерве отряда было всего два батальона у Хоросана. Тыловые пути почти не были разработаны; многочисленные обозы, будучи придвинуты к войскам, загромождали тыл и были распределены не по боевым, а по хозяйственным требованиям. Сведения о противнике имелись крайне скудные. Что же касается оказания поддержки отряду

Истомина, то Берхман «принял прискорбное решение» перейти в наступление с выдвижением вперед, к Кизилдже, своего левого фланга с целью вновь овладеть Кепри-кейской позицией. При этом рискованном решении Сарыкамышский отряд, углублявшийся в Пассинскую долину еще больше, подставлял бы свой правый фланг и тыл, что вполне соответствовало бы планам и расчетам Энвер-паши.

Во второй половине дня 12 декабря со стороны Бардуса стали поступать тревожные донесения от Бардусского отряда, который с утра 12 декабря удерживал турок под сильным ружейным и пулеметным огнем на перевале у Яйля—Бардус. Силы турок определялись в 4 батальона при 4 пулеметах и 2 эскадронах, причем все время обнаруживался подход свежих частей пехоты. Вследствие обхода турками правого фланга этого отряда последний отошел к Кизилкилисе, а затем к Бардусскому перевалу.

К вечеру же 12 декабря Истомин донес из Мерденек о том, что его отряд, не выдержав ночной атаки турок на позиции у Пеняк, отходит на Мерденек. В дальнейшем сообщалось, что турки наступали и со стороны перевала Панжуретского; оставленные на нем роты ополченцев были отброшены к Ардагану. Весь же Ольтинский отряд без давления турок Истомин отводил к Демур-капу, куда должны были подойти части 3-й кавказской стрелковой бригады Габаева, получившего 11 декабря приказание двигаться для содействия войскам Истомина, «отнюдь не открывая пути Мерденек — Карс»; в случае же, если бы это уже произошло, Габаеву надлежало подчинить себе Истомина.

Так как с уходом означенной стрелковой бригады гарнизон крепости Карс очень ослаблялся, было отдано распоряжение о перевозке в Карс из Кутаисской губернии 263-го пехотного гунибского полка, являвшегося единственным резервом, которым было возможно воспользоваться в тылу.

Сопоставляя все эти донесения, поступавшие в течение 12 декабря, Мышлаевский окончательно разгадал план турок, совершивших глубокий обход на широком фронте в сторону Сарыкамыша, т. е. в тыл всему отряду.

Возвратившись утром 12 декабря в Меджингерт, Мышлаевский решил произвести «полную ломку в расположении войск и в дальнейших действиях». В действительности он уже начал терять спокойствие и отдавать поспешные и несогласованные распоряжения.

Не успел еще Сарыкамышский отряд привести в исполнение указанное выше решение Мышлаевского по отходу на тыловые приграничные рубежи (Меджингерт—Баш-кей),

как последовало новое решение об общем отступлении войск этого отряда на рубежи восточнее Сарыкамыша.

Угроза Сарыкамышу все более и более разрасталась. 12 декабря утром командир одного из артиллерийских парков 2-го туркестанского корпуса, направлявшийся с частью парка по шоссе Сарыкамыш—Караурган, был обстрелян в расстоянии 8—9 *км* от первого.

Тогда же на этом шоссе был обстрелян одним из турецких разъездов и сам Мышлаевский по пути в Меджингерт.

Затем по прибытии Мышлаевского в Меджингерт поступила телефонограмма начальника Сарыкамышского гарнизона Воропанова о наступлении четырех турецких батальонов с 6-ю пулеметами к Бардусскому перевалу.

Решение, принятое Мышлаевским, об отходе Сарыкамышского отряда ставило в чрезвычайно трудное положение 2-й сводной корпус, особенно вследствие той поспешности, с которой принял к исполнению это распоряжение командир 1-го кавказского корпуса Берхман, тотчас же отдавший распоряжение об отходе в ночь с 12 на 13 декабря.

Войска 2-го сводного корпуса, брошенные в наступление, ввязались в тяжелый бой со значительными силами турок, обошедших их с правого фланга.

Если вывести этот корпус из боя накоротке на основные укрепленные рубежи в Пассинской долине в течение ночи было нетрудно, то отход его еще далее на Сарыкамыш грозил гибелью.

Между тем почти полное отсутствие давления на части 1-го кавказского корпуса не вызывало необходимости спешить с отходом его к Меджингерту и Каракурту.

13 декабря Юденич, отдав распоряжения лишь о выводе частей корпуса из боя и занятии ими основных укрепленных рубежей в Пассинской долине, прибыл по вызову Мышлаевского в Меджингерт, где ему удалось убедить Мышлаевского и Берхмана отменить распоряжение об общем отступлении Сарыкамышского отряда, о чем последовало распоряжение Мышлаевского 13 декабря в 15 ч. 20 м.

Сарыкамышский отряд, за исключением правофланговых его частей, оттянутых на фронт Геряк — Али-килиса, остался на прежних позициях против 11-го турецкого корпуса, усиленного до 40 батальонов жандармскими и пограничными батальонами и артиллерией за счет 9-го и 10-го корпусов. В район к западу от Геряка турки подтянули на укрепленную позицию 12 тяжелых орудий старого образца, снятых с Эрзерумской крепости.

В центре событий становился Сарыкамышский узел путей в тылу и головная железнодорожная станция, отстоявшая от Бардуса в 25—30 *км*.

По сведениям штаба Сарыкамышского отряда гарнизон Сарыкамыша состоял всего из двух (588-й и 597-й) ополченских дружин. Одна из них находилась на этапе Сарыкамыш, а другая в этом пункте охраняла многочисленные склады. Обе дружины состояли из ополченцев старших возрастов; офицеров в этих частях было мало, и все они были призванными из запаса. Кроме того, в Сарыкамыше имелось два эксплоатационных батальона, и к вечеру 11 декабря туда прибыли совершенно случайно, направляясь в тыл для формирования 23-го туркестанского стрелкового полка, взводы от каждого полка 2-го туркестанского корпуса и два легких орудия того же корпуса.

Появление артиллерии у русских в Сарыкамыше произошло случайно. Вследствие начавшегося в русской армии уменьшения числа орудий в батарее с восьми до шести, изъятые из частей орудия направлялись в Тифлис для формирования новых батарей и 11 декабря прибыли в Сарыкамыш.

Для обороны Сарыкамыша Мышлаевский 12 декабря сделал распоряжение о немедленном направлении к нему ближайших частей, которые возможно было снять с фронта, так как резервы отсутствовали.

Такими частями явились: 5 батальонов 1-й кубанской пластунской бригады, 80-й пехотный кабардинский полк (один из его батальонов перебрасывался на повозках обоза), 155-й пехотный кубинский полк, 15-й туркестанский стрелковый полк, 1-й запорожский казачий полк, 20 орудий 20-й и Кавказской артиллерийских бригад, Терская казачья батарея и Кавказский мортирный дивизион [1].

Этим частям по горным, занесенным снегом дорогам приходилось сделать до Сарыкамыша 70—100 *км*. Головная часть (казаки) могла подойти к Сарыкамышу только через сутки, т. е. 13 декабря, тогда как турки занимали уже Бардус и могли подойти к Сарыкамышу вечером 12 декабря.

В общем верная оценка обстановки привела к принятию целесообразного решения — к отдаче быстрых распоряжений по обороне Сарыкамыша и к высылке туда достаточных сил.

До прибытия этих частей требовалась немедленная организация обороны Сарыкамыша.

---

[1] 16 декабря туда же был переброшен из района Занзах 154-й пехотный дербентский полк.

Мышлаевский потребовал днем 12 декабря к телефону кого-либо из начальствующих лиц, находящихся в Сарыкамыше.

Кроме совершенно растерявшегося начальника гарнизона Воропанова, там имелись командиры указанных ополченских дружин и эксплоатационных батальонов и начальник этапного пункта. Из дальнейших переговоров стало известно, что на железнодорожном вокзале Сарыкамыш проездом находится полковник генерального штаба, прибывший с последним поездом. Этот полковник был потребован Мышлаевским к телефону; он оказался начальником штаба 2-й кубанской пластунской бригады Букретовым, едущим на фронт в свою бригаду. Букретов получил приказание немедленно организовать оборону Сарыкамыша до подхода направленных туда резервов и принять меры разведки и охранения в сторону Бардуса.

В Сарыкамыше, кроме частей, составлявших его гарнизон, случайно находились 200 прапорщиков, только что окончивших Тифлисскую школу и ехавших на укомплектование Сарыкамышского отряда. Эти прапорщики были распределены по ополченским и другим частям импровизированного отряда, в который были вкраплены и обозные солдаты различных тыловых учреждений.

Взводы пехоты 2-го туркестанского корпуса и два орудия были сведены старшим из офицеров Игнатовичем в две роты и составили первую регулярную часть, встретить которую турки не рассчитывали.

Кроме того, отряд Букретова усиливался 8-ю пулеметами, прибывшими в Сарыкамыш и предназначенными на усиление 2-й кубанской пластунской бригады. Затем к Сарыкамышу приближались 2-я конная и 3-я пешая пограничные сотни, составлявшие Бардусский отряд и теперь отходившие под давлением турок.

Букретов формировал свой отряд в то время, когда пограничники, оборонявшие перевал у Яйля—Бардус, уже были сбиты с него и когда высланные им два эксплоатационных батальона вместе с Бардусским отрядом вели бой у Бардусского перевала с превосходными силами 29-й пехотной турецкой дивизии.

Положение Букретова осложнялось тем, что на вооружении ополченцев и эксплоатационных батальонов состояли лишь берданки с 15 патронами на ружье, тогда как у вокзала имелись значительные артиллерийские склады, находившиеся в большой опасности, так как удар турок при наступлении на Сарыкамыш в первую очередь должен был обрушиться на вокзал.

Букретов ожидал, что усилившиеся в течение ночи турки с утра 13 декабря начнут решительно наступать на Сарыкамыш. Опасаясь, что ему не удастся, может быть, удержать головной участок железной дороги до прибытия ожидаемых лишь *к вечеру 13 декабря первых подкреплений*, Букретов решил с наступлением длинной декабрьской ночи на 13 декабря перенести запасы артиллерийских складов с вокзала в казармы 156-го пехотного елисаветпольского полка, квартировавшего в мирное время в Сарыкамыше. Все содержимое этих складов успели перебросить на лошадях и грузовиках и отчасти на руках людьми. Одновременно часть ополченцев была перевооружена трехлинейными винтовками, оказавшимися на этапном пункте.

IX

Бои 13 декабря в районе Сарыкамыш

(Схема 3)

13 декабря Сарыкамыш оборонялся отрядом в составе 588-й и 597-й дружин государственного ополчения, 2 сводных рот туркестанцев, 3-й пешей и 2-й конной сотен пограничной стражи, 2-й кавказской железнодорожной роты, 2 эксплоатационных батальонов, 102-й ополченской сотни, 8 пулеметов и 2 орудий [1]. Ополченские части были малочисленны вследствие убыли и побегов. Затем имелось несколько команд запасных и обозных под командой прапорщиков [2].

При первом же нажиме турок бо́льшая часть ополченцев разбежалась, но туркестанские части, конные и пешие пограничники и другие оказали упорное сопротивление. Два полевых орудия, поставленные на площади, открыли меткий огонь. Турецкая батарея, не ожидавшая встретить у русских в Сарыкамыше артиллерию и потому выехавшая на открытую позицию, скоро потеряла три орудия. После полудня, несмотря на искусную поддержку пулеметов и артиллерии, русский отряд все же не мог остановить наступления превосходных сил турок, пытавшихся охватить оборонявшегося, очистил В. Сарыкамыш и отошел в район железнодорожного вокзала Сарыкамыш, где и вел бой до вечера 13 декабря. В критический момент отхода, около полудня, подошел 1-й запорожский казачий полк, спешивший на выстрелы к Са-

[1] Утром 13 декабря было доставлено из крепости Карс еще восемь пулеметов, предназначенных для вооружения 12-го пластунского батальона 2-й кубанской пластунской бригады.

[2] 600 солдат при 2 офицерах, перевезенных на подводах 13 декабря из района Сырбасан в Сарыкамыш.

рыкамышу рысью всюду, где только горная зимняя дорога это позволяла. Казаки, введя в бой свои пулеметы и бывшие с ними четыре конных орудия, подкрепили изнемогавший в неравной борьбе отряд Букретова.

Турецкая атака ослабела и к вечеру прекратилась. В это время к Сарыкамышу подошли 1-й батальон 80-го пехотного кабардинского полка, переброшенный на подводах [1] из Хоросан, рота 219-го запасного батальона и 222-й запасный батальон, переброшенные из Карса по железной дороге.

В итоге к вечеру 13 декабря в бою под Сарыкамышем собралось до 7¾ батальонов (из них до 75% малоподготовленных), 7 сотен, 6 орудий. Части этой импровизированной Сарыкамышской группы в общем проявили в боях упорство и, умело руководимые при обороне в горных условиях Букретовым, отстояли в критический день 13 декабря базу Сарыкамышского отряда, которой пытались овладеть превосходные силы турок — до 18 батальонов, лично направляемые Энвер-пашой. Правда, эти турецкие части были сильно утомлены проделанными маршами в горах и при подходе к Сарыкамышу понесли от морозов большие потери.

«Драма, порожденная Энвер-пашой, завершалась»,— как образно указывает в своих мемуарах начальник штаба 9-го турецкого корпуса. Люди с промокшей легкой обувью, пройдя 12 декабря большое расстояние по глубокому снегу, расходились на ночлег после боя с русской колонной в районе равнины Малаган; многие из них замерзли. Трупы аскеров (солдат), почерневшие от мороза, обозначали утром 13 декабря расположение бивуаков, образовывая вокруг потухших костров широкие круги. Из частей, разбросанных вдоль дороги, было много отставших, которых утром 13 декабря оказалось вместе с замерзшими в лесу около 50% состава 29-й пехотной дивизии.

При наступлении 9-го корпуса 13 декабря направляющей была 29-я пехотная дивизия. Ее один полк был направлен по дороге на Сарыкамыш, а два других обходили его левее. Подошедшая 17-я пехотная дивизия была направлена еще левее для более глубокого обхода.

28-я пехотная дивизия по прибытии предназначалась на правый фланг для захвата господствующего хребта Чамурлы-даг над шоссе из Сарыкамыша на Меджингерт.

Однако с началом этого наступления в распределение войск лично вмешался Энвер-паша, направивший 29-ю и

[1] Этому батальону при следовании по шоссе в районе Сарыкамыш пришлось, во избежание обстрела турками, свернуть с шоссе и проехать восточнее его по горным дорогам.

17-ю пехотную дивизии несколько правее (южнее) вследствие того, что по его расчетам в этот день к району Сарыкамыша должен был подойти 10-й корпус.

С началом наступления этих частей Энвер-паша верхом вместе со своим штабом и штабом 9-го корпуса двинулся вдоль дороги впереди стрелковой цепи. Вскоре на безлесном подъеме в предрассветном тумане над штабами разорвалась первая шрапнель русских. Энвер-паша вместе со своим штабом, круто повернув свою лошадь назад, ускакал в лес.

Этот артиллерийский выстрел убедил командование 9-го корпуса, что вопреки сведениям Энвер-паши у русских в районе Сарыкамыш была и артиллерия, которая затем держала под огнем на выходах из леса растянувшиеся в глубоком снегу утомленные цепи 17-й и 29-й пехотных дивизий.[1] Вскоре со стороны русских был открыт и сильный пулеметный огонь, наносивший большие потери. Особенно пострадал 86-й полк 29-й пехотной дивизии, наступавший на ее правом фланге и попавший под фланговый огонь артиллерии. Командир этого полка был убит, полк приостановился. 17-я пехотная дивизия проникла до вокзала Сарыкамыш, но 50-й полк этой дивизии был атакован русскими во фланг и отброшен назад с большими потерями; 51-й полк этой же дивизии принужден был остановиться, а 49-й был оставлен у Яйля—Бардус для обеспечения операции справа, со стороны перевала Ханский.

Из состава 17-й и 29-й пехотных дивизий только две горные батареи приняли участие в наступлении; остальные горные батареи были в пути, пробиваясь в снегах. Полевые же батареи всего 9-го корпуса по приказанию Энвер-паши были отправлены в Ольты или приданы 11-му корпусу. Лишь ничтожное число батарей могло поддержать наступление турок 13 декабря.

В течение 13 декабря части 9-го турецкого корпуса распространились по отрогам хребта Турнагель к западу от Сарыкамыша и хребта Чамурлы-даг, господствующего над главной коммуникацией русских — шоссе Сарыкамыш — Караурган.

Наступал вечер, а Сарыкамыш все еще не был взят, несмотря на подход двух полков (83-го и 84-го) 28-й пехот-

[1] Этот сам по себе маловажный факт в развитии Сарыкамышской операции имел большое значение. Взятый впоследствии в плен командир 29-й пехотной дивизии признался, что открытый этой артиллерией огонь до такой степени сбил с толку турецкое командование, что оно признало необходимым остановить решительное наступление частей 9-го корпуса и выждать намеченного в ночь на 14 декабря сосредоточения всех дивизий этого корпуса.

ной дивизии (правда, один из них — 84-й — имел в строю всего 100 человек, так как остальные отстали).

Энвер-паша не имел решительно никаких сведений о соседних 11-м и 10-м корпусах, несмотря на принятые меры установления с ними живой связи. Связь с 11-м корпусом возможна была только кружным путем через Бардус—Нориман—Кепри-кей. Проволочная связь имелась лишь через Бардус до Ольт. В итоге разрозненно подошедшие к Сарыкамышу ослабленные части 9-го корпуса уже не представляли грозной силы, а их атаки носили скорее признаки отчаяния, чем планомерного выполнения задуманного плана. Дивизии 10-го корпуса рано утром 13 декабря выступили с ночлегов: 30-я пехотная дивизия из Арсеняка, а 31-я — из Косора, не отдохнув после предшествовавшего тяжелого перехода. Ненакормленные перед началом выступления, не имевшие теплой зимней одежды и пригодной обуви, бойцы этих дивизий, переваливая через высокий перевал хребта Арсиан, попали в буран при сильном морозе. Для перевозки полевой артиллерии приходилось в передок впрягать 8 лошадей, а орудие тянули 8—10 быков.

Войска утратили дисциплину, разбредались, ложились отдыхать на тяжелых подъемах, засыпали, заносились снегом и замерзали.

Особенно много замерзло бойцов, когда дивизии вышли на широкий водораздел, где войска подверглись пронизывающему ветру, поднимавшему поземку и заглушавшему подаваемые команды. Солдаты растянулись по тропе, которая была показана на имевшихся у турецкого командования картах неправильно. Многие солдаты, оставляя дорогу, самовольно уходили из строя, спускались в боковые ущелья, где пытались найти укрытия от непогоды в летних загонах для скота.

На склонах массива Алла-икпар в этот день турками было потеряно более 10 000 человек замерзшими.

Поздно вечером 13 декабря совершенно деморализованные и поредевшие части 10-го корпуса подтянулись — 30-я пехотная дивизия в Бек-кей, а 31-я — в Баш-кей.

Показанное на турецких картах расстояние от Косора до Баш-кея в 25 *км* командир 10-го корпуса намеревался покрыть в 5 часов, фактически же войска шли 19 часов.

По прибытии в Баш-кей один из батальонов, чтобы собрать подходивших поодиночке людей, развернул знамя, под которое могло собраться всего 80 человек, тогда как при выступлении в поход он имел 800 человек.

В итоге отход отряда Истомина от Пеняка до Агундира (схема 2) увлек за собой 30-ю и 31-ю пехотные турецкие

дивизии, т. е. отвлек их от главнейшей цели маневра — выхода в район Сарыкамыша. Но вместо того, чтобы приостановиться в районе Агундирского перевала и оттуда угрожать сообщениям 10-го турецкого корпуса, повернувшего от Косора на Сарыкамыш, Истомин в панике, без боя, без давления турок, отскакивает к Демур-капу. Между тем, если форсированное отступление отряда Истомина вызвало опоздание на 2 дня с выходом турецких 30-й и 31-й пехотных дивизий в район Сарыкамыша, то нависание отряда на фланге турок в горных условиях еще более замедлило бы наступление 9-го и 10-го корпусов. Наступая по труднопроходимой местности, эти корпуса сильно растянулись, вследствие чего дивизии 9-го корпуса подходили к Сарыкамышу по частям, 10-й же корпус вышел к этому пункту в то время, когда 9-й корпус, понесший большие потери от морозов и боев, оказался уже небоеспособным. С другой стороны, обращает на себя внимание неуменье командира 10-го турецкого корпуса и его начальника штаба Ланге произвести расчет марша в горных условиях, вследствие чего намеченный план выхода 10-го корпуса в полдень 12 декабря в район севернее Сарыкамыша вообще не мог быть осуществлен по условиям горного рельефа и расстояния.

10-й корпус, увлекшийся преследованием Ольтинского отряда, опоздал почти на 2 суток, выйдя к указанному объекту лишь 14 декабря, причем его 32-я пехотная дивизия вышла в район Бардус, т. е. оказалась в полосе наступления 9-го корпуса. При этом отсутствие заботливости у турецкого командования, а у старших командиров, в том числе и у германцев, элементарных представлений о расчетах маршей в горных условиях привело к массовой гибели плохо обутых и одетых турецких бойцов.

Кавалерийский эскадрон, направленный командованием 9-го корпуса с наступлением вечера для разрушения телеграфной линии русских на шоссе из Караурган и наблюдения за возможным подходом с юга русских подкреплений к Сарыкамышу, не мог выполнить данную ему задачу, так как лошади эскадрона до того ослабели от перехода в глубоком снегу через горы, что турки не могли спуститься с хребта к дороге, чтобы перерезать телеграфные провода. Это дало русским возможность все время поддерживать связь между Сарыкамышем и штабом отряда в Меджингерт.

13 декабря обстановка под Сарыкамышем начала складываться весьма неблагоприятно для турок, несмотря на продолжавшиеся наступательные попытки 9-го корпуса. К вечеру в этот день русские части, прибывшие со стороны Караургана (батальон 80-го пехотного полка на подводах),

начали продвигаться на север, угрожая обходом правого фланга этого корпуса, который вследствие понесенных тяжелых потерь представлял по численности лишь один пехотный полк. Для охраны этого фланга были высланы слабые части конницы и сборные штабные команды, имевшиеся при штабах армии и корпуса.

По подсчету турок 13 декабря 9-й корпус был остановлен 5—6 батальонами русских с 5—6 орудиями. В этот день 11-й корпус находился в 50 *км* от поля боя у Сарыкамыша, а 2-я кавалерийская дивизия действовала в 80 *км* южнее р. Аракс. Командир 10-го корпуса намечал еще к полудню 12 декабря выйти со своим корпусом на линию Карс—Сарыкамыш, в действительности же 13 декабря головы его колонн находились в 20 *км* от района Сарыкамыша и связь между 9-м и 10-м корпусами попрежнему отсутствовала [1].

Отсутствие расчетов со стороны турецкого командования для объединения действий 9-го и 10-го корпусов по достижении ими фронта Бардус — Ольты расстроило выполнение обходного маневра. Энвер-паша, вопреки советам германцев, не выждал подхода 10-го турецкого корпуса на фронт Вартанут — Бек-кей и сосредоточения всего 9-го корпуса в районе Бардус. Если бы после этого силами обоих сосредоточенных корпусов он обрушился на Сарыкамыш, то туркам, вероятно, удалось бы овладеть этим пунктом, отрезав путь отхода русских на Карс, тем самым поставить Сарыкамышский отряд в очень тяжелое, а может быть, и в безвыходное положение. Подобный исход не исключался даже в том случае, если бы у русских к этому моменту могли оказаться там более значительные силы.

Войсковые тылы не поспевали за наступающими частями. Колесный обоз по трудным дорогам не мог сопровождать войска. В особенно трудном положении оказался 9-й корпус, наступавший до района Бардус по чрезвычайно трудной горной местности. С 13 декабря этот корпус начал испытывать нужду в продовольствии.

В ночь на 14 декабря солдаты 29-й и 17-й пехотных дивизий оставались на снегу в стрелковой цепи вблизи от противника. Штабы армии и 9-го корпуса расположились по дороге в 1 200—1 500 *м* к северо-западу от В. Сарыкамыша, сделав себе шалаши из сосновых веток. События истекшего дня

[1] Как отмечает в своих мемуарах начальник штаба 9-го корпуса, в этот день «управляющий всеми делами армии и военного министерства и в том числе снабжением всей армии, заместитель главкома (т. е. Энвер-паша) сам остался голодным со всем штабом в диких ущельях и лесах Сарыкамыша и ему пришлось разделить кусок хлеба убитого поручика 29-го арт. полка».

показали Энвер-паше, что обходный маневр уже не удался.

10-й корпус в зимних условиях в 3 суток прошел 75 *км*, т. е. делал до 25 *км* в сутки, тогда как 9-й корпус, следовавший по местности, считавшейся до тех пор непроходимой для больших сил, делал в среднем до 15 *км* в сутки. Однако эти форсированные переходы в горах войска совершали ценой колоссальных потерь обмороженными и замерзшими; этих потерь можно было избежать, если бы войска были одеты сообразно горным и зимним условиям и получали горный паек.

Во время этих событий у Сарыкамыша на других направлениях происходило следующее. На Ардаганском направлении отряд Истомина, оставивший после паники в ночь на 13 декабря позицию у Пеняка, оторвался от противника и без боя форсированным маршем через Мерденек отступил на Демур-капу с целью скорейшего соединения с высланной из Карса колонной Габаева. Истомину было приказано «под страхом быть преданным военному суду» отходить не на Карс, а на Ардаган, чтобы не открыть туркам пути на Ахалцих и далее на Михайлово. Отступление Истомина к Демур-капу было произведено без давления со стороны турок и настолько быстро, что он не знал, какие части действовали против него, и доносил, что из числа преследовавших его двух пехотных дивизий одна была якобы 32-я, тогда как против него были 30-я и 31-я пехотные дивизии, которые от Косор повернули в сторону Сарыкамыша, оставив на Панжуретском и Агундирском перевалах сильные заслоны.

Габаев, направленный из Карса на поддержку Истомина, в ночь на 13 декабря в пути на Демур-капу через коменданта крепости Карс получил следующее приказание от Мышлаевского: «Сообщите срочно Габаеву, что Истомин действует безусловно вопреки отдаваемым ему приказаниям и по совершенно непонятной причине намерен отходить к Карсу. Если бы оказалось, что это стихийное движение происходит потому, что войска выскользнули из рук Истомина, я усердно прошу Габаева сменить Истомина и атаковать турок. Громадной заслугой его было бы перед Кавказской армией, если бы он взял на себя оттеснить турок от Мерденек и прикрыть путь на Ардаган и далее на Ахалцих».

Высланные из Сарыкамышского отряда под начальством Довгирта 18-й туркестанский стрелковый полк и части 17-го туркестанского стрелкового полка вечером 13 декабря сосредоточились у Ханского перевала, образовав заслон со стороны Бардуса.

На фронте главных сил Сарыкамышского отряда турки 12 декабря вели вялые атаки, но 13 декабря перешли в энер-

тичное наступление, охватывая правый фланг отряда, и к вечеру овладели районом Геряк—Али-килиса. Русские части 2-го сводного корпуса остановились восточнее этих селений. Русскими в то же время были установлены сильное ослабление турецких войск и передвижение противника к северу на Ольтинское направление. Разведка русских ошибочно сообщала, что на Ольты прошло около полутора турецких корпусов, одна дивизия продвигалась на Бардус и далее на Сарыкамыш, у которого 13 декабря разведкой было установлено лишь два турецких полка.

Действия 11-го турецкого корпуса, усиленного артиллерией, не отличались энергией и сводились к нажимам на 2-й сводный корпус, на фронте же 1-го кавказского корпуса наступление велось чрезвычайно вяло, что позволило русским черпать резервы для посылки на угрожаемый участок фронта в районе Сарыкамыша из состава этого корпуса.

X

Положение Ольтинского отряда после его отхода к Демур-капу

Положение отряда Истомина особенно беспокоило Мышлаевского и вынудило обратиться к 3-й кавказской стрелковой бригаде, которая получила приказание спешить на помощь этому отряду. Предстояло пройти от Карса до Демур-капу около 50 *км* по удовлетворительному шоссе, при ясной погоде и морозе в 30°.

11 декабря в 7 часов из Карса выступил 1-й эшелон бригады в составе 10-го кавказского стрелкового полка с полубатареей и 31-й кубанской сотней. На другой день выступили остальные части бригады.

Первый эшелон прибыл в Демур-капу 13 декабря в 21 час, к тому времени, когда Ольтинский отряд отошел от Мерденека без давления турок. 14 декабря в 9 часов в Демур-капу со вторым эшелоном прибыл Габаев [1], заставший Истомина, готовившегося с отрядом отходить на Карс. Отход Истомина от Мерденека объяснялся тем, что при крайней деморализации войск представлялось опасным давать здесь бой, и было необходимо «взять большее расстояние от против-

[1] Габаев по пути в Родионовку, найдя обоз Ольтинского отряда в большом беспорядке, привел его в должный вид, а у Кара-калы задержал и передал этапному коменданту до 600 дезертировавших с винтовками солдат этого отряда.

ника и тем выиграть время на приведение войск в порядок».

Когда Габаев убедился, что трудно принудить Истомина выдвинуться вперед в Мерденек с целью задержать турок, он объявил Истомину, согласно указаниям Мышлаевского, о своем вступлении в командование Ольтинским отрядом.

Вследствие весьма пониженной боеспособности Ольтинского отряда Габаев выслал часть 10-го стрелкового полка на разведку, которая 14 декабря заняла Мерденек; последний, подожженный курдами, оказался в огне. Габаев по телефону приказал разведке выдвинуться на юг от Мерденека и при входе в Агундирское ущелье закрепиться на имевшемся там рубеже, закончив работу к утру 16 декабря. Однако приступить к этой работе не удалось вследствие сильного мороза.

15 декабря для усиления 10-го полка, занявшего позицию у Мерденека, был выслан 12-й полк с батареей. 11-й стрелковый полк был оставлен в Демур-капу в качестве резерва. Для обеспечения своего левого фланга Габаев направил в Воронцовку 9-й полк с задачей прикрыть кратчайшие пути к Карсу.

За 15 декабря Габаев имел следующие сведения о турках:

а) Перевал Панжуретский занят, главным образом, восставшими местными жителями числом около 1 000 человек.

б) Агундир противником не занят.

в) В Косоре, по словам местных жителей, имелось не более 200 человек пехоты.

г) Один из стрелков 9-го кавказского стрелкового полка, бежавший из плена (из Косора) и прибывший в Демур-капу, 15 декабря показал, что у Косора имеется около одного-двух батальонов турок. По дороге же, когда он пробирался по горам, восточнее по шоссе у одной деревни (повидимому Агундир) он заметил большое скопление турок; по словам пленного—«больше, чем вся наша бригада».

Вследствие таких противоречивых сведений о противнике 16 декабря была выслана из Мерденека на Агундир разведка: две стрелковых роты и полусотня казаков, которые 16 декабря в 8 часов столкнулись с турками в 6 *км* к югу от Мерденека и под их натиском начали отходить. Показания бежавшего из плена стрелка подтвердили наличие значительных сил турок на Агундирском направлении, которые с утра 16 декабря повели наступление на Мерденек. В связи с этим Габаев приказал 10-му полку перейти во встречное наступление. Отряду Истомина было приказано к 10 часам

сосредоточиться в Салут, что он после неоднократных приказаний неохотно выполнил [1].

К полудню 16 декабря 10-й полк наступал по высотам вправо и влево от шоссе, имея за правым флангом в резерве один батальон. У Охчи находился 12-й полк без одной роты, бывшей в прикрытии к артиллерии. Особенно ожесточенный характер носил бой на правом фланге колонны Габаева, где турки стремились захватить высоты к юго-западу от Мерденека.

Положение на этом горном участке было спасено командиром роты 10-го полка, который со своей ротой внезапно вышел туркам во фланг и тыл. В связи с этим батальон, бывший в резерве, перейдя в наступление, охватил фланг наступавших турок.

Около 14 часов турки перешли к обороне, а Габаев, введя в бой 12-й кавказский стрелковый полк, перешел в общее наступление и к 16 часам отбросил турок на Агундир. Нанесенное туркам поражение было настолько серьезным, что они уже не возобновляли своих наступательных попыток на этом направлении, что позволило Истомину впоследствии свободно развивать свои операции на Ардаган, лишь наблюдая за турецким заслоном у перевала Агундир.

Русские при наступлении потеряли до 300 человек убитых и раненых; турки оставили на поле боя одними убитыми до 900 человек.

16 декабря в 17 часов Габаев через коменданта Карса получил от Мышлаевского приказание «ввиду событий последних дней» немедленно возвратиться с бригадой, батареей и сотней (кроме 9-го кавказского стрелкового полка с батареей) в Карс. «Истомину прикрывать путь на Ардаган».

К 17 декабря в 5 часов части 3-й кавказской стрелковой бригады сосредоточились в Демур-капу.

Что касается действий Истомина 16 декабря при наступлении турок на Мерденек, то он в связи с указаниями Габаева отвел Ольтинский отряд из Демур-капу в Салут, где и находился во время боя, даже не поддержав маневра Габаева своей артиллерией. Лишь когда успех явно склонился на сторону последнего, Истомин выслал для развития успеха два батальона с шестью орудиями, подошедшие к месту боя, когда Габаев перешел к преследованию.

Днем 16 декабря Истомин со стороны Ардагана слышал канонаду, но о занятии этого пункта турками не знал, по-

[1] То обстоятельство, что во главе объединенного отряда стоял Габаев, Истомин старался скрыть в своих донесениях, где он по-прежнему именовал себя начальником Ольтинского отряда, якобы отдававшим приказания прибывшему Габаеву.

чему и запрашивал у Берхмана указаний—держаться ли после ухода Габаева в Мерденеке и преследовать отступивших турок или итти на выручку Ардагана. Вследствие такой неясной обстановки бригада Габаева задержалась в Демуркапу до утра 17 декабря, а затем, оставив 9-й кавказский стрелковый полк в распоряжении Истомина, выступила в Карс.

XI

Решение Мышлаевского в связи с обстановкой, сложившейся к 14 декабря 1914 г.

В ночь на 14 декабря начальник штаба 29-й турецкой пехотной дивизии, поднявшись (схема 3) на хребет Чамурлыдаг для организации обороны на этом участке фронта и разведки, был ранен и взят в плен русскими разведчиками. Турецкий приказ, захваченный у этого пленного офицера, раскрывавший план операции «Сарыкамыш», произвел на русское командование «жуткое впечатление». По мнению Мышлаевского «*со всей очевидностью этот план был близок к осуществлению, и на удержание Сарыкамыша надежды было мало*». Это паническое настроение Мышлаевского усугублялось еще тем обстоятельством, что турецкие кавалерийские разъезды 10-го корпуса 13 декабря подорвали железнодорожный путь у Ново-Селима и Дивика, захватив там санитарный поезд; таким образом, прямая железнодорожная связь Сарыкамышского отряда с крепостью Карс была прервана. Вследствие этого Мышлаевский утром 14 декабря собрал в Меджингерте совещание из высших начальствующих лиц для обсуждения создавшегося положения в связи с *наступающей катастрофой для Кавказской армии*.

На означенном совещании Мышлаевский намечал в течение 15 декабря разбить турок у Сарыкамыша, а 16 декабря начать отход по шоссе в направлении к крепости Карс.

Если бы этот маневр не удался, то Мышлаевский имел в виду другой план, который он изложил в особой директиве. Оба командира корпуса, бывшие на совещании, не согласились с планами Мышлаевского.

Сущность директивы, носившей эскизный характер и не подписанной Мышлаевским, сводилась к следующим неоформленным и неуточненным предложениям, которые были записаны под его диктовку начальником штаба 1-го кавказского корпуса Ласточкиным.

«1. Открыть путь от Сарыкамыша на Карс, оставив у Сарыкамыша заслон.

2. Вытянуть войска с фронта для переброски на железнодорожную станцию Михайлово (т. е. в район Боржома).

3. При необходимости организовать отступление на Карс оставить сильный заслон и не допускать разгрома наших войск.

Все эти задачи должны быть исполнены согласованно.

На фронте предполагаю оставить: 39-ю дивизию, 4-ю туркестанскую бригаду, 2-ю бригаду 20-й дивизии и 1-ю кавказскую казачью дивизию с их артиллерией.

4. Для переброски на Михайлово предназначаются 1-я и 2-я пластунские бригады и 5-я туркестанская бригада с их артиллерией.

5. В случае отхода к Карсу в его гарнизон войдет 2-я бригада 20-й дивизии, а 39-я дивизия, 4-я туркестанская бригада и 1-я кавказская казачья дивизия составят маневренную группу. Дружины государственного ополчения, запасные госпитали из Сарыкамыша идут в Карс, а из Каракурта и Баш-кея — в Кагызман.

Запасные части, кадры и укомплектования возвращаются по назначению.

6. Распределение начальников.

Берхман со своим штабом руководит действиями у Сарыкамыша и пробивает дорогу, а затем отправляет войска, предназначенные для Михайлова, для посадки в Сарыкамыше и Карсе.

Юденич руководит обороной на фронте и очищением тыла от обозов, для чего переезжает в пункт по своему выбору, предпочтительнее в Меджингерт, где есть уже организованная связь как с фронтом, так и с Сарыкамышем. В его же распоряжение переходят и все органы всего тылового управления Сарыкамышского отряда.

7. Для выручки Сарыкамыша отправляется 2-я бригада 20-й дивизии, 1-я и 2-я пластунские бригады, 5-я туркестанская стрелковая бригада и 155-й пех. кубинский полк.

8. Обозы 1-й и 2-й пластунских бригад — на Каракурт.

9. Я со штабом переезжаю в Каракурт, с которым связь по телефону устраивается теперь же, а Берхман должен поддерживать со мной связь по телеграфному проводу телефоном.

Штабу 1-го кавказского корпуса передать в полевой штаб необходимые средства и личный состав.

Распоряжение о перемещении начальников приводить в исполнение только в том случае, если бы к сегодняшнему вечеру, т. е. к 14 декабря, нам не удалось у Сарыкамыша разбить и отбросить турок и, наоборот, было бы обнаружено новое накопление там их сил.

Если бы Берхману разбить турок у Сарыкамыша не удалось, то он выставляет заслон к Сарыкамышу и Каракурту и, как старший, совместно с Юденичем выводит 39-ю дивизию и туркестанцев на Каракурт и далее, смотря по обстоятельствам, лучше к Карсу».

Приведенная директива представляла только личные соображения Мышлаевского, выполнение же ее откладывалось до выяснения обстановки у Сарыкамыша.

Судя по наброску этой директивы, Мышлаевский, несмотря на имевшиеся данные о противнике и полученный турецкий приказ, раскрывший план Энвер-паши, все еще остается под впечатлением более широкого плана последнего, предусматривавшего якобы не только уничтожение главных сил Сарыкамышского отряда и овладение крепостью Карс, но и наступление через Ардаган на Ахалцих—Боржом—Михайлово—Тифлис. Обстановка для Мышлаевского на Ардаганском направлении еще неясна, почему он предусматривает переброску части сил, если бы их удалось «вытянуть», к Карсу по железной дороге на Михайлово. Эти части в случае диверсии турок от Ардагана на север, вследствие слабой провозоспособности Закавказской железной дороги на участке Карс—Тифлис, естественно, запаздывали с подходом. В лучшем случае их пришлось бы тогда сосредоточить в районе Гори с целью прикрытия Тифлиса с запада.

Далее Мышлаевский, как всегда, не забывает и свою персону, для сохранения которой он ищет более удаленного и безопасного пункта, каким являлся Каракурт, забитый в то время обозами. Обстановка же требовала присутствия Мышлаевского на более решительном участке, а именно в Сарыкамыше.

Слабым местом Сарыкамышского отряда являлся его правый фланг, от которого вместе с тем отходил единственный колесный путь Кетек—Караурган—Сарыкамыш. С перехватом его русским оставалась возможность попытаться отойти к Кагызману по трудной дороге, на которой, по образному выражению Мышлаевского, в зимних условиях «вся колесная артиллерия и обозы» отходивших русских частей оказались бы на дне ущелий.

В общем все содержание директивы Мышлаевского было проникнуто не стремлением принять бой и попытаться разбить противника, а лишь одной мыслью—уйти во что бы то ни стало из-под удара, занесенного 3-й турецкой армией, и спасти хотя бы остатки войск группы, которые могли бы послужить ядром для создания в глубоком тылу новой армии.

Создавшаяся обстановка рисовалась утром 14 декабря Мышлаевскому, не имевшему еще сведений от Габаева, в чрезвычайно мрачных красках.

Отряд Истомина, повидимому, не боеспособен и отходит на Карс, открывая все больше фланг и тыл Сарыкамышского отряда.

У Ардагана — турки, для которых путь к Тифлису был открыт.

9-й турецкий корпус, выполняя свою задачу, сосредоточился в районе Бардус главными силами, которые подкрепят передовые части этого корпуса, сражавшиеся в районе Сарыкамыш, где уже целые сутки шел бой.

Отряд Букретова усилен лишь одним конным полком; это являлось недостаточным при усиливавшейся группе турок и отсрочивало падение Сарыкамыша самое большее на сутки.

Левее 9-го корпуса наступает 10-й корпус на железную дорогу Карс—Сарыкамыш, т. е. совершает еще более глубокий охват.

Тяжесть положения Сарыкамышского отряда заключалась в том, что ему открывалась возможность отступить лишь по грунтовой дороге, отходившей от его левого фланга на Кагызман.

Приведенная выше оценка создавшегося положения предрешала, по мнению Мышлаевского, те меры, которые необходимо было предпринять. Первой мерой было усиление крепости Карс, для чего и было приказано 3-й кавказской стрелковой бригаде Габаева спешно возвратиться в Карс, бросив Ольтинский отряд Истомина на произвол судьбы даже и в том случае, если бы Габаеву еще не удалось исполнить указанного выше приказания — разбить турок на Ольтинском направлении; Истомину же надлежало двигаться на Ардаган. 3-я кавказская стрелковая бригада и 263-й пехотный гунибский полк были единственной силой, которая могла поддержать, по заключению Мышлаевского, войска, сражавшиеся у Сарыкамыша.

Кроме того, как писал в своем отчете Мышлаевский, простое благоразумие требовало подумать о неудаче в том случае, если бы наши войска оказались в долине р. Аракс, быть может, у Кагызмана.

В этом случае общее положение в Закавказьи представлялось Мышлаевскому в очень грозном виде: «В долине р. Куры, кроме небольших гарнизонов, никаких войск не оставалось. В случае ухода стрелков и гунибцев на выручку Сарыкамыша в Карсе почти не оставалось бы гарнизона. На Ольтинском направлении, если бы Габаев не разбил ту-

рок, отряд Истомина очутился бы между двух огней, так как Ардаган уже был занят турками. Азербайджанский отряд находился далеко на отлете, куда затянули нас не одни военные, но и, главным образом, политические интересы».

Эриванский отряд, стоявший в Алашкертской долине, также далеко углубился в территорию Турции. Но над всем этим господствовало опасение за впечатление, какое произведет победа турок в Закавказьи. «Нельзя было упускать из вида, что недавнее поражение за р. Чорох[1] небольшого нашего отряда и спешный вывод пластунов из Артвина повлекли за собой восстание в Батумской области и что наступление турок к Сарыкамышу уже сопровождалось восстанием курдов и мусульман и к стороне Карса и на Ольтинском направлении».

Противодействовать последствиям вероятной победы Энвер-паши, по мнению Мышлаевского, возможно было только из Тифлиса как из центра управления, где имелись все данные, чтобы начать спешные формирования войск, «если нужно изменить наряд войск для поддержания спокойствия в крае, произвести необходимые дислокационные изменения, дать новые указания Азербайджанскому и другим отрядам». Наконец, в Тифлисе находился главнокомандующий Кавказской армии, «который, несмотря на недомогание, держал все нити управления в своих руках». Но в эти тревожные дни главнокомандующий «был почти одинок, при нем не было не только помощника, на обязанности которого лежала вся распорядительная часть по общим принципиальным решениям, но не было ни начальника полевого штаба Юденича, ни его заместителя». При такой обстановке Мышлаевскому «предстояло решить вопрос—продолжать ли командование Сарыкамышским отрядом или, сдав это командование Берхману, спешить с возможной скоростью в Тифлис, так как у Сарыкамыша на двух главнейших направлениях атаки уже находились Юденич и Пржевальский», которым даны надлежащие указания; при этом имелось в виду, что «общая задача — разбить обходящую колонну противника — выяснилась с исключительной простотой».

На основании этих исходных данных, кроме задач, поставленных Габаеву и Истомину, Мышлаевский после сдачи командования Сарыкамышским отрядом Берхману указал ему на гибельность отступления на Каракурт и на желательность прорыва в случае необходимости к северу у Сарыкамыша, откуда легче можно было найти выход к Карсу.

---

[1] В период Кепри-кейской операции.

Новые известия о решительном наступлении турок в районе Сарыкамыша, которое они вели в течение всего дня 14 декабря, и о выходе турок к Ново-Селиму, а также захват боевого приказа у пленного начальника штаба 29-й пехотной дивизии, повидимому, произвели на Мышлаевского столь сильное впечатление, что он пришел к заключению о безвыходности положения войск Сарыкамышской группы и решил бросить на произвол судьбы последнюю и уехать в Тифлис.

Находившийся при Мышлаевском генерал-квартирмейстер Кавказской армии, повидимому, не возражал против этого решения, и 15 декабря в 8 часов Мышлаевский вместе с генерал-квартирмейстером армии под конвоем одной конной пограничной сотни, которая вместе с 1-й кубанской пластунской бригадой спешила в Сарыкамыш, покинул Сарыкамышский отряд и отбыл в Каракурт, где переночевав, прибыл 16 декабря в Кагызман, оттуда на автомобиле, вызванном из 4-го кавказского корпуса (со стороны Эривани), отправился в Карс. В пути Мышлаевский вызвал на станцию Алагез (схема 1) командира 4-го кавказского корпуса Огановского, которому приказал немедленно, не ожидая результатов боев под Сарыкамышем, отходить на пограничный хребет Агри-даг, а в случае давления турок отступать далее в направлении Эривань — Акстафа.

Однако командир этого корпуса совершенно не испытывал давления со стороны находившихся против него 36-й и 37-й турецких пехотных дивизий, прибывших из Месопотамии и укомплектованных арабами, понесших вследствие суровых климатических условий театра большие потери. Учитывая, что своим отходом он совершенно обнажит левый фланг Сарыкамышской группы, Огановский не выполнил приказания Мышлаевского. В итоге 4-й кавказский армейский корпус до конца операции продержался на ранее занятом фронте, чем в значительной степени облегчил положение левого фланга Сарыкамышского отряда.

Мышлаевский, считая положение Сарыкамышского отряда безвыходным, приказал Азербайджанскому отряду Чернозубова немедленно очистить Тавриз и отойти к Джульфе. Во исполнение этого распоряжения Чернозубов, не вдаваясь в оценку степени спешности его, без всякого давления со стороны турок очистил Тавриз, Урмию и Дильман, занятые затем небольшими частями турок. Азербайджанский отряд сосредоточился в районе Джульфа—Хой. Этот отход имел неблагоприятные последствия и потребовал затем для восстановления утраченного положения значительных усилий, связанных с потерями.

Мышлаевский по пути из Кагызмана в Карс, подъезжая к этой крепости, был обстрелян турецким разъездом 10-го корпуса.

В Карсе Мышлаевский приказал сформировать отряд Габаева из 263-го пехотного гунибского полка и двух полков 3-й кавказской стрелковой бригады с артиллерией, после чего отбыл в Тифлис.

Полученные штабом армии в Тифлисе сведения с фронта произвели самое тягостное впечатление, усиливавшееся сведениями о перерыве связи с Сарыкамышским отрядом, куда выехали все старшие начальники армии. Обстановка рисовалась особенно мрачной в связи со сведениями о занятии турками Ардагана, откуда открывались пути на беззащитный Тифлис. Известие о появлении турецкой конницы (в действительности слабых разъездов), которая испортила железнодорожный путь Карс—Сарыкамыш, еще более усугубило панику. Горячие головы уже усматривали турецкие разъезды в 60 *км* от Тифлиса. Ввиду возможности неожиданного появления турецких войск у Тифлиса, оттуда по главнейшим угрожаемым направлениям были высланы авангарды в составе ополченских дружин.

Панику и растерянность увеличил прибывший в Тифлис Мышлаевский, который для успокоения населения начертил перед приглашенным им бывшим городским головой Тифлиса Хатисовым «схему наступления» турецких корпусов, так что «для всех совершенно ясной становилась картина окружения и капитуляции Кавказской армии».

По мере развития событий у Сарыкамыша в Тифлисе росла тревога, «чувствовалось безначалие и являлась возможность беспорядков и резни». Одновременно было приступлено к эвакуации из Тифлиса семей служащих, архивов и ценностей. Вследствие распространившейся паники наиболее состоятельные слои населения уезжали из Тифлиса, штурмуя поезда, уходившие на Баку, и пользуясь всеми средствами передвижения по Военно-грузинской дороге до Владикавказа[1].

XII

Совместный маневр 9-го и 10-го турецких корпусов в районе Сарыкамыша и контрманевр русского командования с 14 по 25 декабря

(Схемы 3 и 4)

14 декабря в Сарыкамыш стали прибывать подкрепления: а) с утра три батальона 80-го пехотного кабардинского пол-

[1] 8 марта 1915 г. Мышлаевский был уволен со службы.

ка с восемью пулеметами во главе с командиром полка Барковским, который был назначен Мышлаевским командующим войсками района Сарыкамыша вместо Букретова, получившего участок обороны у В. Сарыкамыша; б) к ночи подтянулся 155-й пехотный кубинский полк с восемью пулеметами и восемью орудиями 20-й артиллерийской бригады; в) вечером же были получены сведения о движении через станцию Соганлугская к Сарыкамышу из состава 2-го сводного корпуса 2½ батальонов 15-го туркестанского стрелкового полка с 8 орудиями, 4 пулеметами.

Всего в районе Сарыкамыша к концу дня 14 декабря было сосредоточено, считая и различные, мало боеспособные формирования, оборонявшие этот пункт накануне,— 17¼ батальонов, 7 сотен, 22 орудия и 38 пулеметов против сильно ослабленных 52 батальонов 9-го и 10-го турецких корпусов.

Рано утром 14 декабря оборонявшиеся русские располагались следующим образом (схема 5):

1) Правый боевой участок — 2 батальона 80-го пехотного кабардинского полка с 4 орудиями.

2) Центральный боевой участок — около 2 батальонов различных формирований, 3 сотни 1-го запорожского казачьего полка с 2 орудиями — в районе вокзала и высоты «Орлиное гнездо».

3) Левый боевой участок под командой Букретова — 2 батальона различных формирований и 2 конные сотни — у В. Сарыкамыша.

4) Резерв — 2 батальона 80-го пехотного кабардинского полка — южнее Сарыкамыша.

На рассвете 14 декабря вдоль исходного рубежа, занятого турками для наступления, догорали костры, которые вследствие сосредоточения почти всего 9-го корпуса распространялись по отрогам хребта Турнагель, восточнее, в направлении к Карсу.

После сильной артиллерийской подготовки Энвер-паша тогда же приказал 9-му корпусу вновь повторить атаку. В этот день все, в том числе командующие армией и корпусом, были в цепи с револьверами в руках, посылая людей вперед.

Командир 9-го корпуса Исхан-паша фактически перестал командовать корпусом и всем распоряжался Энвер-паша, настойчиво требуя перехода в энергичное наступление.

Горные орудия были на линии огня и использовались как пулеметы для стрельбы по русским позициям, располагавшимся ниже. Хотя артиллерия русских и занимала выгодные огневые позиции и могла брать противника всюду под перекрестный огонь, тем не менее ее было слишком мало,

чтобы в борьбе с артиллерией турок добиться успеха. Русская артиллерия взяла под обстрел пехоту турок, которая с раннего утра перешла в наступление в густых построениях, отчетливо выделяясь на фоне снега и на склонах высот, окружавших Сарыкамыш с северо-запада и запада. Русская артиллерия шрапнелью пробивала широкие бреши в рядах турок и принудила их приостановить свое наступление и вступить с русскими в огневой бой. Занимая крайне невыгодное положение, русские проявляли необычайное упорство и, несмотря на тяжелые потери, отбили все атаки турок. Русские удержали В. Сарыкамыш, но турки заняли последние уступы отрогов хребта Турнагель: «Воронье гнездо» и «Орлиное гнездо», нависшие над железнодорожным вокзалом. Распространяясь к востоку, турки заняли и весь гребень, протягивающийся вдоль железнодорожного полотна и командовавший над южной частью Сарыкамыша, где были сосредоточены все запасы русских. К вечеру 14 декабря было обнаружено наступление 82-го пехотного полка 28-й пех. дивизии, стремившегося спуститься с лесистого хребта Чамурлы-даг и перехватить подходившее вплотную к хребту шоссе Сарыкамыш—Караурган, по которому шло сообщение между Сарыкамышем и главными силами Сарыкамышского отряда в Пассинской долине. Эта попытка была остановлена 155-м пехотным кубинским полком, который в это время подходил от станции Соганлугская к Сарыкамышу. Первый батальон, прибывший на повозках, остался в виде заслона к стороне хребта Чамурлы-даг, остальные три батальона прибыли ночью к Сарыкамыш[1].

Подходивший же вслед за этим 15-й туркестанский стрелковый полк был направлен в охват правого фланга турок на хребет Чамурлы-даг. От сотни, высланной для разведки вдоль железной дороги на Чатах, ночью было получено донесение, что близ Лал-оглы, западнее Н. Селима, ею была обнаружена пехотная колонна турок силой до 1 батальона с 3 эскадронами, занявшая высоты в 2 *км* западнее Дивика. Другой батальон турок наступал на Ель-Кечмез. С ночи на 15 декабря по кострам турок возможно было установить удлинение их фронта на северо-восток. Это были 30-я и 31-я пехотные дивизии 10-го турецкого корпуса, выступившие в поход в числе 20 000 человек, из которых 14 декабря достигли района северо-западнее Сарыкамыша всего лишь 3 200 человек (12%). Командир 10-го корпуса, донося Энвер-паше о том, что эти части накануне 13 декаб-

[1] Три батальона 155-го пехотного кубинского полка свернули от станции Соганлугская на тяжелую тропу южнее шоссе.

ря совершили переход через хребет Алла-Икпар с чрезвычайными трудностями, имея до 20% бойцов с отмороженными ногами, просил о предоставлении этим частям двухдневного отдыха для приведения их в порядок и сбора отставших. На это время он предлагал 9-му корпусу перейти к обороне с тем, чтобы затем совместными усилиями сломить сопротивление русских у Сарыкамыша. Однако Энвер-паша категорически отверг это предложение указанием: «Нельзя, невозможно, русские бегут, не позволю им отступать; 10-му корпусу двигаться на Сарыкамыш! Наступать!».

Исполняя указанное выше приказание, остатки 10-го корпуса под вечер 14 декабря перешли в наступление, им удалось ворваться в Сарыкамыш, но вскоре они были вытеснены оттуда с большими потерями контратакой. Энвер-паша, наблюдавший с высот эту неудачу, приказал 9-му корпусу вновь начать наступление с целью поддержки изнемогавшего 10-го корпуса, но это приказание не было выполнено истомленными войсками.

В общем к вечеру 14 декабря выяснился полный неуспех 9-го и 10-го турецких корпусов, остатки которых занимали окопы в снегу.

Твердое управление на стороне турок отсутствовало. Энвер-паша часто был в несоответствовавших его положению ролях — командиром то батареи, то пулеметной или стрелковой роты, нисходя даже до роли коменданта штаба, боровшегося с дезертирством. Командир 10-го корпуса действовал самостоятельно, командир 11-го корпуса также был предоставлен самому себе. Связь между ними в решительный период боя у Сарыкамыша отсутствовала.

Итак, 14 декабря в районе Сарыкамыша, кроме 9-го турецкого корпуса, разрозненно подошли еще и части 10-го корпуса.

В итоге боя 14 декабря подоспевшие в Сарыкамышскую группу подкрепления настолько усилили русские войска, что они отразили все наступательные попытки турок и даже временно выбили их из В. Сарыкамыша.

Высылка турками 14 декабря частей от 28-й пехотной дивизии для перехвата шоссе от Сарыкамыша на Караурган явилась запоздалой. Эту задачу следовало выполнить 13 декабря, чем в значительной мере была бы обеспечена операция 9-го корпуса справа.

Турецкие войска, не имевшие палаток и теплого обмундирования, вследствие сильных морозов разводили по вечерам и ночью громадные костры. Это позволяло русским не только определять фланги и стык 9-го и 10-го корпусов, но и точно отмечать подход новых турецких частей.

15-му туркестанскому стрелковому полку, подошедшему еще накануне вечером к хребту Чамурлы-даг, было приказано 15 декабря в 11 ч. 45 м. наступать во фланг туркам и подняться на этот хребет с целью наступления затем на Бардусский перевал с охватом его с юго-запада. В то же время Букретову надлежало, объединив действия трех батальонов 155-го пехотного кубинского полка, перейти в решительное наступление на правый фланг турок. Однако это наступление вследствие сильного огня турок и трудных местных условий развивалось медленно. Тем не менее в результате наступления частей Букретова и 15-го Туркестанского стрелкового полка турки были сбиты с хребта Чамурлы-даг, кроме района В. Сарыкамыш. В итоге правый фланг турок был далеко отброшен от шоссе Сарыкамыш — Караурган.

В связи с невыясненной обстановкой на правом фланге группы войск Барковского и полученными сведениями о движении через Ель-Кечмез и Чатах двух колонн турок были высланы с целью разведки на Али-Софи четыре сотни 1-го запорожского казачьего полка с четырьмя орудиями.

У Али-Софи был обнаружен разъезд противника, которому содействовало местное курдское население. Для обеспечения связи с Карсом было отдано распоряжение по радио о высылке из гарнизона этой крепости сильного заслона к Ново-Селиму, в районе которого появился неприятельский отряд с артиллерией, обстрелявший два поезда, высланных из Карса, и прервавший связь Сарыкамыша с Карсом.

К вечеру 15 декабря группировка сил Сарыкамышской группы Барковского представлялась в следующем виде (схема 5):

1) Около полка конницы, выдвинутой в направлении Али-Софи и Чатах, обеспечивало правый фланг и тыл отряда с востока.

2) На фронте у вокзала станции Сарыкамыш под командой Кравченко находились 1½ батальона и 1½ сотни, имея правее 1 батальон 80-го пехотного кабардинского полка.

3) На левом фланге Сарыкамышского отряда колонна Букретова (7¾ батальона, 4 горных орудия, 1½ сотни) занимала исходное положение на восточной части хребта Чамурлы-даг.

4) 15-й туркестанский стрелковый полк (2 батальона) с 2 горными орудиями — на западной части этого хребта.

5) Резерв отряда — 5½ батальонов и 12 орудий — в районе Сарыкамыша.

15 декабря в 20 ч. 30 м. в Сарыкамыш прибыла 1-я кубанская пластунская бригада[1] во главе со своим командиром Пржевальским, объединившим затем оборону Сарыкамыша в своих руках. С этого времени положение русских на этом участке фронта упрочилось, хотя для участников оно представлялось тогда грозным, так как им рисовался не только 9-й турецкий корпус, но, главным образом, части 10-го турецкого корпуса, которые, по имевшимся сведениям, пополнились до штата и, недавно выдвинутые из резерва, совершали еще более далекий обход Сарыкамыша с севера. В действительности только остатки этого корпуса вечером 14 декабря начали выходить к этому пункту, о чем русское командование не было осведомлено вследствие слабо организованной разведки. Положение всего Сарыкамышского отряда Берхмана признавалось и 15 декабря до крайности тяжелым вследствие перерыва единственного пути подвоза (шоссе и железной дороги на Карс).

Потери всего отряда у Сарыкамыша в многодневных боях были большие и увеличивались еще постоянно прибывавшими в большом числе обмороженными из числа несших службу охранения и проводивших ночи на позициях.

На случай появления турок в районе Меджингерта 15 декабря был сформирован отряд Цулукидзе в составе 2 рот этапного батальона, роты Кубинского и роты Куринского пехотных полков, гаубичного дивизиона (12 гаубиц) и 1½ сотен; части этого отряда заняли массивы горы Мелидюз, фронтом на север, и опушку леса по обе стороны дороги на Караурган.

К вечеру 15 декабря весь 10-й турецкий корпус подошел к Сарыкамышу, и кольцо окружения, учитывая восставшее местное население к востоку от Сарыкамыша, было сомкнуто. Задуманный Энвер-пашой план операции, казалось, был выполнен. «Канны» фактически были осуществлены, но с затратой всех физических и моральных сил. Между тем силы русских все прибывали.

Действительно, с подходом 1-й кубанской пластунской бригады (5 батальонов с 40 пулеметами, 12 орудиями и 1 сотней) русские имели в районе Сарыкамыша к вечеру 15 декабря 22¼ батальона, 8 сотен, 34 орудия и 78 пулеметов[2] против 45 турецких батальонов, чрезвычайно ослаб-

[1] Эта бригада в течение ночи на 14 декабря и днем 15 декабря в трудных горных условиях зимой совершила форсированный марш в 80 км из района Юзверан.

[2] В это время в Пассинской долине против 11-го турецкого корпуса оставалось:

а) во 2-м сводном (2-м туркестанском) корпусе — 9 батальонов (13-го, 14-го и 16-го туркестанских стрелковых полков) с артилле-

ленных и притом разрозненно подошедших к расположению русских [1]. Все их атаки производились в лоб, тогда как местность и наличие сил русских, особенно в первые дни, давали туркам возможность их полного окружения.

Русское командование в лице Мышлаевского полагало, что занятие противником Чатаха и Али-Софи являлось началом охвата Сарыкамышского отряда с востока, причем план Энвер-паши представлялся ему в таком виде: сильный удар на Сарыкамыш с севера и двойной охват с запада и с востока. При успехе турок русские войска оказались бы отброшенными в лучшем случае в трещину р. Аракс. Подобный вывод установился в то время, когда всякая надежда на успех отхода на Каракурт была утеряна и когда единственным выходом из создавшегося положения являлся разгром турок у Сарыкамыша, чем открывался путь к Карсу. Последствия показали, как писал в своем отчете Мышлаевский 10 мая 1915 г., т. е. спустя почти полгода после Сарыкамышской операции, что в предположениях он ошибся только относительно атаки противника с юго-запада, где действия турок до конца оставались малоэнергичными.

По показаниям пленного турецкого офицера эти атаки имели конечной целью «овладеть Каракуртом, выйти к Али-Софи, где и сомкнуть в прочное кольцо русские войска у Сарыкамыша».

рией, 2 сотни 3-го кавказского казачьего полка и 1 саперный батальон;

б) в 1-м кавказском корпусе — 14 батальонов (153-й бакинский, 154-й дербентский и 156-й елисаветпольский пехотные полки 39-й пехотной дивизии, 2 батальона 79-го пехотного куринского полка); 14 сотен (1-й уманский и 1-й кубанский казачьи полки и 2 сотни 3-го кавказского казачьего полка) с артиллерией и 1 саперный батальон;

в) у прохода Кара—Дербент — 2 батальона (79-го пехотного куринского полка) и 6 сотен (1-го горско-моздокского казачьего полка);

г) у Ханского поста со стороны Бардуса — 5¾ батальона (части 17-го и 18-го туркестанских стрелковых полков и 1 пешая сотня пограничников) с артиллерией и 2 сотни казаков (3-го кавказского казачьего полка);

д) кроме того, намечалось перебросить в район Сарыкамыш группу Баратова в составе 5 батальонов (2-й кубанской пластунской бригады) с артиллерией и 14 сотен 1-й кавказской казачьей дивизии.

Против Сарыкамышского отряда в Пассинской долине турки имели до 40 батальонов 11-го корпуса с пограничными и жандармскими частями и 2-ю кавалерийскую дивизию с курдскими формированиями.

[1] 17-я, 28-я и 29-я пехотные дивизии 9-го корпуса — 27 батальонов и 30-я и 31-я пехотные дивизии 10-го корпуса — 18 батальонов; 32-я пехотная дивизия обеспечивала тыл в районе Бардус.

«Что же касается охвата с востока, то предположение в этом отношении подтвердилось как стремлением турок наступать на Али-Софи, так и отмечаемым выше приказом Энвер-паши, в котором он требовал предупредить войска, что тыл некоторых из них будет в стороне неприятеля».

Берхман после «бегства» Мышлаевского, в соответствии с приведенными выше соображениями Мышлаевского, 15 декабря отдал распоряжение об общем отходе главных сил Сарыкамышского отряда. Эти распоряжения были продиктованы, с одной стороны, теми же причинами, которые вызвали «бегство» Мышлаевского, а с другой—желанием Берхмана как можно скорее выполнить приведенные выше указания Мышлаевского об отступлении в глубь территории Закавказья.

Получив сведения о внезапном отъезде Мышлаевского из района Сарыкамышского отряда и сообщение Берхмана о его решении немедленно начать отход или мимо Сарыкамыша, или, что только и было возможно, через Каракурт и Кагызман, командующий 2-м сводным корпусом решил всемерно противиться выполнению приказа Мышлаевского, проводимого в жизнь Берхманом.

Командующий 2-м сводным корпусом полагал, что отступление Сарыкамышского отряда повлекло бы его гибель, так как в условиях создающегося окружения — бездорожья, суровой зимы и неизбежного падения боеспособности — это отступление протекало бы непланомерно и «отдавало войска отряда разгрому по частям». Вследствие этого он настаивал на продолжении решительной борьбы с окружившим отрядом противника. Он полагал, что «если мы будем отступать, то в конечном итоге будем разбиты обязательно; если мы будем вести решительный бой до конца, то можем или быть разбиты, или победить; т. е. в первом случае результат будет обязательно отрицательный; во втором может быть и положительный».

Это решение, принятое в самую критическую минуту, дало новый ход последующим событиям [1].

---

[1] Как характеристика настроения в тыловых частях, создавшегося в результате приказа Берхмана об отступлении, отмечается следующий случай. При отходе 2-го сводного корпуса с позиций в районе Сонамер начальник штаба армии при переезде из этого пункта в Караурган, заметив, что какой-то интендантский чиновник уничтожает свой склад, высыпая муку в реку, протекающую между Карауганом и Кетеком, приказал прекратить истребление нужных запасов. Интендантский чиновник оправдывался тем, что приказано отступать, и он не хотел оставлять туркам запасы продовольствия. Начальник штаба армии ответил, что он не собирается никуда отступать со 2-м сводным корпусом и потому приказывает ему тща-

Мышлаевский поспешно оставил ряды армии, не осведомив начальника штаба армии Юденича ни о своем отъезде, ни о принятом решении начать отступление и не передав ему командования. Между тем последний прибыл сюда лишь потому, что по всем данным Берхман «не охватывает» всего значения происходивших событий. Оставление Юденича заместителем вполне отвечало бы «положению о полевом управлении войск», указывавшему, что ближайшим заместителем командующего армией является начальник штаба армии. Между тем Мышлаевский оставил своим заместителем, как старшего в чине, разделявшего его идею об отступлении, командира 1-го кавказского корпуса Берхмана, о чем Юденич узнал лишь из сообщения последнего.

Неясность взаимоотношений между командирами корпусов вытекала и из неопределенности указаний об этом в приведенной выше «директиве» Мышлаевского. Однако 16 декабря из района Кагызмана Мышлаевский телеграммой № 51 на имя Берхмана разрешил вопрос командования, не поставив опять в известность своего начальника штаба, следующим образом:

«Ввиду прорыва турок у Ново-Селима и создавшегося положения у Карса предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го кавказского и 2-го сводного корпусов. Совместно с Юденичем, который остается у вас, вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с Ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом. Для облегчения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами. Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тиф-

---

тельно хранить запасы, отвечая за них своей головой. Вскоре эта самая мука, спасенная от уничтожения, очень пригодилась. Положение во 2-м сводном корпусе в процессе операции в отношении работы тыла оказалось устойчивым, так как последний не только не отправил всех обозов к Карсу, но, напротив, подтянул их и сосредоточил у станции Соганлугская. Командир же 1-го кавказского корпуса Берхман отправил корпусные обозы глубоко в тыл. В результате в один из критических дней Сарыкамышской операции (когда Берхман на просьбы начальника штаба армии не отходить, а задержаться, еще ссылался на то, что запасы муки приходят к концу) 1-й кавказский корпус получил муку из складов в Караургане. Это повлияло на решение командира его, указавшего приостановить дальнейший отход.

лисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагызман, откуда до Каракурта есть летучая почта».

Несмотря на настойчивые просьбы командующего 2-м сводным корпусом 15 декабря об отмене Берхманом приказа об отступлении, последний настоял на своем, и с наступлением темноты вечером 15 декабря части 1-го кавказского корпуса начали отход с позиции у Ардоса (схема 2). В связи с этим отходом командующий 2-м сводным корпусом принужден был также отдать приказ об отходе частей корпуса, так как положение его, и так весьма тяжелое при обойденном правом фланге, стало бы безвыходным с обнажением и его левого фланга.

Решая однако препятствовать отступлению войск группы, он отвел свои войска лишь на несколько километров от первоначальных позиций и, стремясь выиграть время, вновь попросил Берхмана в ночь на 16 декабря остановить части 1-го кавказского корпуса хотя бы до вечера 17 декабря. С своей стороны он указывал Берхману, что останавливает свой корпус на позиции Кабах-тапа — гора Хорум-даг, так как преждевременный отход с этой позиции должен был повлечь за собой, по его мнению, немедленное отозвание отряда Довгирта, действовавшего против турок в районе Бардус, а это давало им возможность усилить 9-й корпус у Сарыкамыша, куда они могли притти скорее Довгирта.

В результате многочисленных просьб Берхман приказал 1-му кавказскому корпусу на рассвете 16 декабря приостановиться на позиции у Чермука.

Учитывая вялые действия 11-го турецкого корпуса, который лишь в течение 15 декабря пытался безрезультатно вести наступление на фронте Сонамер—Хоросан—В. Тарходжа, Берхман решил для противодействия обходу 10-го корпуса еще ослабить наименее опасный свой левый фланг. Из взятых войск был образован отряд Баратова в составе пяти батальонов 2-й кубанской пластунской бригады и трех полков 1-й кавказской казачьей дивизии с батареей. Этот отряд был двинут через Каракурт и Али-Софи в район севернее Сарыкамыша, откуда он по обстановке мог или противодействовать обходу 10-го корпуса, или оказать помощь отряду Пржевальского у Сарыкамыша (схема 6).

Сосредоточивая части колонны Баратова севернее Сарыкамыша, русское командование указывало ему принять меры маскировки. Главнейшей из них являлось запрещение открыто разводить костры, огонь и дым которых далеко виден в горах.

Что касается ударного крыла 3-й турецкой армии, то 15 декабря, в результате многочисленных ходатайств войсковых начальников, Энвер-паша разрешил дать передышку нескольким сотням бойцов, «называвшимся дивизиями», 9-го и 10-го корпусов. Части оставались на занятых ими накануне оборонительных позициях.

Однако Энвер-паша, лично наблюдавший в сторону Сарыкамыша, принял спустившийся туман над этим пунктом за начало сжигания якобы отступавшими русскими своих запасов и складов. Вследствие этого вновь последовал приказ о наступлении обходного крыла, которое опять разбилось о сопротивление русских. Еще более поредевшие турецкие цепи вернулись в свои прежние снежные ямы — окопы. Штаб 28-й пехотной дивизии к этому времени обнаружил медленно развивавшийся обход русскими 9-го корпуса со стороны хребта Чамурлы-даг. В этот день для всего командования 9-го и 10-го корпусов стало ясно их положение, требовавшее начала планомерного отступления.

В ночь на 16 декабря командир 9-го корпуса донес Энвер-паше, что 29-я пехотная дивизия, выступившая в поход в составе 6 500 человек, имела всего около 300 человек, 11 горных орудий, 8 пулеметов.

15 декабря пленный русский солдат показал в штабе 3-й армии, что русские располагают в районе Сарыкамыша пятью полками, стремящимися окружить турок; роты у русских имеют по 160 винтовок. Это известие надломило упорство Энвер-паши, так как он видел печальное состояние войск 9-го и 10-го корпусов, оборонявшихся на лесных склонах к северо-западу и западу от Сарыкамыша.

К 16 декабря в 5 часов все войска в районе Сарыкамыша, оповещенные Пржевальским о вступлении его в командование, получили от него следующие задачи на 16 декабря (схема 5):

1) Колонне Барковского, усиленной 2 батальонами пластунов и 10 орудиями, до захвата Букретовым Бардусского перевала на правом фланге 9-го турецкого корпуса отвлекать на себя силы турок, не допуская их оказывать поддержку атакуемому флангу. Вместе с тем Барковский (всего 5 батальонов) должен бить противника по частям при попытках перехода его через овраг у Ягба-сана и сдерживать 10-й турецкий корпус.

2) Колонне Кравченко с рассветом перейти в наступление против центра турок и не допустить усиления уже атакованного их правого фланга, а также поддержать атаки колонны Букретова.

3) Колонне Букретова в составе 5 батальонов, 4 орудий и 1½ эксплоатационных батальонов, вооруженных берданками, с рассветом 16 декабря перейти в наступление для охвата правого фланга турок, чтобы опрокинуть их на восток от Бардусского перевала. Этой колонне было придано 4 горных орудия с целью скорейшего уничтожения турок, засевших в «красных саклях» (домах) В. Сарыкамыша.

4) 15-му туркестанскому стрелковому полку (2 батальона с 2 горными орудиями) также овладеть Бардусским перевалом, наступая через хребет Чамурлы-даг, левее колонны Букретова.

5) Для обеспечения важного направления на Каракурт (за правым флангом отряда) были направлены 4 сотни с 4 орудиями, которые одновременно должны были и вести разведку в районе Али-Софи, Бозат, Чатах.

При наступлении к Бардусскому перевалу русским войскам предстояло преодолеть глубокий овраг р. Ахардахар, ограничивающий с юга хребет с этим перевалом. Позиция турок на хребте Турнагель представляла ряд отрогов, в значительной части поросших хвойным лесом, скрывавшим расположение турок на командующих высотах. Стороны оврага, обращенные к русским, имели местами крутые и обстреливаемые пулеметным огнем скаты; дно оврага было завалено снегом.

К 14 часам 16 декабря части колонны Букретова и 15-го туркестанского стрелкового полка, перевалив через западный участок хребта Чамурлы-даг под сильным огнем турок, главными силами (3¼ батальона) достигли восточных отрогов высоты Гусейнагаюрт, господствующей над Бардусским перевалом. На гребень этой высоты русскими было поднято 2 горных орудия, обстреливавших названный перевал. Резерв — 1¾ батальона — двигался уступом за левым флангом. Против этого перевала на хребте Чамурлы-даг русскими была выставлена батарея.

16 декабря в 10 часов части 10-го корпуса повели наступление (схема 5) на фронте Ягбасан—Али-Софи. Хотя роты 80-го пехотного кабардинского полка, составлявшие ядро колонны Барковского, и были изнурены предшествовавшими боями, но они произвели несколько успешных контратак, доходивших до штыковой схватки, и принудили 30-ю турецкую пехотную дивизию очистить район Али-Софи и отойти севернее железной дороги. Две сотни пластунов, усиливших колонну Барковского, заметив, что турки на их участке дрогнули и начали, отстреливаясь, отступать, перешли в энергичное преследование. Турки не в состоянии были

быстро подняться по глубокому снегу по крутым занесенным снегом скатам высот, с которых они легко спустились, и почти поголовно были уничтожены. Потери турок на участке пластунов достигали 500 человек.

С отходом 30-й турецкой пехотной дивизии к северу от железной дороги миновала серьезная угроза правому флангу Сарыкамышской группы Пржевальского.

В центре один из батальонов русских, глубоко вклинившийся в расположение турок на отрогах хребта Турнагель, был охвачен турками и в сумерках был вынужден отойти обратно с большими потерями.

К 16 часам к Сарыкамышу подошла 1-я батарея (6 гаубиц) 2-го мортирного дивизиона[1] с прожекторной ротой 1-го саперного батальона; 2-я батарея этого же дивизиона прибыла на следующий день утром. В последующих боях эти орудия, установленные в районе Сарыкамыша, наносили туркам, пытавшимся укрыться в снежных окопах, большие потери. Русская конница, занимая район Али-Софи—Амамлы, вела разведку в направлении Бозат—Ель-Кечмез.

К вечеру 16 декабря в лесах к северу от вокзала было замечено накапливание больших сил турок. Кроме того, охранением 80-го пехотного кабардинского полка был захвачен в тот же день ночью приказ, адресованный 10-му турецкому корпусу, «никогда не знавшему поражений». Этот приказ призывал турецкие войска к новым победам. Далее в приказе имелись указания, содержание которых заставляло предполагать, что намечалось новое наступление. Данный документ является дополнением к какому-то уже ранее отданному приказу.

Действительно, 16 декабря около 22 часов 3-й пластунский батальон 1-й кубанской пластунской бригады, занимавший высоту «Орлиное гнездо», вокзал и мост на шоссе, был атакован превосходными силами турок, наступавшими густыми колоннами. Этот участок являлся наиболее опасным для русских, так как непосредственно за ним находились склады огнестрельных припасов и продовольствия. Под давлением энергично наступавших больших сил турок пластуны принуждены были отходить к Сарыкамышу. Начальник вокзального сектора обороны командир 1-го запорожского казачьего полка Кравченко, видя отход

[1] Батарея сделала суточный переход около 50 *км*; на большом привале в районе Меджингерта упряжные лошади батареи от усталости легли и с большим трудом были подняты для дальнейшего движения. Батарея была направлена в Сарыкамыш с приказанием — «потерять конский состав, но к вечеру 16 декабря обязательно прибыть в названный пункт».

войск у моста на шоссе при входе в Сарыкамыш, бросился туда с целью восстановить положение, но был убит.

На плечах отступавших русских турки захватили вокзал и ворвались в Сарыкамыш, заняв крайние его дома и казармы 156-го пехотного елисаветпольского полка.

В итоге фронт русских был прорван, и возникла угроза самому Сарыкамышу с многочисленными складами. Положение создалось критическое.

В течение 16 декабря Пржевальский направлял на угрожаемые участки подкрепления, для чего снимал резервы с менее опасных участков. К моменту начала атаки турок в резерве имелись две сотни (роты) 6-го кубанского пластунского батальона, которые были брошены как последний резерв во главе с начальником штаба 1-й кубанской пластунской бригады Терменом против турок, появившихся в домах северной окраины Сарыкамыша и в прилегающем леске. Контратака резерва, произведенная без выстрела, закончилась успешно; турки, понеся большие потери от внезапного штыкового удара 6-го пластунского батальона, были опрокинуты и более уже не возобновляли атаки. Оправившиеся русские части на других атакованных участках также перешли в наступление и снова овладели вокзалом, отбросив турок на шоссе.

Однако до полутора батальонов турок засели в казармах 156-го полка и остались, будучи окруженными, до следующего дня. Много турок засели в крайних «красных каменных саклях» северной части В. Сарыкамыша, которыми турки в предшествовавшие дни несколько раз овладевали, и препятствовали наступлению Букретова.

В течение ночи турки безуспешно пытались возобновить атаки, но части Сарыкамышского отряда оттеснили турок с ближайших от шоссе высот и снова овладели высотой «Орлиное гнездо», господствующей над вокзалом.

К утру 17 декабря выяснилось, что в этой неудачной ночной атаке турки понесли большие потери, оставив до 400 пленных. Кроме того, прибывшая к русским вечером 16 декабря гаубичная батарея, открыв огонь по казармам 156-го пехотного полка, где удерживались турецкие части, принудила их положить оружие.

Во время ночного боя в русском обозе возникла паника, с трудом подавленная. Отличное знание русскими местности в районе Сарыкамыш позволило им легко ориентироваться в ночном бою, в котором по инициативе младших командиров положение было восстановлено. В решительный момент небольшой резерв русских, правильно использованный, восстановил положение на открытом и угро-

жаемом правом фланге русских. С другой стороны, слабо управляемые турецкие войска, спускавшиеся с высот к Сарыкамышу, ночью были хорошо заметны на белом снежном фоне, почему понесли большие потери; некоторые турецкие части, видимо, заблудившиеся в районе В. Сарыкамыш и Сарыкамыш, оказались окруженными.

Главная линия сообщений русских — шоссе Сарыкамыш — Меджингерт — днем обстреливалась турецкой артиллерией из района Бардусского перевала, поэтому движение по шоссе происходило только с наступлением темноты.

Несмотря на достигнутую устойчивость фронта в районе Сарыкамыш, общее положение Сарыкамышского отряда в целом рисовалось Берхману «безнадежным». Вследствие этого он тогда же обратился радиограммой к коменданту крепости Карс и просил его уведомить командира 3-й кавказской стрелковой бригады Габаева о том, что в связи со сложившейся обстановкой Сарыкамышский отряд будет пробиваться к Карсу, и его бригаде решительным наступлением на Ново-Селим следует оказать содействие Сарыкамышскому отряду.

Кроме того, в этот же день Берхман обратился к Пржевальскому с телеграммой, в которой указывал, что настал момент, когда необходимо произвести отход всех частей, сдерживавших 11-й турецкий корпус. Телеграмма заканчивалась указанием, что «мы все уверены здесь, что вы разобьете сегодня, 16 декабря, противника перед Сарыкамышем и откроете нам, таким образом, доступ в тыл, где мы найдем хлеб и фураж. Но если турки не отступят, то оставайтесь на занятых позициях и деритесь на них до тех пор, пока наши части и обозы не пройдут через Сарыкамыш. Туркестанские войска будут отступать первыми. Колонны начнут прибывать только 17 декабря. Только ваше мужество может спасти армию».

Приняв решение отступать, Берхман по настойчивой просьбе Юденича задержал на рассвете 16 декабря части 1-го кавказского корпуса до вечера 17 декабря на позиции у Чермука (схема 2), 2-й сводный корпус был остановлен на рубеже горы Хорум-даг. В общем отряд занял заранее подготовленную позицию на фронте Кабах-тапа—Хорум-даг—Канны-даг—Тоды.

11-й турецкий корпус продвигался вслед за русскими, но наступление его было вялое и ограничивалось, главным образом, огневым преследованием.

В результате русские к концу дня 16 декабря имели в районе Сарыкамыш 22 батальона, 8 сотен, 40 орудий и 78 пулеметов против 45 турецких слабых батальонов.

9-й турецкий корпус, насчитывавший перед выступлением 21 000 бойцов, а с тылами 28 000 человек, по прибытии 12 декабря в район Бардус имел уже до 18 000 человек, а к вечеру 16 декабря общая численность его снизилась до 1 000 бойцов и 16 пулеметов. Артиллерия потеряла 50% своего состава, животные выбились из сил; из 40 горных орудий было лишь 20, годных для стрельбы.

В итоге, как доносил командир корпуса, 9-й корпус не был способен к дальнейшему наступлению.

Командир 10-го турецкого корпуса указывал 16 декабря, что в его распоряжении всего лишь 800 утомленных и измученных солдат, которых он старался заставить повиноваться ему. «Наступление невозможно, укрепляюсь; голова корпуса сегодня в Сарыкамыше, а тылы в Баш-кее и еще западнее. Все силы в окрестном районе: 1 800 человек, 8 полевых и 16 горных орудий. Если еще немного соберу людей, то завтра к вечеру, может быть, буду в состоянии перейти в наступление».

Получив эти донесения, Энвер-паша вновь подтвердил командирам обоих корпусов необходимость дальнейшего энергичного наступления 17 декабря.

Для обеспечения тыла 9-го корпуса в районе Бардус находились: случайно прибывшие туда 32-я пехотная дивизия 10-го корпуса и 2 полка 9-го корпуса (82-й пехотный полк 28-й пехотной дивизии и 49-й полк 17-й пехотной дивизии), а всего, следовательно, 5 пехотных полков, сдерживавших натиск русских на направлении Ени-кей—Бардус.

17 декабря, выполняя поставленные накануне задачи, войска Букретова подошли на 1 000—1 500 шагов к окопавшимся турецким цепям, занимавшим Бардусский перевал. Букретов доносил о трудностях наступления вследствие крайней утомленности войск, пробивавшихся в снегу; войска его оказались сильно растянутыми. Этому наступлению много содействовал огонь гаубичных батарей по целям скрытым в многочисленных складках горного рельефа и в лесу.

Против турок силой до батальона, засевших в «красных каменных саклях» местного мусульманского населения В. Сарыкамыша, сочувствовавшего туркам, действовали две роты 80-го пехотного кабардинского полка, но выбить турок из занятой части горного селения не удавалось в течение 3 дней, так как все подступы к саклям обстреливались турками с окружающих высот. Только под воздействием огня прибывших гаубиц, местами подвезенных на огневые позиции на быках, так как лошади были бессильны втащить эти орудия на высоты, противник очистил часть

домов, затем охотники из саперной роты к вечеру подползли к ближайшей сакле и взорвали ее мощным зарядом пироксилиновых шашек, положенных на крышу сакли. Строение рухнуло, и все оборонявшиеся, засевшие в сакле, погибли. Это деморализующе подействовало на остальных турок, засевших в других саклях; бо́льшая часть бойцов в числе 11 офицеров и 300 солдат разных полков во главе с командиром 83-го пехотного полка сдалась. По показаниям пленных Сарыкамышской операцией лично руководил Энвер-паша, при котором находились 2 немецких генерала и 1 немецкий штаб-офицер.

Несмотря на трудности наступления, колонна Букретова продолжала движение и 17 декабря; охватывая фланг противника на хребте Турнагель, она сумела захватить дорогу с Бардусского перевала и отрезать прямое сообщение 9-го турецкого корпуса с тылом не только на Бардус, но и на Кизил-килису. Однако самим перевалом русские не могли овладеть ввиду того, что турки хорошо укрепили его и вели оттуда сильный огонь.

Для связи между 9-м и 10-м турецким корпусами имелись трудные пути, занесенные снегом в районе Кизил-килисы. Часть этих путей просматривалась с Бардусского перевала, почему турки упорно и удерживали его. Русские же со своей стороны напрягали усилия к овладению им.

В районе вокзала Сарыкамыша турки несколько раз переходили в наступление, но контратаками русских отбрасывались в исходное положение и оставили свыше 200 человек пленных.

Здесь русским вечером 17 декабря большое содействие оказывал прожектор, установленный на высотах. Обе стороны понесли большие потери.

Конный отряд, высланный Пржевальским для разведки в сторону Карса, 17 декабря в 13 ч. 30 м. достиг Ель-Кечмеза, занятого турками, которые встретили русских артиллерийским и пулеметным огнем. Под давлением пехоты турок отряд отошел на юг.

17 декабря отряд Воро́нова (3 батальона, 1 батарея и 1 сотня), высланный из Карса, произвел широким фронтом разведку и, дойдя к вечеру без боя до Кара-Гамзы, установил там только незначительные силы турок. В районе Ново-Селима отрядом были захвачены пленные 88-го пехотного полка 30-й пехотной дивизии 10-го корпуса, давшие показания о подходе 30-й пехотной дивизии со стороны Ольты.

В связи с перехватом турками пути Карс—Сарыкамыш Берхман 17 декабря сообщил по радио коменданту крепо-

сти Карс Зубову о том, что вследствие недостатка продовольствия в Сарыкамыше он вынужден будет возможно скорее отходить на Карс, куда явится совершенно без запасов. Вследствие этого Берхман просил Зубова усилить хлебопечение, а также — «выслать во время его общей атаки турок какие-либо части им в тыл, дабы облегчить операцию».

Таким образом, Берхман под влиянием событий минувшей ночи, когда турки большими силами произвели атаку с целью овладения Сарыкамышем, вновь намеревался, не задерживаясь своими арьергардами на занятом рубеже Кабах-тапа—Хорум-даг—Канны-даг—Тоды, продолжать отход к границе, чем он поставил бы группу войск Пржевальского, сражавшуюся у Сарыкамыша, в тяжелое положение.

Начальник всех этих арьергардов Юденич настаивал на том, чтобы войска были оставлены на занимаемых позициях и на 18 декабря. Юденич указывал Берхману, что на правом фланге главных сил Сарыкамышского отряда в этот день произошло важное событие, а именно отряд Довгирта штыковой атакой овладел Яйля — Бардусом, вследствие чего кратчайший путь отступления 9-го турецкого корпуса оказался перехваченным и ему для этого остался кружной путь через Кизил-килису на Чермук [1]—Заким—Бардус. «Владея высотами у Яйля—Бардус, — как указывал Юденич,— отряд Довгирта препятствует усилению турок у Сарыкамыша и доставке им довольствия; в этом заключается важное для нас значение отряда Довгирта. Наш отход с позиции Кабах-тапа — Хорум-даг—Чермук заставит меня отозвать отряд Довгирта от Бардуса и открыть путь сообщения для турок на Сарыкамыш, что даст возможность спастись их отряду у Сарыкамыша, а может быть, поставит нас в еще более тяжелое положение...». Но Берхман оставался при своем мнении, и 1-й кавказский корпус, оставив позицию у Чермука (юго-западнее Меджингерта), начал отход. За ним должны были последовать и войска 2-го сводного корпуса. Юденич командировал в штаб 1-го кавказского корпуса генштаба Драценко, чтобы объяснить Берхману гибельность дальнейшего отступления при сложившейся обстановке и передать решительное требование «прекратить отступление». Если бы никакие доводы не убедили Берхмана остановить войска 1-го кавказского корпуса, то Драценко указывалось передать от имени Юденича, что «последний в согласии с «положением о полевом

[1] Северо-восточнее Бардуса.

управлении войск» вступает в командование войсками группы и тотчас же отдает приказ о прекращении отхода».

Драценко удалось доказать Берхману, что отходить к Карсу через Сарыкамыш невозможно, отступление же через Каракурт на Кагызман одного 1-го кавказского корпуса при бездорожьи грозило потерей не только всего 2-го корпуса, но и всей артиллерии и обозов 1-го кавказского корпуса. Эти доводы убедили Берхмана в необходимости остановиться на приграничном рубеже — гора Геля на правом фланге и Баш-кей на левом, на который Сарыкамышский отряд уже отходил, почему Драценко не объявил ему «окончательного ультиматума Юденича».

Отход русских к Сарыкамышу позволил бы 11-му корпусу, войдя в связь с окружаемым русскими 9-м корпусом, оказаться на фланге и в тылу левофланговых частей группы Пржевальского. Это вызвало бы разгром последней, а следовательно, и падение Сарыкамыша (схема 6).

Если Берхману обстановка на фронте представлялась мрачной, требовавшей «принятия решительных мер» вплоть до начала отступления на Карс, то в Тифлис главнокомандующему он доносил в других тонах. Как сообщал туда Берхман, «у него росла уверенность в победе, несмотря на серьезные потери, главным образом, за счет обмороженных людей, уже много дней не знающих крыши».

В результате продолжительных боев в Сарыкамыше к концу дня 17 декабря собралось более двух десятков пленных турецких офицеров и до 1 500 солдат, крайне стеснявших русских, так как нужны были конвой, помещение, пища, а многие раненые, кроме того, требовали ухода и перевязки. Между тем во всем этом русские сами испытывали крайнюю нужду.

Вследствие отхода русских арьергардов перед 11-м турецким корпусом Берхман со своим штабом 17 декабря переехал из Меджингерта в Сарыкамыш [1].

В ночь на 18 декабря начальник штаба 9-го турецкого корпуса трезво оценил всю сложившуюся обстановку и в связи с обнаружившимися потерями [2], окружением корпуса

---

[1] Со штабом Берхмана прибыли из Меджингерта одна рота 79-го куринского полка, полусотня 10-й особой кубанской сотни и 18-я и 30-я особые сотни.

[2] К 18 декабря наличный состав одного из боевых участков 9-го корпуса, состоявший из 5 полков разных дивизий, имел всего 900 боеспособных солдат, при 5 негодных и 14 годных пулеметах и 17 негодных для стрельбы и 16 исправных орудиях. В некоторых батальонах солдаты рассеялись, и часть исправных пулеметов и орудий не могла быть использована, так как при них не осталось ни командиров, ни бойцов.

русскими, уже отрезавшими последний от Бардуса, посоветовал Энвер-паше отправиться со штабом в 11-й корпус, сковывавший Сарыкамышский отряд. Там Энвер-паша, энергично наступая, мог бы несколько улучшить положение 9-го корпуса. Кроме того, он рекомендовал также отправить в Эрзерум лишние орудия, пулеметы и знамена.

Энвер-паша осознал, наконец, что операция «Сарыкамыш» ему не удалась. Вместо быстрого и легкого овладения тыловой базой русских он встретил там все усиливавшееся сопротивление значительных сил, которых раньше не было на этом участке. Поэтому он легко согласился на указанное предложение, дававшее ему выход из труднейшего положения.

18 декабря на фронте возобновился огневой бой, турки «яростно» обстреливали Сарыкамыш. Особенно стремились они удержать за собой Бардусский перевал. В 14 часов внезапно спустился густой туман, различать цели можно было лишь в 4—5 шагах. Огневой бой усилился; со всех секторов обороны сообщали о подготовке турками наступления. С криками «алла», раздавшимися по всему фронту, турки бросились с гор в долину. Однако они были всюду отбиты. Пржевальский, убежденный в серьезности предпринятого турками наступления, подтянул резервы к наиболее угрожаемому участку фронта, т. е. к стыку правофлангового и центрального участков. К 16 часам командир центрального участка сообщил по телефону, что три турецкие атаки отбиты, подготовлялась четвертая, а в его резерве оставался только взвод, направленный на усиление обороны. Но четвертая и последняя атака турок окончилась полной неудачей, с большими потерями.

С этого дня роли сторон в районе Сарыкамыш переменились, и Энвер-паша, поняв, что план его не осуществился, перешел к обороне. В первый раз с начала операции в его приказе встречается фраза: «Я надеюсь, что мы завтра сумеем удержаться на наших позициях».

План русских по переброске резервов в район Сарыкамыш методически выполнялся, что в связи с наметившимся переломом в ходе операций в районе этого пункта благоприятствовало переходу русских к активным действиям на фронте 9-го турецкого корпуса.

Так как Энвер-паша предвидел, что отступление будет тяжелым, то знамена в турецких частях были сняты со своих древков и отправлены в Эрзерум с несколькими офицерами и унтерофицерами, которые для большей сохранности должны были обмотать их вокруг тела. Энвер-паша, который до этого все время находился при 17-й пехотной

дивизии, перенес свой командный пункт в Дивик, т. е. ближе к своему левому флангу и к пути отступления как на Косор, так и через Эшак-мейданский перевал на Бардус.

18 и 19 декабря арьергарды Юденича, оставаясь на занятых накануне рубежах (Ени-кей, государственная граница, Баш-кей), остановили напор турок на правом фланге 2-го сводного корпуса, где турки стремились продвинуться к Бардусу, и в центре, где они пытались прорвать фронт русских в районе Караурган. В районе Бардус русские, заняв окружающие его высоты, принудили турок очистить это селение и не допускали соединения частей 9-го и 11-го турецких корпусов. Последний стремился своим наступлением обеспечить тыловые пути 9-го корпуса.

Позиции 16-го туркестанского стрелкового полка у Караургана несколько раз переходили из рук в руки; положение русских на этом участке фронта в конце концов было восстановлено.

Вообще положение 2-го сводного корпуса, выделившего из 18 батальонов 7½ в районы Сарыкамыш и Ханский перевал и усиленного лишь 2 батальонами 79-го пехотного куринского полка, было крайне тяжелым (схема 4).

11-й турецкий корпус при действиях против русских арьергардов широко применял «кочующие батареи», которые после 2—3 выстрелов меняли огневые позиции. Во время ночной стрельбы положение этих турецких батарей точно определялось русскими, но с рассветом этих батарей на засеченных местах уже не оказывалось.

Обессиленный 10-й турецкий корпус в результате неудачного наступления на Сарыкамыш с севера и северо-востока 18 декабря так же, как и 9-й корпус, перешел к обороне в районе Дивик.

Занятое накануне колонной Букретова выгодное положение в районе Бардусского перевала обеспечивалось с фланга и тыла правофланговым отрядом Чаплыгина — арьергардом 2-го сводного корпуса, захватившим накануне Яйля—Бардус.

В итоге 18 декабря на фронте войск Пржевальского, в особенности в обходящей колонне Букретова, не было достигнуто существенных результатов, что возбудило крайнее неудовольствие Пржевальского, доносившего 18 декабря Берхману, что «он в течение 3 дней ежедневно отдавал приказания о решительном наступлении на Бардусский перевал, и эта медленность нарушила план боя». Для этой задачи Пржевальский выделил в распоряжение Букретова из 13 имевшихся у него полевых батальонов 6, «сам же

сдерживал натиск турок 7 батальонами с фронта и правого фланга»[1].

13 декабря турецким снарядом была разбита единственная в Сарыкамышском отряде радиостанция; 14 декабря части 10-го турецкого корпуса, заняв Ново-Селим, перехватили шоссе, повредили железную дорогу и разрушили телефонную линию, нарушив, таким образом, связь с Тифлисом. 18 декабря эта радиостанция была исправлена, и связь с последним пунктом была восстановлена.

19 декабря весь день горный район сражения был окутан густым туманом, позволившим сражавшимся производить перегруппировки. Наступление русских на пересеченной горной местности с высотами в 2 400—2 700 *м*, затруднявшими дыхание, при сильных морозах, глубоком снеге чрезвычайно утомляло сражавшихся, уже много дней не бывших под крышей. Действия бойцов были вялы; шла перестрелка, гулко раздававшаяся в морозном воздухе среди лесов и гор, и только в районе Бардусского перевала в этот день при проблесках солнца, прорезывавшего туман, наблюдалось некоторое оживление: там медленно выполнялся план окружения 9-го турецкого корпуса.

Попов, сменивший заявившего о болезни Букретова, обеспечивал операцию по захвату перевала с запада и северо-запада. Для овладения самим перевалом была организована колонна Масленникова, наступавшая вдоль дороги Кизил-килиса—Сарыкамыш. Эта колонна к исходу дня окончательно закрепила за собой все рощи на подступах к названному перевалу; остальные части Пржевальского сковывали турок и отвлекали их от Бардусского перевала. Для усиления колонн Масленникова и Попова намечено

---

[1] Боеспособность частей колонны Букретова, наступавшей на Бардусский перевал, характеризуется следующими его донесениями Пржевальскому 19 декабря: «Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей на бой, а сегодня *не желаем*, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70—80 человек, офицеры командуют 3—4 ротами; был случай, что командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны. Как прикажете действовать дальше? Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях; в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше назад. Пулеметов нет, орудия не стреляют якобы за отсутствием целей. Держаться на позиции не в состоянии».

Наряду с указанными явлениями имелись факты, которые характеризуют настроение частей Сарыкамышской группы Пржевальского с положительной стороны. Так, ряд обозных, обслуживавших обоз, самовольно, без ведома своих начальников, проникали на линию огня и принимали участие в боях.

было использовать 154-й пехотный дербентский полк, подошедший к Сарыкамышу 18 декабря.

В этот же день Воронову, возглавлявшему колонну, выдвинутую из Карса, были подчинены и 4 сотни 1-го запорожского казачьего полка с 4 конными орудиями, и ему было указано обязательно иметь в этот день ночлег в Ель-Кечмезе с тем, чтобы 20 декабря начать наступление «в направлении на Чатах—Дивик». Расположившись у Ель-Кечмеза, Едды-килисы, Карагамзы, Воронов вместе с тем должен был обеспечивать движение поездов по железной дороге от Карса до Ель-Кечмеза. Эту конечную железнодорожную станцию надлежало прочно закрепить за собой и оборудовать к приему грузов для войск. Одновременно Воронов должен был связаться с Баратовым, который к вечеру подходил к району Али-Софи—Бозат.

Произведенная отрядом Воронова 19 декабря разведка установила присутствие турок у Едды-килисы в количестве до 2 батальонов.

Пока происходили описанные события, Габаев после нанесения поражения туркам 16 декабря у Мерденека, оставив Истомину один полк, выступил с другими полками 17 декабря форсированным маршем в Карс, куда и прибыл к 19 часам 18 декабря. В тот же день вечером Габаев по телефону имел разговор с Мышлаевским, находившимся в то время уже в Александрополе и направлявшимся в Тифлис. В результате этих переговоров Габаеву было приказано с 10-м и 11-м стрелковыми полками, батареей и сотней двинуться 19 декабря в Ново-Селим, с задачей оттуда энергично наступать на Эмир-хана[1] и далее на перевал Эшак-Мейдан с целью выйти в тыл 10-му турецкому корпусу и этим лишить турок возможности отступать к Бардусу через этот перевал. Для выполнения предстоящей задачи 10-й кавказский стрелковый полк был отправлен в Ново-Селим по железной дороге, а 11-й кавказский стрелковый полк — туда же походным порядком.

Отряду Габаева надлежало вечером 20 декабря сосредоточиться в районе Ново-Селим, где в его подчинение должен был перейти отряд Воронова (3 батальона гунибского пехотного полка, батарея 66-й артиллерийской бригады, полсотни казаков и 2 роты 196-й дружины государственного ополчения).

В свою очередь оба эти отряда, т. е. Габаева и Воронова, в оперативном отношении были подчинены Баратову. Последнему было приказано, оставив на Баш-кейском плато

[1] В 20 *км* севернее Сарыкамыша.

и у Каракурта арьергарды, прибыть 19 декабря в район Амамлы—Али-Софи, не обнаруживая туркам своего расположения бивуачными огнями.

В общем для оказания противодействия 10-му турецкому корпусу русское командование искусно оттянуло из наиболее пассивного левофлангового участка Сарыкамышского отряда колонну Баратова, которая совместно со своевременно подошедшими из Карса частями образовала сильную ударную группу.

В этот же день (схема 4) из состава частей 2-го сводного корпуса, овладевшего районом Бардус, было направлено через Кизил-килису к Бардусскому перевалу три батальона 17-го туркестанского стрелкового полка, которые должны были достигнуть перевала 20 декабря в 8 часов с тем, чтобы принять участие в овладении им.

Для усиления колонны Масленникова[1], предназначенной овладеть Бардусским перевалом, был выдвинут из резерва Берхмана 154-й пехотный дербентский полк.

К 11 часам 19 декабря с целью занятия более узкого фронта арьергарды Юденича (штаб—станция Соганлугская) оборонялись на рубеже (схемы 2 и 4): гора Ахмезар, господствовавшая над Бардусом и Яйля—Бардусом — высота в 2 *км* западнее Ени-кея — район Караурган — Алтун-Булаг — Меджингерт — пост Исламзор — Баш-кей; особое значение придавалось правому флангу, где в районе перевала Ханский — гора Ахмезар действовал отряд Чаплыгина в составе шести батальонов. К этому же флангу группировались резервы Юденича с целью парировать главные усилия 11-го турецкого корпуса, стремившегося прорвать фронт русских арьергардов на Бардусском направлении и этим оказать содействие окружаемому 9-му корпусу. 11-й турецкий корпус при коротких контратаках русских терял много людей пленными и орудия.

Так как операции в районе Сарыкамыш развивались крайне медленно, то Берхман 19 декабря указал Юденичу,

[1] Потери в колонне Масленникова были велики. Так, например, от двух с половиной батальонов 155-го пехотного кубинского полка остались всего две сводные роты слабого состава. «Куда девались остальные люди, — доносил Масленников, — командирам батальонов не было известно». От 15-го туркестанского полка осталось также две роты слабого состава. В общем к 21 декабря колонна Масленникова, кроме влитого в нее 154-го пехотного дербентского полка, «растаяла». К этому следует добавить, что вследствие слабости управления и взаимодействия войск батальон 155-го пехотного кубинского полка, бывший на правом фланге боевого участка, при наступлении бежал. По приказанию Масленникова в районе расположения этого полка 2 раза в день производились облавы с целью извлечения из окрестных населенных пунктов и лесов дезертиров полка.

что занятые им арьергардные позиции должны удерживаться продолжительное время, так как Берхман имел намерение разбить противника в районе Сарыкамыш и вновь перейти в наступление на всем фронте. «Если бы обстановка сложилась иначе, то наши арьергарды должны были отходить к Сарыкамышу и, может быть, далее».

В итоге, как и в предшествовавшие дни, у Берхмана 19 декабря не было твердой уверенности в благоприятном исходе операции.

20 декабря день был ясный. Колонна Масленникова, в состав которой вошли все части, действовавшие в районе Бардусского перевала, наступала на последний двумя группами: с юго-востока и с юго-запада. К 14 часам пластуны овладели этим перевалом, захватили там пленных и пулеметы и начали теснить турок на северо-восток вдоль хребта Турнагель, взяв при этом батарею в шесть орудий и много снарядов. Турки окапывались на опушке Турнагельского леса, установив там батарею из 16 пулеметов.

Как отмечено выше, для усиления этого флангового удара колонну Масленникова решено было усилить 17-м туркестанским стрелковым полком, двинутым накануне от Яйля—Бардус через Кизил-килису к Бардусскому перевалу. Однако вместо содействия колонне Масленникова 17-й туркестанский стрелковый полк, прибыв на рассвете 20 декабря в район южнее Кизил-килисы, оставался там в бездействии почти 1½ суток, ограничиваясь 20 и 21 декабря лишь разведкой[1].

При атаке Бардусского перевала, с падением которого 9-й турецкий корпус лишился своего лучшего пути сообщения, русскими был удачно задуман обходный маневр. Но он не отличался внезапностью, был задолго обнаружен турками с командующих высот, не был организован и поддержан артиллерией, а потому свелся к лобовому удару, продолжавшемуся несколько суток, и вызвал у русских большие потери.

В данной же обстановке, после оттеснения турок с хребта Чамурлы-даг, следовало бы к имевшимся в колонне Букретова для атаки этого перевала шести батальонам придать 17-й туркестанский стрелковый полк, занять этими частями скрытно лесистые отроги хребта Чамурлы-даг, произвести тщательную разведку, а затем, имея мощную артиллерийскую и пулеметную поддержку, начать атаку. Методично подготовив наступление, возможно было бы начать

[1] В итоге командиру 17-го туркестанского стрелкового полка за это невыполнение боевого приказа был объявлен только выговор и ему было приказано связаться с частями колонны Масленникова, овладевшими уже Бардусским перевалом.

его с целью внезапности во время тумана или метели. Во всех случаях обходящей колонне следовало бы глубоко «захлестывать» турок с запада и северо-запада в районе Бардусского перевала с целью отрезать их одновременно и от 10-го турецкого корпуса. В таком случае 9-й турецкий корпус мог быть уничтожен не 22 декабря, а 20 декабря, т. е. в день овладения русскими этим перевалом. С другой стороны, действия сильной русской обходной колонны угрожали бы правому флангу и тылу 10-го корпуса.

Медленность наступления обходной колонны, руководимой случайными начальниками, в значительной степени объяснялась отсутствием регулярного подвоза артиллерийского снабжения и продовольствия, слабой организацией санитарной службы и необеспеченностью войск теплой одеждой.

Хотя с 20 декабря турки в районе Сарыкамыш оказались полуокруженными и, судя по захваченным пленным, деморализованными и от недоедания истощенными, тем не менее они оказывали отчаянное сопротивление.

К вечеру 20 декабря от Каракурта должна была подойти в район Али-Софи колонна Баратова в составе 5 батальонов 2-й кубанской пластунской бригады и 14 сотен 1-й кавказской казачьей дивизии, а от Карса в район Ново-Селим колонна Габаева, усилившаяся отрядом Воронова. Берхман, переехавший еще 17 декабря в Сарыкамыш, когда успех в районе последнего начал склоняться на сторону русских, решил 21 декабря принять общее командование над всеми частями, действовавшими против 9-го и 10-го турецких корпусов, ставя войскам общую задачу — открыть прочное сообщение с Карсом. Пржевальскому было приказано начать общее наступление 21 декабря в 12 часов, когда по его расчету колонна Баратова сосредоточится у Ель-Кечмеза. Баратов должен был в это же время начать общее наступление силами 11½ батальонов на Дивик—Чатах, охватить у Дивика с севера предполагаемый левый фланг турок и отбросить его от железной дороги, выдвинув конницу на Веришан для того, чтобы отрезать путь отступления туркам на северо-запад. Как указывал Берхман в директиве Баратову, главнейшей его задачей «во всех условиях» являлось удержание железной дороги на Карс и обеспечение ее от повреждений со стороны противника, который ослаблен атаками русских, холодом, голодом и готовится к отступлению.

Баратов решил нанести главный удар на Дивик, нацеливая туда отряд Габаева.

Как уже отмечалось, при первоначальном выдвижении Габаева из Карса в район Ново-Селима ему указывалось Мыш-

лаевским совершить глубокий обход на Эмир-хан-даг с целью отрезать турок от перевала Эшак-Мейдан. Удар отряда Габаева, имевшего с колонной Воронова около 3 000 бойцов, обещал большой успех и приводил, в связи с окружением 9-го турецкого корпуса, к полному окружению и 10-го корпуса. Но вместо смелого обхода, обещавшего большой успех, отряд Габаева — ударная группа Баратова — оказался направленным на Дивик, где, по ошибочному мнению Берхмана, якобы находился левый фланг 10-го корпуса. В действительности же этот фланг, обеспечиваясь отдельными частями, протягивался до хребта Эмир-хан-даг, командующего над районом Дивик. Эти части своим командующим положением в свою очередь могли угрожать правому флангу отряда Баратова при ударе на Дивик.

Высылка из Карса колонн Воронова и Габаева—последних резервов, которыми располагало русское командование на Кавказе, во фланг 10-му турецкому корпусу явилась своевременной и целесообразной мерой, однако окончательное нацеливание Баратовым колонны Габаева не на фланг и тыл 10-му турецкому корпусу, а на фронт его левофланговых частей позволило этому корпусу безнаказанно оторваться от русских и уйти от преследования.

Габаев по прибытии 20 декабря в 24 часа в Ново-Селим еще не знал об изменении Баратовым первоначальной задачи, указанной ему Мышлаевским. От Воронова Баратову стало известно, что он вошел в связь с Сарыкамышским отрядом и что дорога на Сарыкамыш через Али-Софи свободна от турок. Вследствие этого Габаев решил оставить отряд Воронова на пути Ель-Кечмез—Карс в виде заслона и для связи с Сарыкамышским отрядом, а остальными силами с 7 часов 21 декабря собирался выполнить поставленную Мышлаевским задачу, т. е. наступать на Эмир-хан; но около 1 часа 21 декабря из полученной от Берхмана полевой записки, датированной 20 декабря 16 ч. 40 м., Габаев узнал о своем подчинении Баратову и о том, что 21 декабря к 8 часам он должен был занять исходное положение у Лал-оглы с целью наступления на Дивик. Габаев, верно оценивший обстановку и свою роль в этой операции, прежде чем приступить к выполнению приказа Берхмана, снесся по телефону с комендантом Карса для выяснения этого вопроса, но комендант и сам оказался подчиненным в оперативном отношении Берхману и изменить приказание последнего не мог.

Группе войск Пржевальского особой инструкцией указывалось (схема 4) закрепить за собой Бардусский перевал возведением на нем опорного пункта и назначением туда постоянного гарнизона в составе 2 батальонов, 2 орудий и по-

лусотни, с возложением на этот гарнизон задачи — удерживать во что бы то ни стало перевал и разведывать на фронте Кизил-килиса — станция Соганлугская, не допуская подхода турок в тыл арьергардам русских, оборонявшихся на фронте Ахмезар—Меджингерт.

Тщетно напрягая усилия прорвать фронт русских арьергардов у Караургана (схема 2), командир 11-го турецкого корпуса главный удар направил на Алтун-булаг, в стык 2-го сводного и 1-го кавказского корпусов. На этом направлении имелся хороший подступ, выводивший к станции Соганлугская и далее по шоссе на Сарыкамыш. В случае прорыва фронта русских турки могли подать руку помощи 9-му корпусу, на чем особенно настаивал Энвер-паша. Удар турок приняли 153-й пехотный бакинский полк и полтора батальона с пулеметной командой 14-го туркестанского стрелкового полка. Для парирования этого нового удара турок направлялись все части, какие могли быть сняты с других участков: один батальон 156-го пехотного елисаветпольского полка, два батальона 79-го пехотного куринского полка и бывший по соседству 16-й туркестанский стрелковый полк. Русские встретили удары превосходных сил турок контратаками. В одной из таких контратак 10-я рота 153-го пехотного бакинского полка опрокинула две роты турок, овладела турецкой батареей, особенно беспокоившей русских, и захватила много пленных.

Войскам Пржевальского, действовавшим на склонах гор в районе В. Сарыкамыш, предписывалось при всякой попытке турок начать отход—атаковать их. Для атаки лучшим временем признавалось, «когда от Кизил-килисы к колонне Масленникова, занимавшей Бардусский перевал, подойдут три батальона 17-го туркестанского стрелкового полка», которым надлежало наступать вдоль хребта Турнагель на восток. Это позволило бы совершенно окружить 9-й турецкий корпус. Если бы указанные батальоны не успели подойти, то около полудня 21 декабря, одновременно с атакой Баратова, надлежало перейти в наступление и группе Пржевальского.

Колонна Барковского[1] (схема 4) должна была, согласовав свои действия с Баратовым и Масленниковым, начать наступление на турок, занимавших южные склоны хребта

[1] В связи с предстоящей задачей колонны Барковского начальник штаба 1-го кавказского корпуса указывал начальнику штаба Сарыкамышской группы войск о работе ее артиллерии: «Артиллерия действует плохо, наблюдение у нас поставлено отвратительно; 10 дней стоят на месте и добились того, что посторонние лица указывают батарее места неприятельских орудий».

Турнагель, с тем чтобы, нанося удар западнее селения Ягбасан, развивать успех колонны Масленникова и опрокинуть противника в ущелье р. Кизил-Чубух-су.

За колонной Барковского был образован резерв Сарыкамышской группы в составе 1 батальона пехоты, 1½ батальонов эксплоатационников и 1 железнодорожной роты.

Что касается действий русских со стороны Карса, то высланный оттуда отряд Воронова, усиленный 1-м запорожским казачьим полком, 20 декабря был направлен для разведки с целью точного определения левого фланга турок на фронте Дивик—Чатах; на последний пункт, по сведениям русских, якобы отступали части 9-го турецкого корпуса, сбитые с Бардусского перевала. Использование этого казачьего полка для разведки на правом фланге отряда Пржевальского являлось вполне целесообразным, так как эта часть горного Карсского плато по многочисленным путям его вполне допускала действия конных частей. Одновременно Воронову была поставлена задача, имея обязательно ночлег 20 декабря в Ель-Кечмезе [1], прикрыть головную станцию железной дороги, куда должны были подойти поезда для эвакуации больных и раненых и доставки продфуража.

20 декабря Энвер-паша с ранеными и больными офицерами штаба 9-го корпуса отправился кружным путем в Бардус из Дивика, где располагался штаб 10-го корпуса. Командование 9-м и 10-м корпусами Энвер-паша передал Хафыз-Хакки-паше, командиру 10-го корпуса.

По дороге в Бардус Энвер-паша, ехавший под охраной небольшого конвоя, столкнулся с казачьим разъездом, высланным 16-туркестанским полком. При столкновении Бронсарт фон-Шеллендорф был легко ранен, а начальник разъезда убит адьютантом Энвер-паши; последнее обстоятельство спасло Энвер-пашу от плена, так как разъезд отступил и Энвер-паша прибыл в Бардус [2].

---

[1] 20 декабря в 21 час со штабом Берхмана и Али-Софи, а также со штабом отряда Баратова была установлена прямая проволочная связь, которая была продолжена до Ель-Кечмеза — головной станции железной дороги. Этой линии «придавалось чрезвычайное значение». Посылка приказаний в отдельные колонны, выполнявшие особые задачи, производилась в большинстве при помощи отдельных разъездов. Это мероприятие являлось вполне правильным в обстановке действий в горах на широком фронте среди восставшего населения.

[2] 17-й туркестанский стрелковый полк, не оказавший содействия по овладению Бардусским перевалом, а ограничившийся производством лишь разведки западнее этого перевала, перед вечером 20 декабря выслал команду лучших стрелков. Последние взяли под обстрел дорогу, ведущую на перевал Эшак-Мейдан. Под огонь этих стрелков попал Энвер-паша со своим штабом, потерявший здесь часть важных оперативных документов.

С 21 декабря центр тяжести боев перешел к правому флангу в район Дивик-Чатах.

С этого времени наметился перелом в ходе операций, которые протекали на Ольтинском (Ардаганском) и Сарыкамышском операционных направлениях и велись отдельными колоннами, отрядами и группами войск и в основном имели задачей окружение 10-го турецкого корпуса, а затем и ликвидацию его контрманевра в районе Бардус. С целью лучшего уяснения событий прилагаются в конце книги синхронистическая таблица и к ней схема 8.

Данные приложения, охватывая переломный период Сарыкамышской операции с 21 декабря 1914 г. по 5 января 1915 г. и вскрывая оперативную обстановку в ее взаимоотношении на всем театре военных действий, облегчают изучение ее по главнейшим направлениям и позволяют легче уяснить положительные стороны и оперативные ошибки командования сторон.

21 декабря к Ель-Кечмезу подходила колонна Баратова в составе трех казачьих полков и 2-й кубанской пластунской бригады с их артиллерией. Высланная пешая разведка установила, что в районе севернее Сарыкамыша действовал 10-й турецкий корпус, наступавший без обозов, получая продовольствие и фураж от местных курдов, что при крайней малочисленности этого корпуса, потерявшего свыше 80% одними лишь погибшими от морозов, явилось для курдов посильной задачей.

С занятием Баратовым в 12 часов 21 декабря Ель-Кечмеза сообщение с Карсом было восстановлено. В этом селении Баратов решил остановиться со своим штабом.

Вследствие тумана в районе Сарыкамыш 21 декабря боевых действий на фронте Пржевальского не происходило. Части отряда Баратова, несмотря на эти неблагоприятные метеорологические условия, все же начали наступление.

Авангард колонны Габаева, подойдя в 8 часов 21 декабря к Лал-оглы, захватил в нем транспорт с орудийными и ружейными патронами, следовавший под прикрытием на Дивик. Вследствие тумана, не позволявшего различать предметы далее 100—200 шагов, в 11 часов Габаев с целью разведки выдвинул 11-й кавказский стрелковый полк. К этому времени коннице отряда под командой Фисенко, сосредоточенной в районе Белюк-баш-кей, было приказано содействовать наступлению Габаева захватом Веришана, ведя при этом разведку на Баш-кей и перевал Эшак-Мейдан с целью «не упустить возможности отрезать пути отступления турок».

Кроме того, этому отряду указывалось вести разведку на правом фланге всей группы Баратова.

Коннице удалось около 12 часов занять Веришан и Н. Салут, чем создавалась серьезная угроза частям 10-го турецкого корпуса, путь сообщения которых проходил через перевал Эшак-Мейдан. Вследствие этого к вечеру турки силой более полка начали наступление от В. Салута на Н. Салут. Под давлением турок конный отряд, отойдя к востоку, занял высоты севернее и южнее Чаплахлы, где им был порван телеграфный провод между 10-м корпусом и его тыловыми учреждениями.

2-я пластунская бригада наступала медленно: собравшиеся восточнее Чатаха 11-й и часть 7-го пластунских батальонов под командой Демьянина должны были наступать на Ягбасан, имея 10-й пластунский батальон Чеботаева правее. Но так как последний не вышел еще на указанную ему линию, то и части Демьянина оставались в бездействии до полудня 21 декабря, когда Чеботаев был, наконец, разыскан. Стоявший густой туман мешал развитию операций, и лишь пешей разведке к 22 ч. 30 м. удалось занять Чатах. Однако обстрелянные турками пластуны оставили этот пункт, и 2-я пластунская бригада заночевала в 2 *км* восточнее Дивика. При наступлении в этот день русских на Дивик им оказал содействие высланный из Карса поезд с пулеметами. На одной высоте с поездом наступала с севера сотня пластунов, а с юга — рота гунибского пехотного полка, что позволило русским прочно закрепить за собой железную дорогу Карс—Сарыкамыш.

Около 14 часов 11-й кавказский стрелковый полк колонны Габаева, имея уступом за своим правым флангом 10-й кавказский стрелковый полк, вошел в соприкосновение с противником. Батарея, поддерживавшая Габаева, стреляла, ориентируясь из-за тумана по карте. Около 17 часов туман сразу рассеялся. Правый фланг 11-го кавказского стрелкового полка подвергся сильному ружейному и пулеметному огню с высот, занятых турками. Однако быстрое выдвижение вперед 10-го кавказского стрелкового полка заставило турок осадить свой левый фланг и прекратить огонь. С наступлением темноты 11-й кавказский стрелковый полк заночевал в снегах в 800—1 000 шагах от противника; 10-й кавказский стрелковый полк и батарея были отведены на ночлег в Лал-оглы.

Отряд Воронова, выделивший в распоряжение Фисенко 1-й запорожский казачий полк и оставивший один батальон с батареей в Ель-Кечмезе для прикрытия головной железно-

дорожной станции, с остальными силами к 9 ч. 30 м. сосредоточился в Котранлы с задачей оказать содействие колонне Габаева по его требованию.

К исходу дня 21 декабря части 10-го турецкого корпуса оборонялись на рубеже Баш-кей—Чаплахлы—Н. и В. Салут—Дивик—Чатах, т. е. они прикрывали пути своего отхода как через перевал Эшак-Мейдан, так и кружный путь от Баш-кея на Косор.

В общем наступление Габаева точно установило, что его колонна нацелена не на открытый левый фланг 10-го корпуса, а на организованную им оборону с фронта. Следовательно, фланг турок надлежало искать севернее, а главное, обеспечить за собой командующий хребет Эмир-хан-даг. Но этих выводов Баратов и его штаб не сделали.

Только 22 декабря частями Пржевальского был выполнен отданный 20 декабря приказ на наступление против полуокруженного с юго-востока, юга и запада 9-го турецкого корпуса.

Главный удар (схема 7) на фронте 9-го турецкого корпуса был нанесен колонной Масленникова на лесистые высоты Турнагель, где турки укрепились и еще 20 декабря выставили 16 пулеметов. Атака эта накануне подготовлялась артиллерией, которая по местным условиям могла вести огонь только с дальних дистанций.

В этот день командир 10-го корпуса, принявший командование над ударной группой 3-й турецкой армии, объехал фронт 9-го корпуса, части которого занимали следующее положение:

1) против Сарыкамыша по опушке леса и в лесу небольшая группа бойцов 17-й пехотной дивизии с 2—3 орудиями и 2 пулеметами;

2) юго-западнее этой группы такой же силы группы 29-й пехотной дивизии;

3) на правом фланге 9-го корпуса закрепилась группа 28-й пехотной дивизии; подошедшие 200 человек из резерва 10-го корпуса усилили 17-ю пехотную дивизию, на которую особенно давили русские.

Русские с утра 22 декабря усилили артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь и сжимали остатки 9-го турецкого корпуса. 80-й пехотный кабардинский полк наступал в стык 9-го и 10-го турецких корпусов, стремясь овладеть районом Ягбасан и охватывая левый фланг 17-й турецкой пехотной дивизии. 154-й пехотный дербентский полк наступал на центр 9-го корпуса. В то же время колонна Масленникова, имея в главных силах 155-й пехотный кубинский полк и шесть рот 15-го туркестанского стрелкового полка,

продвигаясь с Бардусского перевала, охватывала правый фланг 9-го корпуса.

Давление наступавших усиливалось. Со всех сторон турки просили о помощи.

2-й эшелон штаба 9-го корпуса и его оперативные документы турки успели заблаговременно отправить через Бардус в Эрзерум. Прибывший в 14 часов командир 10-го корпуса с улыбкой заявил командиру 9-го корпуса Исхан-паше по-французски: «Все кончилось», и отдал приказ о начале общего отступления, указав, что в районе Кизил-килиса — Чермук имелась горная дорога, связывавшая оба корпуса, по которой командир 10-го корпуса и рекомендовал Исхан-паше начать отход, так как русские вряд ли могли понять на пересеченной местности этот маневр турок.

Около 16 часов штаб 9-го корпуса оказался под обстрелом русских, стрелковая цепь которых показалась на просеке в стыке между 17-й пехотной дивизией и 10-м корпусом.

В то время как прибывший из 28-й пехотной дивизии ординарец доложил, что последняя окружена и взята в плен и чины штаба начали сжигать оперативные документы, вблизи раздался окрик по-русски: «Не двигайтесь, сдавайтесь!». С этими словами обращался к туркам русский офицер с револьвером в руке, шедший впереди пехоты [1].

Командир корпуса и его штаб сдались этому офицеру, который принял пленников за пост сторожевого охранения, так как в людях, проживших 11 дней в Сарыкамышских лесах, закопченных дымом костров, нельзя было узнать командиров.

Отряд Пржевальского захватил командира корпуса, его штаб, всех командиров дивизий, их заместителей и начальников штабов 17-й, 28-й и 29-й пехотных дивизий 9-го корпуса в составе 106 офицеров и нескольких сот солдат, 30 орудий, 20 пулеметов, много боеприпасов, вьючные транспорты, лагерь и прочее имущество, которое бросалось турками в горах, лесах и ущельях, занесенных снегом.

В общем, находясь на подступах к Сарыкамышу, 9-й и 10-й корпуса растянулись в одну линию без резервов и без должного обеспечения флангов, что дало возможность русским сравнительно легко сбить правый фланг 9-го корпуса, а затем прижать его части на хребте Турнагель к труднодоступному ущелью р. Кизил-Чубух-су (схема 4).

В последний момент борьбы за Сарыкамыш турецкие командиры, покинутые Энвер-пашой, растерялись и выпусти-

[1] Это была 14-я рота 154-го пехотного дербентского полка.

ли из своих рук управление войсками, в результате чего остатки 9-го корпуса оказались в плену. Между тем обстановка 22 декабря позволяла как командиру этого корпуса, так и командирам дивизий, оставив арьергарды на высотах хребта Турнагель, попытаться выйти из боя под прикрытием 10-го корпуса, через его расположение по путям, выводившим в район Бардус.

Для обеспечения отхода остатков 10-го корпуса большую роль сыграла 32-я пехотная дивизия, которая случайно оказалась в районе Бардус и сдерживала натиск русских на направлении Ени-кей—Бардус.

С 22 декабря обозначился резкий перелом в ходе Сарыкамышской операции вследствие уничтожения 9-го турецкого корпуса и начала отхода 10-го корпуса.

В этот же день 22 декабря после многодневного перерыва русским удалось эвакуировать из Сарыкамыша в Карс 2 500 раненых и больных[1] и свыше 3 000 пленных. Эвакуация раненых была произведена на повозках обоза, а пленные были отправлены пешком под конвоем. Эта эвакуация была начата ночью под прикрытием выдвинутых частей отряда Баратова; на рассвете турки заметили длинную колонну, которую они приняли за отступавшие из Сарыкамыша в Карс части русских.

Теперь для того чтобы не дать уйти из окружения войскам 10-го турецкого корпуса, требовались большие усилия со стороны всего отряда Баратова, а между тем операции на его фронте в этот день развивались чрезвычайно медленно:

1) колонна Габаева получила приказание с утра 22 декабря атаковать турок на фронте В. Салут — высота к северо-западу от Дивика;

2) 2-й кубанской пластунской бригаде (Гулыги) надлежало атаковать левее на фронте (искл.) Дивик—Чатах;

3) конница Фисенко должна была занять перевал Эшак-Мейдан.

С 7 часов 22 декабря начался бой на всем фронте колонны Габаева, причем турки, как и накануне, намеревались охватить правый фланг 11-го кавказского стрелкового полка, перейдя в наступление своим левым флангом. Этот маневр был парализован 10-м кавказским стрелковым полком и артиллерией, заставившей турок очистить свои снежные окопы. К 11 часам турки дрогнули, и колонна Габаева, заходя правым флангом, перешла в энергичное преследование.

---

[1] Сарыкамыш был переполнен больными и ранеными (свыше 12 тыс.).

К этому времени правый фланг 2-й кубанской пластунской бригады подошел к Дивику, уже занятому стрелками Габаева. Медленность наступления пластунов Гулыга объяснял необходимостью сначала овладеть на своем левом фланге Ягбасаном, где еще держались турки. Условия горной местности на правом фланге его отряда в районе Дивик, удаленном от Ягбасана на 5—6 *км*, были таковы, что части колонны Гулыги могли бы примкнуть к преследующим частям Габаева, развивать удар на северо-запад и отрезать части 10-го корпуса, державшиеся у Ягбасана. С целью оказания содействия Гулыге 22 декабря правофланговым частям, сражавшимся в районе Сарыкамыша под командой Барковского, было приказано направить свой удар на Ягбасан—В. Салут—Веришан, войдя в подчинение Баратова. Для исполнения этого приказания колонна Барковского целый день производила перегруппировки и лишь в сумерки вышла против Ягбасана, которым ей в этот день овладеть не удалось.

Конница Фисенко выдвинула из Лал-оглы один казачий полк с четырьмя орудиями в направлении на В. Салут для содействия Габаеву. С остальными частями конницы Фисенко двинулся к северу от хребта Эмир-хан-даг в направлении Баш-кей.

В то время как Габаев успешно развивал свой удар на фронте В. Салут — Дивик, было установлено, что оживленный артиллерийский и пулеметный огонь, который вела конница Фисенко севернее указанного хребта, удалялся к востоку. Посланные для связи разъезды донесли Габаеву, что главные силы Фисенко под давлением турок, внезапно перешедших в наступление, на фронте Баш-кей — Веришан медленно отходили на восток.

10-й турецкий корпус, начав отход на Бардус и Баш-кей с целью обеспечения себя от ударов конницы Фисенко, угрожавшей перевалу Эшак-Мейдан, выдвинул сильный арьергард, потеснивший Фисенко и к вечеру 22 декабря вышедший на фронт Каряджик—хребет Эмир-хан-даг—Чаплахлы.

После оттеснения противника из района Дивик необходимость в содействии стрелков пластунам миновала, и Габаев к 18 ч. 30 м. 22 декабря оттянул на ночлег свой отряд в Белюк-баш-кей, чтобы на следующий день действовать против турок, наступавших со стороны перевала Эшак-Мейдан. Впереди в Лал-оглы был расположен в качестве авангарда отряд Воронова. Все эти части имели усиленное охранение в сторону хребта Эмир-хан-даг. Конница Фисенко на ночь сосредоточилась в Котранлы, имея сильную заставу у Енгиджа.

В итоге в решительный день 22 декабря лишь на участке В. Салут—Дивик—Чатах отряд Баратова имел некоторый успех, на правом же фланге части этого отряда принуждены были вследствие весьма искусного и смелого контрманевра турок, проявивших высокие боевые качества, отойти на ночлег в район Лал-оглы — Белюк-баш-кей. Это позволило туркам 10-го корпуса беспрепятственно в течение ночи оторваться от русских и начать отступление на Баш-кей и от Веришана в сторону перевала Эшак-Мейдан. На решающем правом фланге отряда Баратова преследование 22 декабря не было начато. Между тем в этот день, как доносил Баратов, «была видна громадная колонна турок, отступавших из Дивика в западном направлении».

В итоге при наступлении частей Габаева на правом фланге отряда Баратова не было придано значения командующему на его правом фланге хребту Эмир-хан-даг, с которого для турок открывался хороший обзор и обстрел. Предприняв наступление против 10-го корпуса, Баратов обязан был бы обеспечить себя с этой стороны занятием сильным боковым отрядом этого хребта. Кроме того, обстановка требовала выдвижения обходной колонны на Эмир-хан — перевал Эшак-Мейдан. Невыполнение таких элементарных мер при данной обстановке позволило туркам внезапно выдвинуть на этот хребет арьергард, потеснить правый фланг отряда Баратова и обеспечить отступление главных сил 10-го корпуса.

Энвер-паша, покинув 9-й корпус и прибыв в Бардус, уверял там всех, что армия сражается успешно. Из Бардуса он отправился в Хопик, в 10 *км* севернее Кепри-кея, где находился штаб 11-го корпуса. 11-й корпус занимал широкий фронт, почему и не мог развить энергичного наступления, несмотря на то, что Энвер-паша категорически ему указывал, «как можно прочнее сковывать находившиеся против него главные силы Сарыкамышского отряда».

Несмотря на все усилия командира 11-го корпуса, все же Сарыкамышский отряд сумел отойти на новый оборонительный рубеж.

XIII

Преследование русскими отступавших частей 10-го турецкого корпуса

23 декабря войска группы Пржевальского частью приводили себя в порядок и очищали район от бродивших в лесах турок, а частью спешно были выдвинуты для содействия

арьергардам Юденича, которые боролись с частями 11-го корпуса, начавшего проявлять большую активность. С утра 23 декабря Энвер-паша, прибывший на фронт 11-го корпуса, меняет направление удара этого корпуса на фронт гора Геля — Ени-кей с целью отбросить русских с путей отступления турок и облегчить отход частям 10-го корпуса.

По предположениям русского командования, турки готовили на Бардусском направлении контрудар силой около пехотной дивизии, для чего в районе Бардус производили перегруппировки отступавших частей.

На левом фланге Сарыкамышского отряда, вернее его арьергардов, Баш-кейское плато и район Каракурта (схема 2) были заняты тремя батальонами, двенадцатью орудиями, шестью сотнями и армянской дружиной. Для связи этой группы с арьергардами у Меджингерта был выделен в Исламзор отряд в шесть сотен с четырьмя орудиями, который одновременно обеспечивал направление через гору Сурп-хач и наблюдал ущелье р. Аракс.

Против арьергарда русских, оборонявшегося у Каракурта, действовали, главным образом, конные иррегулярные части, а в районе Баш-кея (на русской территории) — жители деревень, перешедших на сторону турок. Русские, отбивая наседавших турок, сами переходили в контратаки, захватывали пленных и артиллерию.

Против турок, потеснивших крайний правый фланг отряда Баратова и занявших хребет Эмир-хан-даг, Габаев приказал 23 декабря (схема 4):

1) отряду Воронова (усиленному одной батареей), оставаясь у Лал-оглы, обеспечивать дорогу на с. Ново-Селим, по мере же продвижения колонны Габаева следовать уступом за его левым флангом;

2) 10-му и 11-му кавказским стрелковым полкам с приданными двумя горными орудиями к 6 ч. 30 м. 23 декабря подняться через Камышлы на хребет Эмир-хан-даг и наступать вдоль этого хребта.

По соглашению с Фисенко его конница для обеспечения левого фланга колонны Габаева к 7 часам высылала 1-й запорожский казачий полк с четырьмя конными орудиями; главные же ее силы в 7 часов направлялись на Безиргянкечит — Кара-кала для действий на открытом правом фланге в районе Кярджика — Кара-калы — Эмир-хан-дага.

Распоряжения Габаева были одобрены, причем Баратов для обеспечения успеха выдвигал в направлении на с. В. Салут 2-ю кубанскую пластунскую бригаду Гулыги. Одновременно с этим Берхман для преследования турок направил колонну Барковского (80-й пехотный кабардинский

полк с десятью орудиями), освободившуюся после капитуляции 9-го турецкого корпуса, в направлении Ягбасан — В. Салут—Веришан. Эта колонна овладела с. Ягбасан, захватив там до 200 пленных.

К утру 23 декабря Габаеву было известно, что части противника невыясненной силы занимали Чаплахлы — Веришан — Н. Салут — В. Салут. Видимо, эти части обеспечивали с юга арьергард, выдвинутый на хребет Эмир-хан-даг.

10-й и 11-й кавказские стрелковые полки, поднявшись к указанному времени на этот хребет, начали медленное наступление по пояс в снегу.

В 9 часов было замечено наступление густой колонны противника из Веришана на Чаплахлы, повидимому, с целью угрозы левому флангу колонны Габаева. Однако в 10 часов, когда части последнего успели продвинуться на 2 *км*, было обнаружено, что противник, занимавший хребет Эмир-хан-даг, поспешно начал отступление отдельными колоннами на Бек-кей — Баш-кей — Веришан. Два горных орудия наступающей колонны Габаева непрерывно обстреливали отходящих турок, а к 11 часам эта колонна Габаева настолько продвинулась по хребту вперед, что также могла принять участие в обстреливании ружейными залпами турок на предельной дистанции. Вследствие этого отступление колонны турок, отягощенных вьючными обозами, шло поспешно и беспорядочно. В этот критический момент большую помощь могла бы оказать конница Фисенко, но она запоздала с прибытием в район к северу от указанного хребта, так как выступила из района ночлега не в 7 часов, как было условлено, а лишь в 11 часов. Когда противник скрылся из вида, 10-й и 11-й кавказские стрелковые полки спустились с хребта и с наступлением темноты расположились в Лал-оглы.

Запоздалое выступление конницы Фисенко в направлении, условленном с Габаевым, позволило турецкому арьергарду выйти из боя и, отвлекая внимание русских, начать отход в направлениях на Косор и перевал Эшак-Мейдан.

Отряд Воронова, выбив из Чаплахлы мелкие части турок и захватив пленных, к 12 часам овладел этой деревней. Не встречая в дальнейшем сопротивления турок, он к вечеру подошел к Н. Салут, где и заночевал. 1-й запорожский казачий полк с четырьмя орудиями, действовавший левее, кратчайшим путем был направлен на присоединение к коннице Фисенко, заночевавшей у Эмир-хан-дага. Колонна Гулыги, которая 23 декабря не имела уже против себя крупных сил противника и могла бы энергично наступать и выйти к перевалу Эшак-Мейдан, «обозначала шаг на месте» и

лишь к вечеру 23 декабря двумя батальонами подтянулась к Веришану.

Таким образом, если 22 декабря Баратов упустил отступавшие главные силы 10-го турецкого корпуса, то 23 декабря он, выпустив из своих рук управление и не направив своевременно на фланги турок конницу Фисенко и 2-ю кубанскую пластунскую бригаду Гулыги, упустил и арьергард турок, который, удачно отвлекая внимание русских, сумел оторваться от них и вышел из боя, затруднив русскому командованию определение истинного направления отхода главных сил 10-го корпуса, выигравшего этим 2 суток.

24 декабря, когда широко должно было начаться преследование турок, конница Фисенко была брошена на Косор с тем, чтобы, выйдя на Ольтинское шоссе, развивать действия в тыл турок.

2-я кубанская пластунская бригада Гулыги должна была занять перевал Эшак-Мейдан с целью отрезать обозы турок, если бы они еще не успели перевалить к Бардусу. Эта же задача была возложена и на 17-й туркестанский стрелковый полк, который был направлен 23 декабря на названный же перевал со стороны Яйля—Бардус. Однако командир этого полка самовольно направил полк по другому маршруту (не через перевал Эшак-Мейдан) и очутился, «к удивлению» Баратова, в районе В. Салут, уже занятом русскими. Это движение вместе с медлительными действиями колонны Гулыги, имевшей возможность занять перевал Эшак-Мейдан, позволило туркам отойти к Бардусу. Обнаруженному в В. Салуте 17-му туркестанскому стрелковому полку, который уже два раза самовольно не выполнил возлагавшихся на него ответственных задач, было приказано сменить на перевале Эшак-Мейдан 2-ю кубанскую пластунскую бригаду Гулыги, которая была двинута на Ортули для преследования турок. Колонне Габаева было приказано сосредоточиться 24 декабря к 7 часам в Веришане, а Воронову — в Баш-кее и затем обоим вести преследование турок в направлении, указанном коннице Фисенко.

Колонна Барковского заночевала в Дивике и затем была притянута для поддержки арьергардов Юденича. Так как 24 декабря выяснилось, что бригада Гулыги не в состоянии была двигаться дальше, то колонне Габаева было приказано немедленно начать преследование турок в направлении Кюркчи — Ортули — Косор. В 1-м эшелоне еще 24 декабря двинулся в Кюркчи 10-й кавказский стрелковый полк с 31-й кубанской сотней. 11-й кавказский стрелковый полк должен был выступить 25 декабря в 6 часов и к 16 часам во главе с Габаевым сосредоточиться в Вартануте.

XIV

Наступление русских на Ольтинском направлении

В то время, когда 9-й и 10-й турецкие корпуса вели бой в районе Сарыкамыш, турецкий отряд Штанке, обеспечив свой тыл восставшим населением Батумской и юго-западной части Карсской областей, еще 12 декабря разбил отряд Геника и овладел Ардаганом.

Сибирская казачья бригада Калитина, сосредоточившаяся к вечеру 14 декабря в Ахалцихе (схема 2), получила приказание немедленно выдвинуться на Ардаган для «выручки отряда Геника». Калитин по получении этого приказания на рассвете 15 декабря на почтовых лошадях выехал вперед для принятия командования отрядом Геника и к вечеру 16 декабря прибыл на станцию Зурзуна. Дальше ехать было нельзя из-за отсутствия перевозочных средств, а кроме того, по шоссе навстречу сплошной вереницей, запрудив дорогу на десятки километров, ехали беженцы (армяне и греки) со всех ближайших к Ардагану селений. Вместе с беженцами шла молва о полном окружении и уничтожении отряда Геника.

Вследствие таких неясных сведений о судьбе отряда Геника Калитин вернулся навстречу своей бригаде на станцию Канарбель. К рассвету 17 декабря части бригады были выдвинуты на станцию Зурзуна, а оттуда выступили на Ардаган. На станции Зурзуна (42 *км* от Ардагана) Калитин нашел главную массу обозов Геника, загромоздивших все дороги и площадки. При этих обозах оказалось много строевых бойцов из разных частей Ардаганского отряда во главе с его начальником Геником, находившимся «в крайне подавленном и паническом настроении». На просьбу Калитина объяснить обстановку Геник мог только ответить: «Какая обстановка? 70% отряда погибли, два пластунских батальона и одна батарея окружены в Ардагане и, вероятно, погибли, хотя имеются неопределенные сведения, что им удалось пробиться и отойти на перевал в направлении к Ахалциху».

Ввиду того что соприкосновение с противником было потеряно, на Ардаган была выдвинута усиленная конная разведка — две сотни с конной батареей.

Весь день 17 декабря прошел в непрерывном подходе к станции Зурзуна отдельных людей и групп всех частей отряда Геника, которые к 17 часам почти все собрались на этой станции. Когда был восстановлен порядок и подсчита-

ны наличные силы, выяснилось, что отряд Геника потерял всего около 200 человек, причем не было потеряно ни одного орудия и ни одна часть отряда не была отрезана.

Из бригады Калитина и из отряда Геника был образован так называемый Ардаганский отряд в составе 3 батальонов, 1 дружины ополчения, 18 сотен и 14 орудий.

Высланная разведка донесла, что турки, заняв Ардаган, из него не выходили и что ближайшая к нему деревня Гюляберт (в 12 *км*) ими не занята[1]. Турки, заняв Ардаган, в дальнейшем оказались крайне пассивными и возложили ведение разведки на малостойкие курдские партии из местного населения, что привело турок к катастрофе.

Чтобы предотвратить панику, могущую случиться в деморализованном отряде в случае появления турок, отряд Калитина был размещен по отдельным близлежащим деревням, была избрана позиция на случай боя и приняты меры охранения и ближней разведки. 18 декабря отряд был окончательно приведен в порядок. В этот же день точно было установлено, что турки занимали Ардаган и укрепляли его. Регулярных турецких войск к востоку от Ардагана не было обнаружено; в ближайших деревнях, брошенных армянским и греческим населением, засели кудры, обстреливавшие русские разъезды и не пропускавшие их, если они были небольшого состава. 19 декабря вновь организованный и приведенный в порядок отряд Калитина в 16 часов перешел, наконец, в Гюляберт, имея в авангарде 1-й сибирский казачий полк с конной батареей. Это положение отряда Калитина признавалось командованием на Кавказе очень удобным как в отношении наблюдения за Ардаганом, так и в отношении прикрытия пути на Тифлис через Ахалцих.

19 декабря Калитину было приказано оставаться в Гюляберте до разрешения боев у Сарыкамыша, установив связь с Истоминым, с тем чтобы совместно с ним впоследствии одновременно атаковать турок у Ардагана. Однако задержка наступления обоих отрядов на Ардаган являлась невыгодной, тогда как быстрейшая ликвидация турок у Ардагана выводила русских в тыл 10-му турецкому корпусу и позволяла им принять непосредственное участие в окружении последнего. Между тем разъезд, посланный еще накануне 1-м сибирским казачьим полком для связи с отрядом Истомина, не прислал ни одного донесения.

---

[1] Одновременно разведка донесла, что брошенные отрядом Геника в районе Гюляберт около 700 000 патронов и много перевязочного материала санитарного отряда были целы, приводились в порядок и складывались в отдельные свободные здания.

Сообщение 20 декабря штаба армии[1] о намерении Истомина атаковать турок в районе Ардаган с рассветом 21 декабря требовало от Калитина согласования его действий с Ольтинским отрядом. Это вполне соответствовало обстановке, так как разведкой и через лазутчиков было установлено, что регулярных турецких войск в Ардагане было не более двух пехотных полков с незначительным количеством регулярной конницы. Таким образом, использование русскими для сбора сведений о противнике не только войсковой разведки, но и лазутчиков позволило Калитину иметь подробные данные о силах турок и их намерениях.

Для установления прочной связи с Истоминым и передачи ему предложения атаковать турок еще 19 декабря были посланы две сотни 2-го сибирского казачьего полка, которые возвратились 20 декабря, сделав в сутки до 120 *км*.

Чтобы обеспечить безопасность и, главным образом, скрытность предстоящего наступления отряда Калитина, в ночь на 20 декабря на его фланги были выдвинуты разведывательные сотни, оттеснившие все курдские партии; последние потеряли до 400 человек убитыми и ранеными.

Согласно приказу для боя на 21 декабря, согласованному с таким же приказом по отряду Истомина, отряд Калитина выступил из Гюляберта 21 декабря в 4 ч. 30 м. При частях имелись лишь обозы 1-го разряда и на всех свободных двуколках и повозках — огнеприпасы. Весь остальной обоз отряда был оставлен в Гуляберте; в прикрытие к нему была назначена рота 298-й дружины государственного ополчения. Остальные три роты этой дружины, малобоеспособные, были оставлены на станции Зурзуна для охраны находившихся там бригадных обозов и собираемых для отряда из окрестных населенных пунктов запасов фуража и продовольствия.

Штанке, овладев Ардаганом, проявил полнейшую беззаботность: он не занял окрестных старых фортов на командующих высотах, не выслал на угрожаемых направлениях разведки, ограничившись сведениями от восставшего курдского населения. В районе Агундир турок не было, а на Панжуретском направлении они не проявляли активности. Так как еще с вечера 20 декабря от разъездов и лазутчиков стали поступать донесения, что турки «жгут Ардаган», то явилось предположение, что они в ближайшее время собираются оставить его. Вследствие этого 1-му сибирскому казачьему полку с пулеметами было приказано выступить 21 декабря в 3 ч. 30 м. с целью обойти Ардаган с севера и

[1] Истомин сносился по радио через коменданта Карсской крепости, а Калитин — по правительственному телеграфу, который действовал в это время исправно.

преградить пути из него на Фахрель — Тикан. С подходом всего отряда Калитина к Ардагану этому же полку надлежало обойти Ардаган еще дальше до дороги на Николаевку. Путь на Фахрель — Тикан должен был преградить 3-й екатеринодарский казачий полк. Весь отряд для атаки был распределен следующим образом:

1) юго-восточную часть и южную половину восточной окраины Ардагана надлежало атаковать 2-му сибирскому казачьему полку (левая колонна);

2) остальную часть восточной окраины и северо-восточную часть города должны были атаковать 14-й и 16-й пластунские батальоны с четырьмя пулеметами Сибирской казачьей бригады (правая колонна);

3) за этой же колонной действовали 2-я оренбургская казачья батарея и 1-я кавказская полевая батарея;

4) общий резерв — 13-й пластунский батальон (как наиболее пострадавший ранее в бою под Ардаганом), 2-я кавказская полевая батарея и 3-й екатеринодарский казачий полк — за правым флангом всего боевого порядка.

Начиная наступление, Калитин принял меры, которые обеспечивали скрытное сосредоточение его отряда на подступах к Ардагану.

1-й сибирский казачий полк выступил в указанное ему время и перед рассветом в сильный туман обошел Ардаган с севера. Так как ориентироваться было чрезвычайно трудно, то полк очутился возле северо-западной окраины, где имелись незаконченные турками проволочные заграждения. Разъезды полка, воспользовавшись этим, внезапно прошли через окопы турок и ворвались в город. Встревоженные и не ожидавшие появления русских с этой стороны, турки открыли из окопов беспорядочный сильный ружейный огонь. Так как этот огонь все же начал наносить потери, а происходившее вообще не входило в задачу полка, то последний, пользуясь темнотой и туманом, отошел к северо-западу от Ардагана для выполнения возложенной на него задачи — наблюдать пути на Фахрель, Николаевку и даже Михайловку.

Распределение отряда Калитина для предстоящего штурма и окружения турок в Ардагане соответствовало обстановке, однако раннее появление его разъездов на окраине города встревожило турок. С рассветом отряд Калитина, не доходя 6 *км* до Ардагана, развернул боевой порядок и, не открывая огня, продолжал наступление, пользуясь тем, что город, лежавший в низине, был окутан густым туманом и турки совершенно не могли наблюдать начавшееся наступление русских вследствие отсутствия у них даже ближней развед-

ки. Подойдя на действительный артиллерийский выстрел, батареи заняли закрытые огневые позиции и открыли огонь по площадям. Корректировать стрельбу из-за густого тумана было нельзя, и она велась, главным образом, для того, чтобы дать знать отряду Истомина о приближении Калитина к Ардагану.

Вследствие затруднений с организацией прямой связи между отрядами Калитина и Истомина, частями, подходившими с разных сторон к Ардагану, был применен условный сигнал — залпы из орудий, которые действительно помогли обоим отрядам согласовать свои действия, несмотря на запоздалый подход к Ардагану колонны Истомина. Однако применение подобных условных сигналов для связи является небезопасным, особенно в горной обстановке с многократно повторяющимся эхо. С одной стороны, горное эхо искажает направление слышимых залпов, а с другой — турки, находившиеся в Ардагане, могли открыть артиллерийский огонь одновременно с русскими, и в таком случае различить в общем шуме канонады условные залпы не представилось бы возможным.

21 декабря в 8 часов утра наступавшие колонны подошли к туркам на действительный ружейный огонь. Но встретив на пути глубокие овраги, занесенные снегом, будучи безрезультатно обстреливаемы в тумане сильным ружейным и артиллерийским огнем, колонны получили приказание остановиться на занятых ими исходных рубежах. Ближняя разведка русских определила, что вся восточная окраина г. Ардагана окружена окопами с блиндажами и искусственными препятствиями. Брать штурмом город представляло большие трудности, тем более что не было никаких признаков подхода отряда Истомина. Такое неопределенное положение продолжалось 21 декабря до 13 ч. 25 м., когда, наконец, стали слышны отдаленные орудийные залпы, что обозначало условный знак подхода отряда Истомина. За это время турки развивали особенно сильный огонь против левого фланга отряда — 2-го сибирского казачьего полка, но он нес случайные потери, так как турецкая горная артиллерия из-за продолжавшегося тумана стреляла также по площадям. В это время 1-й сибирский казачий полк вел бой с турками, оборонявшими западную окраину города, и с курдами, безрезультатно атаковавшими в конном строю.

Сильный туман позволял этому полку легко маскироваться и предохранял его от излишних потерь. Общий боевой порядок медленно подавался вперед. 3-й екатеринодарский казачий полк вышел на правый фланг общего боевого порядка, ведя наблюдение на путях из Ардагана на Фахрель.

В 16 часов была установлена связь с отрядом Истомина, приближавшимся к Ардагану. В начале 18-го часа, т. е. почти в сумерки, 1-й сибирский казачий полк, обнаружив в тумане силуэт большой турецкой пехотной колонны, выходившей из Ардагана, стремительно атаковал ее в развернутом строю. Несмотря на сильный огонь турок, конная атака была доведена до конца, и почти вся колонна была уничтожена: на месте осталось около 500 трупов[1]. Потери полка в этой конной атаке: 16 казаков убитых, 36 раненых и около 70 лошадей убитых и раненых.

Казаки Сибирской казачьей бригады, окружая Ардаган, зорко следили за путями, ведущими из него, что позволило 1-му сибирскому казачьему полку внезапно в сумерки успешно атаковать в конном строю отступавшую пехотную колонну турок и разгромить ее.

С приближением отряда Истомина в сумерках к Ардагану оба русских отряда открыли сильный артиллерийский огонь по городу. Кольцо русских войск, окружавшее город, постепенно суживалось; огонь турок, пассивно оборонявшихся, постепенно ослабевал. В 20 часов пехота Истомина ворвалась в город с запада. Наступившая темнота прервала бой. Ардаган был взят, и в нем было захвачено до 900 человек пленных. Чтобы не дать возможности отойти из района Ардаган разрозненным группам турок, отряд Калитина заночевал на занятых рубежах. Тем не менее под покровом ночи и тумана часть турок все же ускользнула через смыкавшееся кольцо и отдельными партиями отошла к Яланус-чамскому перевалу.

В итоге охватывающего наступления русских турки 21 декабря потерпели под Ардаганом тяжелое поражение, вытекавшее из их пассивности. При слагавшейся в это время для турок обстановке под Сарыкамышем наиболее целесообразна была бы оттяжка отряда Штанке из Ардагана на перевалы Панжуретский и Агундирский с целью усиления заслонов, обеспечивавших тылы 9-го и 10-го турецких корпусов, а также их выход из боя. Вследствие неправильного использования турками отряда Штанке, который должен был обеспечивать левый фланг и тыл ударного крыла 3-й турецкой армии и угрожать русским в сторону Боржом—Михайлово, лишь небольшим остаткам этого отряда удалось отойти на Арданучу и далее к Артвину; эти

[1] 4-я сотня этого полка (Волкова), атаковавшая со всех сторон отдельно перестраивавшуюся в карре турецкую роту, изрубила ее всю и захватила знамя 8-го турецкого пехотного полка; кроме того, ею тут же было взято в плен около 200 турок, но много турок рассеялось.

остатки встретили в районе с. Борхчи организованное сопротивление Батумского отряда русских.

После достигнутого успеха русские 22 декабря отошли для отдыха: отряд Калитина — в район с. Гюляберт, а отряд Истомина занял Ардаган.

23 декабря главнокомандующий Кавказской армией приказал отряду Истомина в составе входивших в него ранее частей 20-й пехотной дивизии, трех пластунских батальонов 3-й кубанской пластунской бригады Геника и двух казачьих полков, удерживая Ардаган и прочно прикрывая пути на Ахалкалаки — Тифлис, овладеть Яланус-чамским перевалом. В дальнейшем Истомину было приказано наступать на Ардануч—Артвин, сообразуя свое наступление с положением дел на Ольтинском направлении. Отряд Истомина, подчиненный с этого времени непосредственно главнокомандующему Кавказской армией, базировался на Ахалкалаки.

Одновременно отряду Калитина было приказано наступать на Мерденек и далее на Ольты, оставив 9-й кавказский стрелковый полк в с. Мерденеке.

Если отряд Калитина до штурма Ардагана отличался активностью, то с овладением последним 21 декабря он, вместо требующегося неотвязчивого преследования остатков отряда Штанке хотя бы частью своей конницы, расположился 22 декабря, подобно отряду Истомина, на отдых и только приказание штаба армии, полученное 23 декабря, сдвинуло с места оба эти отряда. Но это приказание уже запоздало почти на 2 суток, так как Ардаган был взят 21 декабря, а уже 22 декабря главные силы 10-го турецкого корпуса начали выходить из боя в районе Сарыкамыш, отходя 30-й пехотной дивизией через Косор и далее по Ольтинскому шоссе на Ольты. Это же позволило остаткам отряда Штанке безнаказанно отойти к Артвину.

XV

Действия русских и турок на Бардусском направлении

Получив донесение об успехе под Сарыкамышем, главнокомандующий поставил главной задачей армии (схема 2) — разбить противника на фронте Ольты—Бардус—Караурган—Меджингерт, прикрываясь со стороны Аджарии Ольтинским и Ардаганским отрядами. В частности же Юденичу, назначенному 24 декабря командующим Сарыкамышским отрядом вместо Берхмана, было указано перейти в дальнейшее наступление и разбить 11-й турецкий корпус.

Юденич, приняв в командование как этот отряд, так и отряд Калитина, употребил 24 декабря на приведение в порядок частей, действовавших на фронте 9-го турецкого корпуса, и на спешные перегруппировки ввиду начавшихся наступательных действий 11-го турецкого корпуса. Действительно, к полудню 24 декабря было обнаружено накапливание турецких войск в районе горы Чилхороз. Из этого района, а также из района Бардус, куда отходили части 10-го турецкого корпуса и разрозненные партии 9-го корпуса, было заметно стремление турок овладеть горой Геля и выйти со стороны перевала Яйля—Бардус во фланг арьергарду Чаплыгина. Особенно тяжело было положение русских на участке южнее горы Чилхороз и до горы Геля включительно, где имелось всего до трех батальонов при трех орудиях [1]. Для парирования намечавшегося удара турок на правый фланг русских арьергардов 13-й туркестанский стрелковый полк, находившийся там, был усилен 153-м пехотным бакинским полком и частями 14-го и 15-го туркестанских стрелковых полков из района с. Алтун-булаг.

Атаки в районе горы Геля велись турками в течение нескольких дней. Утомленные бойцы, действовавшие в высокогорной местности, занесенной глубоким снегом, еле передвигались, с трудом отбивая атаки турок. Русские вначале принуждены были оставить гору, но штыковой контратакой прибывшего 153-го пехотного бакинского полка положение было восстановлено с захватом двух орудий и пленных.

В дальнейшие дни, кроме того, должны были обнаружиться результаты появления колонны Баратова, ожидавшейся к вечеру 25 декабря в районе Бардус, которым она в действительности овладела лишь в ночь на 28 декабря.

Колонна Баратова, начав преследование частей 10-го турецкого корпуса, установила точное направление отхода турок лишь 25 декабря. Таким образом, главные силы 10-го турецкого корпуса, начав выход из боя 22 декабря, в течение 3 дней имели возможность оторваться от русских и даже произвести необходимые перегруппировки.

---

[1] Положение этого арьергарда, занимавшего растянутую горную позицию, было критическое, и только благодаря одному орудию (2-й батареи 5-го туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона), находившемуся на позиции, положение не приняло более тяжелой формы. Это орудие действовало так метко и искусно, что наступавшие турецкие батальоны, каждый раз как они пытались подняться для дальнейшего наступления, принуждены были отказаться от этого и ложились. До самого вечера орудие работало неустанно: в результате турки за весь день не имели возможности подойти к горному рубежу, занятому русскими, ближе чем на 2 500 — 3 000 шагов.

25 декабря Баратов решил вести преследование турок конницей и двумя авангардами.

Конница Фисенко была направлена (схема 2) от селения Баш-кей северо-восточнее перевала Эшак-Мейдан на Косор с целью «неотвязного преследования противника». С выходом из Косора на Ольтинское шоссе этой коннице надлежало «наброситься на войска», отступавшие из Ардагана и Мерденека.

Летучему конному отряду Каргалетели в составе сотни казаков на лучших лошадях указывалось — перехватить отступавших турок в направлении Вартанут—Пертус—Котик—Пеняк.

Правый авангард Воронова (2 батальона, 6 пулеметов, 1 сотня) был направлен вслед за конницей Фисенко.

Левый авангард Габаева (4 батальона, 6 орудий, 15 пулеметов) был направлен на Вартанут—Косор.

По выходе обоих авангардов в район Косора командование над ним должен был принять Габаев.

Главные силы отряда Баратова (80-й пехотный кабардинский полк и 4½ батальона пластунов бригады Гулыги), имея авангард в Баш-кее, располагались в Веришане. Кроме того, в тылу, в Ель-Кечмезе, попрежнему оставался один батальон гунибского пехотного полка с шестью орудиями. Перевал Эшак-Мейдан был занят 17-м туркестанским стрелковым полком. Из-за непроходимости дорог, занесенных снегом, легкая и конная артиллерия отряда Баратова с началом преследования была оставлена в Веришане. Запоздалое выдвижение Баратовым авангардов для преследования на Косор выводило их на Ольтинское шоссе лишь через 2 дня, 26 декабря, куда к этому времени могла подойти тоже начавшая преследование после боя 21 декабря и колонна Калитина. Русское командование сильно запоздало с началом преследования 10-го турецкого корпуса.

Когда русские части соединились в районе Косор, турок там уже не было. Используя предоставленные для отхода 2 суток, 30-я турецкая пехотная дивизия отскочила через Косор по шоссе за р. Ольты-чай в район севернее Ольты, а 31-я пехотная дивизия ушла через перевал Эшак-Мейдан. Последняя не только организовала оборону в районе Бардус, но даже создала серьезную угрозу Сарыкамышской группе русских. Главная вина в неуменьи своевременно организовать это преследование падает на штаб армии, а затем на Истомина и Калитина, которые, разгромив турок в районе г. Ардаган, ожидали дополнительных указаний. Большая вина лежит также на Баратове, который не сумел ок-

ружить турок в районе перевала Эшак-Мейдан и сильно запоздал с началом преследования.

В связи с неудачной организацией преследования турок Юденич 25 декабря признал необходимым сосредоточить колонну Баратова не позднее 12 часов 26 декабря в районе Геряшкена, присоединив к себе выделенный авангард Габаева и оставив для преследования лишь конницу Фисенко и авангард Воронова.

Ближайшей задачей Баратову ставилось наступление на Бардус—Гамас-ашаги—Норшин и далее во фланг и тыл турок, чтобы отрезать пути их отхода на Кепри-кей. Одновременно Баратову сообщалось, что правофланговые части русских, сдерживавшие 11-й турецкий корпус, были расположены:

1) на горе Ахмезар—Ханский перевал на хребте Чахир-баба—2½ батальона и 7 орудий Чаплыгина; к Ханскому перевалу подходил 17-й туркестанский стрелковый полк с 2 орудиями;

2) в районе Ени-кея — 3¾ батальона, сдерживавшие турок, которые стремились прорваться на участке севернее Сырбасан.

По прибытии колонны Баратова в Геряшкен отряд Чаплыгина подчинялся Баратову.

В общем создание турками в районе Бардус группы, угрожавшей контрударом, потребовало быстрой перегруппировки русских на правом фланге Сарыкамышского отряда и поворота отряда Баратова в новом направлении. Эти мероприятия, несмотря на большие трудности, создаваемые горным рельефом и зимними условиями, были выполнены успешно.

Положение на фронте Бардус—Ени-кей—Караурган—Меджингерт в течение 26 декабря признавалось русским командованием весьма серьезным в связи с настойчивыми атаками 11-го корпуса, начавшимися еще 24 декабря [1]. Наступлением этого корпуса, по сведениям русских, лично руководил Энвер-паша, прибывший в Зивин. Этим объяснялось также

---

[1] Положение русского арьергарда в районе Караурган в этот день было спасено в значительной степени командиром пулеметного взвода 14-го туркестанского полка Короткевичем, который, занимая высоты, несмотря на жестокий перекрестный артиллерийский и ружейный огонь турок и на начавшееся было отступление соседних боевых участков, продолжал оставаться на месте со своими пулеметами, энергично обстреливая атакующего. Когда были перебиты все наводчики, Корсткевич сам, невзирая на полученные раны, лично руководил пулеметами и стрелял в упор, задерживая, таким образом, наступление турок и давая возможность оправившимся ротам перейти в контратаку.

и то, что 32-я пех. дивизия 10-го турецкого корпуса, до сих пор бездействовавшая, перешла в наступление с целью облегчить положение турецких частей, отходивших на Ольтинском направлении.

Для парирования маневра турок Юденич решил: задерживаясь на фронте, занятом арьергардами, собрать кулак к Бардусу, чтобы ударить по левому флангу турок. К этому времени было установлено, что на фронте Бардус — гора Геля уже действовали части 10-го турецкого корпуса, а южнее — 11-й корпус.

Таким образом, несмотря на капитуляцию 9-го турецкого корпуса и на понесенные тяжелые потери 10-м корпусом, турецкое командование с целью оказать отступавшим частям 10-го корпуса поддержку создало серьезную угрозу на правом фланге Сарыкамышского отряда. Перешедшая в наступление 32-я турецкая пехотная дивизия вновь овладела Яйля-Бардус.

25 декабря Энвер-паша прибыл в Эрзерум и оттуда отбыл в Сивас, «проклинаемый бывшими соратниками как наемник германского императора, похоронивший в снегах Анатолийскую армию и обвинявший всех командиров в трусости».

«Чтобы оправдать себя в Константинополе перед лицом партии «Единение и прогресс», он, искажая события и факты, распространял ложные версии и клеветал на тех, кто доблестно сложил свои головы под его водительством».

«Такова была цена попытки Энвера овладеть районом Карс и Ардаган, пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма»[1].

Как указывает в своих записках германский генерал-инспектор турецкой армии Лиман фон-Сандерс, турки скрыли от своей страны все серьезное значение поражения под Сарыкамышем; подробности его тщательно замалчивались. О катастрофе было запрещено даже говорить; те, которые нарушали эту инструкцию, подвергались строгим наказаниям. В Германии эта операция также не была полностью известна.

26 декабря главные силы Баратова: отряд Габаева (4 батальона с 6 орудиями) и 2-я пластунская бригада Гулыги (4 батальона с 4 горными орудиями) сосредоточивались в Чермуке. Ожидалось прибытие легкой и конной артиллерии (12 легких и 6 конных орудий), которые пришлось направить в Чермук из Веришана кружным путем через Башкей — Вартанут.

---

[1] Мемуары начальника штаба 9-го турецкого корпуса.

Для наступления против Бардусской группы турок части отряда Баратова были направлены следующими путями. Правая колонна Гулыги (2 батальона 2-й пластунской бригады с 4 горными орудиями) направлялась во фланг и тыл турок на Заким—Яйля-Нюсунг—Гамас-ашаги.

Левая колонна Габаева — 11-й кавказский полк — была направлена на Кизил-килису мимо горы Кямряджик с задачей атаковать турок в районе горы Тандырлю и Яйля-Бардус. Габаеву подчинялся после сближения отряд Чаплыгина. Колонна должна была действовать против турок, занимавших район горы Чилхороз. Дойдя до Яйля, северо-западнее Кизил-килиса, колонна должна ожидать указаний для наступления. В 16 часов 26 декабря Габаев достиг этого пункта и там расположился на ночлег.

Средняя колонна (5-й пластунский батальон и 1 батальон 10-го кавказского стрелкового полка с 6 полевыми орудиями), под начальством Родионова, была выдвинута к Закиму, откуда она должна была наступать на Геряшкен и Бардус, соразмеряя темп своего наступления с направляющей колонной Гулыги.

Резерв в составе 1 батальона 10-го кавказского стрелкового полка и 11-го пластунского батальона находился в Чермуке.

Таким образом, общая идея удара по Бардусской группе турок заключалась в наступлении на Бардус с фронта, в обходе последнего одновременно с юга и юго-востока на Чилхороз и глубоком обходе тыла турок с севера и северо-запада на Гамас-ашаги. Ввиду возможности отступления турок из Бардуса на Ольты Баратов признал целесообразным, чтобы конный отряд Фисенко и авангард Воронова продолжали преследование на Ольтинском направлении.

26 декабря условия погоды — большая метель и глубокий снег — сильно затрудняли наступление частей отряда Баратова, особенно обходящих колонн [1].

Правая колонна Гулыги не могла выйти в тыл туркам, занимавшим командующие над Геряшкен высоты, и с наступлением темноты приостановилась за перевалом северо-западнее Закима. Средняя колонна (Родионова) подверглась

[1] 26 декабря движение колонн Гулыги и Габаева и частей колонны Чаплыгина происходило в исключительно трудных условиях, вследствие глубокого снега и снежной метели. Так, например, две роты туркестанцев, вышедшие в 8 часов 26 декабря из Кизил-килисы в район Ханского перевала, возвратились по частям обратно в Кизил-килису к 3 часам 27 декабря, не имея возможности из-за снежной метели найти дорогу. Ротные командиры этих рот, «отбившись от своих частей», бросили лошадей и едва добрались до Кизил-килисы лишь к 10 часам 27 декабря.

сильному перекрестному огню с ближайших высот, но тем не менее она заняла Заким. Для выполнения поставленной задачи левой колонной Габаева ее необходимо было усилить полевой артиллерией, которая, однако, не могла быть подтянута даже до Чермука. Лишь к вечеру 27 декабря после чрезвычайных усилий, при содействии пехоты и 18 пар быков, работавших целый день, были доставлены на высоты, занятые колонной Габаева, шесть конных орудий. Неимоверно тяжелые горные дороги все время засыпались глубоким снегом, вследствие чего 27 декабря войска отряда Баратова второй день были без хлеба и горячей пищи. Испытывалась также крайняя нужда в боевых припасах.

27 декабря правая колонна Гулыги с чрезвычайными трудностями продвигалась на Норшин, достигнув только района Нюсунг. Средняя колонна заняла Геряшкен. Левая колонна в 7 часов перешла в наступление с задачей овладеть Тандырлю. Движение производилось по пояс в снегу; временами из-за густого тумана можно было видеть всего лишь на 50 *м*. К 18 часам передовые роты достигли Тандырлю, не обнаружив турок, которые, как потом оказалось, занимали укрепленную и хорошо маскированную позицию в 1½ *км* к юго-западу от Тандырлю. За 27 декабря Габаеву не удалось установить связь с Чаплыгиным; приказания же к Габаеву доходили от Баратова через 6—7 часов.

Во время медленно развивавшегося маневра обходной колонны Гулыги было установлено, что турки, перебросив часть своих сил от Гамас-ашаги, перешли в энергичное наступление от горы Геля, которая русскими была оставлена, в направлении на Ени-кей. Это наступление объяснялось русскими или как активное прикрытие отступления из района Бардус—Гамас-ашаги, или как намерение турок, действуя в направлении Ени-кей, «разрезать» фронт русских и отделить арьергарды русских от отряда Баратова. Учитывая это, Юденич приказал Баратову наступать самым решительным образом на фронте Норшин — Ени-кей, имея в виду, что это наступление должно было оказать содействие всей операции.

28 декабря колонна Гулыги с большими трудностями овладела Нюсунгом. Ночная атака колонны Родионова в ночь с 27 на 28 декабря в районе Бардус вначале была удачна, но с рассветом турки, сами перейдя в наступление превосходными силами, при поддержке перекрестного огня с соседних высот, отбросили Родионова с большими потерями на позицию в 1½ *км* западнее Геряшкена. Тем не менее этой колонне (2 батальона, 2 сотни) было приказано в ночь на 29 декабря вновь атаковать турок, выбить их с позиции у

Бардуса и овладеть этим пунктом. 11-й кавказский стрелковый полк левой колонны был направлен на перевал Яйля-Бардус, укрепленный и занятый батальоном турок с артиллерией.

К 9 часам 28 декабря на гору Тандырлю было втащено шесть конных орудий, которые весь день обстреливали с больших высот отчетливо заметные на белом фоне снега колонны турок, отступавшие от Бардуса в западном направлении. Когда роты 11-го кавказского стрелкового полка приблизились на 400—500 *м* к перевалу Яйля-Бардус, турки, занимавшие перевал, выкинули белый флаг и сдались в плен в числе около 200 человек с 3 орудиями. Лишь после взятия этого перевала Габаев установил связь с колонной Чаплыгина, которая уже овладела Чилхороз, являвшейся главным объектом колонны Габаева.

Габаев, наблюдавший с перевала Яйля-Бардус большое скопление турок в районе Бардуса, на основании достигнутого им успеха решил вместо ставшего излишним наступления на Чилхороз овладеть ночной атакой Бардусом. Габаеву было известно, что атака в ночь на 28 декабря колонны Родионова закончилась в этот день неудачей и большими потерями. О предполагаемой новой атаке Родионова в ночь на 29 декабря Габаев не был осведомлен Баратовым и, в свою очередь, сам о принятом своем решении не сообщил Баратову. Для подготовки предстоявшей атаки весь огонь артиллерии был сосредоточен по окопам, расположенным к западу от Бардуса.

К этому времени Габаеву удалось втащить на горы несколько полевых орудий, для чего потребовалась припряжка к орудиям быков.

Для установления огневой связи с колонной Родионова на Геряшкен были направлены по большим кручам две роты 10-го кавказского стрелкового полка, прибывшие на усиление колонны Габаева.

В сумерки 11-й кавказский стрелковый полк подошел на 1 000—1 500 шагов к Бардусу, не обнаруженный турками. Наблюдением было установлено, что окопы турок к западу от Бардуса после артиллерийского обстрела были очищены турками, их отдельные группы покидали Бардус, направляясь на север или на восток. Ночная атака была произведена с соблюдением полной тишины, без выстрела и крика «ура». К 2 часам 29 декабря 11-й кавказский стрелковый полк овладел селением, захватил в плен 2 000 человек с 11 офицерами 92-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии, с большим количеством огнеприпасов и вьючных животных. Потери стрелков — всего 50 человек.

Донесение об удачной атаке Бардуса было получено Баратовым очень поздно.

Атака удалась потому, что, с одной стороны, турки, оборонявшие Бардус, с наступлением ночи не приняли должных мер разведки и охранения, с другой стороны, русские обеспечили внезапность атаки соблюдением всех мер предосторожности.

К счастью для русских наступление Родионова вследствие трудных местных условий не состоялось, иначе возможно было бы ожидать столкновения в ночном бою этой колонны с 11-м кавказским стрелковым полком Габаева.

Партизанская сотня Каргалетели, направленная Баратовым в район Посика — северо-западнее Бардуса, захватила сборную роту турок в 125 человек, весь артиллерийский парк 28-й пехотной дивизии и вьючные обозы. Баратов усилил эту сотню ротой туркестанских стрелков и приказал выдвинуться к Негиджугу, чтобы к вечеру 29 декабря достигнуть Чатаха и отрезать путь отступления турок на Петкир.

29 декабря колонна Гулыги, овладевшая Гамас-ашаги, наступала на Норшин—Зарагюм—Негиджуг. Колонна Габаева была оставлена в общем резерве отряда Баратова. Колонна Родионова (10-й кавказский стрелковый полк и два батальона пластунов с двумя горными орудиями) следовала на Гамас-ашаги—Норшин—Чатах. Все пушечные батареи, находившиеся в колонне Родионова, из-за непроходимости дорог были оставлены в районе Бардуса.

29 декабря колонна Чаплыгина овладела Гамас-юхари и всем районом горы Чилхороз. К вечеру 31 декабря колонны Гулыги, Родионова и партизанская сотня Каргалетели после больших усилий овладели районом Чатах—Сулейманли, захватив до 150 пленных. В этом районе оборонялись два турецких полка, которые, по показаниям командира 92-го пехотного полка, захваченного в этом бою в плен, начали отход на Ид. Гулыга и Родионов докладывали, что люди и лошади их колонн, не имея даже обозов 1-го разряда, были настолько изнурены, что дальнейшее немедленное наступление без отдыха они считали невозможным.

В общем преследование остатков 10-го турецкого корпуса через Бардус к 1 января 1915 г. считалось законченным. По подсчетам Баратова общий результат преследования его отрядом с 23 декабря 1914 г. по 1 января 1915 г. выразился в захвате 5 000 пленных, 14 горных орудий, вьючных обозов и артиллерийского парка. Весь путь от Ель-Кечмеза до Бардуса и Чатаха был усеян трупами убитых, ранеными и замерзшими турками, вьючными животными, лотками

со снарядами и коробками с ружейными патронами на арбах. У турок было отбито также до 10 000 голов крупного и мелкого скота. По всему району бродили рассеянные партии и люди в одиночку, во многих местах в снегу были зарыты орудия и пулеметы.

В связи с предполагаемой переброской отряда Баратова на поддержку арьергардов в район Зивина Баратов просил в интересах дела предоставить войскам 1 января 1915 г. на отдых и сосредоточение. Что касается отряда Габаева, в который был вновь включен 10-й кавказский стрелковый полк, то ему 1 января 1915 г. были поставлены задачи: 1) очистить от турок район Негиджуг—Чатах; 2) обеспечить правый фланг Сарыкамышского отряда; 3) обыскать все окрестные селения и места боев, где собрать брошенное турками оружие, артиллерийские запасы, зарядные ящики, снаряжение и пр., отправив все это в Сарыкамыш всеми свободными транспортами и захваченными вьючными животными.

Лиман фон-Сандерс отмечает, что, по официальным сообщениям, из 90 000 человек, насчитывавшихся в начале операции в 3-й турецкой армии, возвратилось в пределы Турции лишь 12 000; остальные были убиты, взяты в плен или умерли от голода и мороза, бивакируя в снегу без палаток. К этому следует добавить потери от сыпного тифа, косившего ряды армии.

В начале января в Эрзеруме удалось собрать еще 12 000 дезертиров. 3-я турецкая армия потеряла 13 полевых и до 50 горных орудий. Эту армию в дальнейшем так больше и не удалось укомплектовать до прежней численности.

XVI

Действия русских и турок на Ольтинском направлении в период преследования 10-го турецкого корпуса

В то время как отряд Баратова стремился окружить остатки 10-го турецкого корпуса, отошедшие к Бардусу, Ардаганский отряд Калитина (схема 2) после овладения 21 декабря Ардаганом, получив только 23 декабря приказ штаба армии, двинулся на рассвете 24 декабря на Ольты. Таким образом, было потеряно 2 суток (22 и 23 декабря), наиболее решительных в ходе операции под Сарыкамышем. Достигнув 25 декабря Мерденек, отряд Калитина выслал конную разведку на фронт Панаскерт — перевал Панжуретский—Косор—Арсеняк. К вечеру 25 декабря отряд был уси-

лен пехотой с артиллерией (часть 9-го кавказского стрелкового полка бригады Габаева), и его силы достигали 1½ батальонов, 12 сотен и 10 орудий. Вместе с тем Калитин получил задачу, следуя форсированным маршем на Ольты, постараться захватить это местечко с целью отрезать пути отступления туркам.

В 7 часов 26 декабря отряд Калитина выступил из Мерденек, получив по дороге ряд донесений от передовых своих конных частей о том, что они на рассвете вошли в связь: 1) у Косор — с конным отрядом Фисенко, двинутым Баратовым для преследования турок; 2) у Арсеняк — с двумя батальонами 263-го пехотного гунибского полка, двинутыми с той же целью.

В 14 часов 26 декабря у Пеняк сосредоточился отряд Калитина и части отряда Баратова — 1½ батальона, 25 сотен, 10 орудий и 17 пулеметов [1], а в 6 *км* восточнее — у Косор — 2 батальона 263-го пехотного гунибского полка (Воронова); всего же 3½ батальона, 4 полевых и 6 конных орудий, 25 сотен и 17 станковых пулеметов.

Ко времени сосредоточения отряда Калитина в районе Пеняк передовые сотни сибиряков и кавказцев вошли в соприкосновение с арьергардами турок, решившихся остановить преследование русских на высотах за р. Ольты-чай. Так как Калитин совершенно не знал обстановки на правом фланге Сарыкамышского отряда (Бардус, Норшин, Чатах), то на левый фланг Ардаганского отряда к Пертусу (восточнее Ольты) были направлены три сотни 1-го сибирского казачьего полка, а к Ортули еще ранее была направлена одна сотня Запорожского казачьего полка. Таким образом, отсутствие сведений о положении на фронте отряда Баратова, действовавшего на Бардусском направлении, вызвало излишний расход сил на разведку.

В 7 часов 27 декабря отряд, имея впереди себя сильную конную разведку, продолжал дальнейшее наступление на Ольты с целью настигнуть арьергард отступавших турок. Так как еще ночью от конной разведки поступили неопределенные сведения, что турки якобы остановились на левом берегу р. Ольты-чай в районе Соленопромысловая, на позиции, представлявшей тактические выгоды для ее обороны, то представлялось вполне вероятным, что они окажут здесь

[1] Сибирская казачья бригада со 2-й оренбургской казачьей батареей (12 сотен и 6 конных орудий) с частями 1-й кавказской казачьей дивизии: 1-й уманский казачий полк (5 сотен), 1-й запорожский казачий полк (4 сотни), 1-й гороко-моздокский казачий полк (4 сотни) и 9-го кавказского стрелкового полка — 1½ батальона с 3-й батареей кавказской артиллерийской бригады (4 орудия). Сотни 1-й кавказской казачьей дивизии были весьма малого состава.

упорнос сопротивление с целью выиграть время и тем дать возможность отойти к Ольтам своим расстроенным частям и обозам. Предположение это оправдалось в полной мере, и едва только показалась голова колонны (Сибирской казачьей бригады) из ущелья, по которому проходит шоссе, в 2 *км* не доходя моста через р. Ольты-чай, как по колонне был открыт меткий артиллерийский огонь. Условия местности (ущелье) были таковы, что движение вперед было возможно лишь по шоссе, почему конница, повернув назад, укрылась за поворотом ущелья, оставив впереди лишь свой дозор. Отойдя назад, сибиряки спешились и, карабкаясь по кручам, заняли позиции на высотах правого берега р. Ольты-чай, от шоссе на север, примерно на 2 *км*, при слабой поддержке, вследствие условий местности, своей конной батареи. К правому флангу сибиряков присоединились части конницы отряда Баратова. Турки совершенно безнаказанно обстреливали артиллерийским огнем всю занятую спешенной конницей позицию, но потерь русские не понесли, так как скалы вполне их скрывали.

К 15 часам подошли стрелки. Войска были сильно утомлены, и наступать в создавшихся невыгодных условиях было трудно, а главным образом, и поздно, почему пехота остановилась на ночлег в ближайших селениях и хуторах (кишлаки), выдвинув вперед сторожевое охранение.

Позднее выдвижение конного отряда Калитина для преследования позволило одной дивизии 10-го турецкого корпуса отойти из района Сарыкамыша на Косор и оттянуть к югу свои заслоны, выдвинутые на перевалы Панжуретский и Агундирский.

В течение ночи турки уничтожили мост на шоссе через р. Ольты-чай. С рассветом 28 декабря части 9-го кавказского стрелкового полка перешли в наступление, выбегая из ущелья в долину р. Ольты-чай по одному и рассыпаясь в цепь под сильным артиллерийским огнем. Привести турецкие орудия к молчанию русским, не имевшим гаубиц, не удавалось.

Роты 9-го кавказского стрелкового полка вошли в сферу ружейного огня турок, перешли вброд р. Ольты-чай под огнем и должны были залечь под левым берегом этой реки, так как их левый фланг подвергался сильному артиллерийскому огню. Одновременно с наступлением стрелков на левом фланге отряда шел бой в районе Шугут — Авчала, где с утра 1-й уманский казачий полк должен был отойти назад к Авчала вследствие обхода его турками справа по горам. В связи с этим явилось предположение, что турки, видимо, извещенные курдами и местными жителями об обходе их

со стороны Котика и Сегдасора, куда с рассветом были направлены девять сотен сибиряков с конной пулеметной командой, частично намереваются отойти не на Ольты, а на Олор. Поэтому было решено выдвинуть в район Авчала все сотни 1-й кавказской казачьей дивизии (тринадцать сотен с пятью пулеметами) и перейти правым флангом в наступление. В таком положении отряд вел бой до темноты.

Сибиряки, направленные еще с утра в глубокий обход турок через Котик и Сегдасор, подбирали по пути небольшие группы и отдельных турок и почти нигде не встречали сопротивления. Им приходилось лишь преодолевать трудности движения без дорог по оврагам и большим кручам, занесенным снегом. К ночи обходная колонна с трудом достигла Сегдасора, где и остановилась в 3 *км* от Ольтинского шоссе, т. е. от пути отступления турок, оборонявшихся у Соленопромысловой.

С наступлением ночи решено было сбить турок, оборонявшихся по обе стороны шоссе; для этого были назначены три левофланговые роты; на случай затяжки боя держались в резерве еще две роты. Стрелки совершенно бесшумно подобрались по большим кручам и оврагам к позиции турок и с 50 шагов бросились в штыки. Открытый турками огонь и ручные гранаты не остановили стрелков — турки были выбиты с позиции. В рукопашном бою было заколото до 200 турок и взято в плен 110 человек, принадлежавших к 30-й пехотной дивизии, остатки которой отступали через Косор. Стрелки потеряли 5 убитых и 77 раненых.

Глубокий обход правого фланга турок, в связи с ночной атакой этого же фланга, вынудил турок в ночь на 29 декабря начать отход на Ольты, где они вновь заняли арьергардную позицию по обе стороны шоссе на высотах к северо-западу от Сегдасора (10 *км* не доходя до Ольты). С рассветом 29 декабря отряд, проведя ночь на позиции, двинулся к Ольтам, но, пройдя 8 *км*, вновь был остановлен турками, открывшими сильный артиллерийский огонь, которым обстреливалась вся лежащая впереди открытая местность. Тем не менее 2-я оренбургская казачья батарея смело выехала на совершенно открытую позицию и вступила в состязание с турецкой артиллерией. Стрелки были направлены по горным ущельям правее шоссе, а сибиряки — левее, и турки, видя обход своих флангов, отошли назад, на новую позицию, в 3—4 *км* от прежней. Наступившая темнота прекратила бой. Ночь на 30 декабря отряд опять провел в поле перед позицией турок, имея для разведки и наблюдения за турками три сотни сибиряков в Сегдасоре и одну — с конно-пулеметной командой в Авдосте.

Так как позиция турок была днем обрекогносцирована, то решено было атаковать ее на рассвете. Стрелки были направлены на правый фланг турок, а три роты 263-го пехотного гунибского полка — на левый фланг. С рассветом стрелки, незаметно обойдя правый фланг турок, атаковали их. Турки бежали, оставив много убитых и раненых; были захвачены пленные и одно полевое орудие. Гунибцы, атаковавшие фронт и левый фланг, попали под перекрестный огонь и потеряли 42 убитых, но все же вынудили турок спешно оставить свои позиции. В результате этого боя упорство турок было окончательно сломлено. Они бежали в разных направлениях через Ольты на Нориман, Ид и по Сиври-чайской долине, а многие — без дорог в горы. Для преследования турок была немедленно брошена по всем направлениям вся конница отряда, нанесшая бежавшим большие потери[1].

Около 15 часов 30 декабря пехота отряда заняла Ольты, где было захвачено в плен много раненых и больных турок. Некоторые дома местечка сплошь были забиты трупами и больными, среди которых было много тифозных[2].

К 24 часам 30 декабря отряд Калитина подошел к Нориману, где его разъезды обнаружили присутствие около батальона турок, не выставивших охранения. С рассветом сотни окружили Нориман и взяли в плен 140 аскеров, помимо 150 человек, оказавшихся больными. Часть пехоты все же успела прорваться и горами отошла в Ени-кей[3], занятый одним батальоном с пулеметами. На 31 декабря отряд Калитина получил задачу выяснить силы противника, действовавшего на Нориманском направлении, имея конечной задачей выход на сообщения тех частей 10-го турецкого корпуса, которые, действуя против отряда Баратова, отступали из района Бардус в район Шакярлы—Кожганс. Для обеспечения своих действий Калитин выслал заслоны на Сивричайское направление и в район севернее Ольт; один батальон был оставлен для обеспечения тыла в Пеняке.

В общем отряд Калитина при преследовании турок широко организовал разведку на фронте и тщательно обеспечивал свои фланги, что в горной обстановке имеет особое значение.

1 января 1915 г. отряд повел от Нориана наступление на фронте Алабалых—Сурик с целью выбить турок, засевших

---

[1] Так, например, лишь вдоль Ольтинского шоссе на расстоянии 9 *км* было подобрано 114 заколотых или зарубленных трупов турок.

[2] В Ольтах вскоре было похоронено 962 турецких аскера.

[3] Преследовавшие сотни были остановлены огнем с позиции, находившейся в 1 *км* севернее Ени-кея.

в Ени-кейских воротах, действуя на их фронте пятью сотнями и обходя оба фланга их тремя сотнями на Алабалых и пятью сотнями на Сурик. Наступление конницы задерживалось труднодоступной местностью, представлявшей собой скалистые горы, покрытые снегом, вследствие чего отряд Калитина не смог сбить турок, которые к вечеру усилились до двух батальонов с конным полком и пулеметами, занявшими позицию по дороге на Сурик. Конный отряд Калитина заночевал на занятых позициях.

2 января 1915 г. после упорного боя конный отряд, поддержанный шестью слабыми ротами 9-го кавказского стрелкового полка, овладел селением Ени-кей, где действовали части 94-го, 95-го и 96-го пехотных полков 32-й пехотной дивизии, из которых было захвачено в плен до 140 человек. Потери турок убитыми и изрубленными в конной атаке достигали 300 человек. Потери отряда: 8 убитых и 35 раненых. К вечеру 2 января отряд расположился в районе Нориман—Ени-кей—Кихтык—Горнес.

В течение этого же дня с высот было замечено, что турки большими колоннами отходили от Мекара на Кизил-килису и от Шакярлы на Вейчихас, выставив против отряда Калитина сильные заслоны на фронте Шошан—Кизил-килиса. Условия для дальнейшего наступления конницы во фланг и тыл этим колоннам были чрезвычайно затруднительны вследствие снега и недоступной скалистой местности, где имелись лишь обледенелые тропы, с которых ежедневно сваливалось до 20 лошадей. Конский состав отряда был чрезвычайно изнурен и нуждался в продолжительном отдыхе; с фуражом испытывались большие затруднения. При таких условиях скорость движения конного отряда с боем не превышала 3—4 *км* в день.

4 января отряд Калитина (Сибирская казачья бригада, 13 слабых сотен 1-й кавказской казачьей дивизии и части 9-го кавказского стрелкового полка и 263-го пехотного гунибского полка с их артиллерией) имел задачей наступать на фронте Шакярлы—Лавсор против указанных заслонов турок, оказывавших упорное сопротивление и переходивших со стороны Ида в наступление силой до полка пехоты. Вследствие всех этих причин наступление отряда Калитина приостановилось, и он обратился к начальнику колонны Родионову[1] из отряда Баратова с просьбой о содействии со стороны Чатаха на Лавсор ударом по правому флангу турок, так как левая колонна Калитина не могла двигаться

[1] Один батальон 10-го кавказского стрелкового полка слабого состава, без обоза и почти без патронов, занимал район Чатах.

дальше Горнеса ввиду сопротивления турок у Мекара. Не получив от Родионова удовлетворительного ответа, Калитин самостоятельно решил овладеть районом Шакярлы—Кожганс—Лавсор—Горнес, но ему удалось лишь продвинуться к фронту Ид—Шакярлы, занятому остатками 10-го турецкого корпуса.

Разбирая действия отряда Калитина, следует отметить, что при его наступлении широко применялись конницей обходы в весьма труднодоступной [1] горной местности, пролегавшей в полосе Ольтинского шоссе, что позволяло быстро сбивать турецкие части, действовавшие вдоль него. Только подход отряда в район Ени-кей, где горная местность стала еще более труднодоступной, часто с отвесными склонами и обледенелыми узкими пешеходными тропинками, остановил порыв конницы к дальнейшему наступлению.

При наступлении отряда широко использовалась приданная ему пехота, обычно сковывавшая турок с фронта, который в горных условиях при организации обороны отличается большой силой и труднодоступностью. Это потребовало от русских широкого использования ночных действий, закончившихся весьма удачно, вследствие того что турки не принимали мер боевого обеспечения.

Настойчивое преследование отряда, широко применявшего обходы, верно определявшего слабые стороны в обороне турок, привело к разгрому их арьергарда на Ольтинском направлении.

Калитин верно оценил важное значение для турок направления Чатах—Ид, по которому отступали разбитые в районе Бардус турецкие части. По отношению к этому направлению отряд Калитина, выйдя в район Нориман—Ени-кей, занимал фланговое положение, позволявшее серьезно угрожать туркам. Однако условия местности, крайняя утомленность конского состава и недостаток фуража не позволили выполнить эту задачу.

На следующий день для овладения Горнесом из колонны Габаева был выдвинут 11-й кавказский стрелковый полк с четырьмя горными орудиями, усиленный четырьмя сотнями. Этот отряд тяжелым ночным маршем в снежную метель, преодолевая труднодоступные горы, внезапной ночной атакой овладел районом Горнеса, где в числе пленных оказались: командир 30-й пехотной дивизии 10-го корпуса со всем штабом, 170 офицеров и врачей, 400 аскеров, 3 орудия и 1 пулемет. На этом эпизоде наступление русских на Ольтинском направлении приостановилось, и конный отряд

[1] Личные рекогносцировки автора.

Калитина собрался в районе Ольты—Нориман, имея выдвинутые вперед охраняющие части.

Операция, проведенная конным отрядом Калитина, поддержанным пехотой, на ярко выраженном горном театре в зимней обстановке, выявила важную роль конницы и необходимость в данных условиях ее взаимодействия с пехотой. Без поддержки пехоты конный отряд оказался бы неспособным к ведению широких наступательных действий.

Ольтинский отряд Истомина, направленный в Чорохский район для преследования остатков отряда майора Штанке и вытеснения турок из Батумской области, к 27 декабря достиг заваленного снегом Яланус-чамского перевала, который он с большим трудом преодолел под огнем турок. В дальнейшем части отряда к концу Сарыкамышской операции выбили турок из Арданучa, чем обеспечили действия отряда Калитина на Ольтинском направлении.

XVII

Положение на фронте Сарыкамышского отряда к концу операции

К 3 января 1915 г. преследование турок отрядом Баратова на Бардусском направлении считалось законченным. Этот отряд, оставив части 3-й кавказской стрелковой бригады Габаева (10-й и 11-й полки с артиллерией) в указанном выше районе с целью обеспечения фланга Сарыкамышской группы и сбора трофеев, был передвинут (схема 2) в район Караурган для парирования возможного удара турок.

Так как на фронте 11-го турецкого корпуса, понесшего большие потери, напряжение атак в конце декабря ослабело, то Юденич, усилив отряд Довгирта до четырех батальонов с четырьмя горными орудиями, приказал ему 27 декабря двигаться в обход Зивинской позиции с целью выхода в тыл 11-му корпусу. 1 января 1915 г. русские здесь на всем фронте перешли в наступление, несмотря на сильные метели и большие морозы. Русские медленно продвигались в глубоком снегу, встречая чрезвычайно упорное сопротивление турок, доводивших контратаки до удара в штыки. Колонна Довгирта должна была преодолеть путь в 15 *км* в очень глубоком снегу при сильной пурге. С трудом прокладывая траншеи в снегу выше роста человека, медленно, иногда всего со скоростью 2—3 *км* в сутки, скрытно продвигалась эта колонна, чтобы выполнить поставленную ей задачу. На пятый день, вечером 2 января, когда колонну считали уже погибшей, она вышла из ущелья в тылу турец-

кого расположения. Это сломило упорство 11-го турецкого корпуса, части которого, отдав русским Зивинскую позицию, начали поспешно отступать.

Общее преследование продолжалось, несмотря на сильное утомление войск, до 5 января включительно, когда сильно поредевшие части Сарыкамышского отряда достигли фронта Кабах-тап — Хорум-даг — Канны-даг — Тоды, где они и были остановлены Юденичем; для продолжения же преследования турок были выделены небольшие авангарды и конница. Занятые русскими пункты явились рубежом для будущих «опорных пунктов русских авангардов».

По заключению Юденича закончившаяся операция дала следующие результаты: турецкая армия почти не существовала; русские войска заняли выгодное исходное положение для новых операций; территория Закавказья, кроме небольшого участка Батумской области, была очищена от турецких войск.

После поражения турок в районах Ольты, Бардуса и Сарыкамыша турки отошли на свои прежние исходные позиции, выставив сторожевое охранение на фронте Горнес — Мекара—Маслагат—Али-килиса—Царс—Дели-баба.

1-й кавказский армейский корпус расположился в следующих местах.

1) *Караурганский авангард* — 5½ батальонов, 40 пулеметов, 9 сотен, 16 орудий в укрепленном районе Кабах-тап — Хорум-даг—Зивин—Караурган.

2) *Меджингертский авангард* — 6½ батальонов, 48 пулеметов, 7 сотен, 26 орудий в районе Алтун-булаг — Медичхач—Исламзор—Меджингерт.

3) *Бардусский правый боковой отряд* — 4½ батальона, 1 дружина ополчения, 8 пулеметов, 5 сотен, 4 орудия в районе Нюсунг—Норшин—Ени-кей—Бардус—Чермук.

4) *Башкейский левый боковой отряд* — 2 батальона, 8 пулеметов, 8 сотен в районе Тоды и восточнее.

5) *Конница Фисенко* — 12 сотен, 8 пулеметов, 12 орудий в районе Каракурт—Баш-кей.

6) *Главные силы корпуса* — 19¾ батальона, 40 пулеметов, 1 сотня, 36 орудий по квартирам в районе В. Меджингерт—Сарыкамыш—Али-Софи—Ель-Кечмез.

7) *2-й туркестанский армейский корпус* — 18½ батальонов, 48 пулеметов, 36 орудий по квартирам в районе крепости Карс.

Все части приступили к приведению себя в порядок.

В связи с тем, что в южной части Батумской области турецкие части, бежавшие из Ардагана, еще не были вытеснены и имелись непроверенные сведения о подвозе морем к

району Хопа свежих частей из Константинополя, было приказано еще 25 декабря 1-ю пластунскую бригаду Пржевальского отправить по железной дороге через Карс—Тифлис в Боржом для дальнейшего следования в Ахалцих. Здесь Пржевальский должен был вступить в командование отдельным отрядом, обеспечивавшим направление Батум—Тифлис.

В персидском Азербайджане русские, потерявшие Тавриз, вновь овладели им и вытеснили турок из района восточнее его, откуда турки, организовав партизанские отряды из персидского кочевого населения, пытались бросить их в сторону Баку, в окрестностях которого, а также и в районе Тифлиса русские сооружали укрепления.

XVIII

Тыл Сарыкамышского отряда в период операции

Русские войска в период Сарыкамышской операции базировались на крепость Карс, где находились базисные магазины и производилось хлебопечение. Особые заботы вызывали вопросы снабжения хлебом и эвакуация раненых и больных. Для усиления снабжения войск хлебом в Каракурте был устроен промежуточный склад муки и сухарей и расширено хлебопечение — до 25 000 порций ежедневно. Вследствие сокращения подачи муки с тыла с 18 декабря суточная дача для Сарыкамышского отряда была уменьшена до 400 *г* хлеба или сухарей и до 800 *г* мяса в день. Увеличивалось хлебопечение и в Карсе, при этом 20 декабря Берхман просил коменданта крепости Карс о высылке муки и хлеба по шоссе на Сарыкамыш, где эти продукты брались бы обратными санитарными транспортами, отвозившими раненых. Представители органов снабжения армии, в связи с создавшейся тревожной обстановкой в районе Сарыкамыш, по собственной инициативе начали эвакуацию продовольственных запасов из этого пункта в тыл. Часть их была уже отправлена, но турки вскоре прервали железнодорожный путь и шоссе у Ново-Селима и этим, к счастью для русских войск, прекратили вывоз и уменьшение в Сарыкамыше продовольственных запасов.

Эвакуация больных, раненых и пленных из районов Сарыкамыша и Каракурта прекратилась с 13 декабря, и лишь с появлением в районе Ново-Селим отрядов Воронова и Габаева, когда с Карсом было открыто прямое сообщение[1],

[1] О неудовлетворительности санитарного обслуживания можно судить из донесения 18 декабря Букретова Пржевальскому, где указывалось: «Раненых много, вывозить не на чем; перевязочный пункт

вновь удалось наладить эвакуацию. Санитарное обслуживание войск было затруднено и по другой причине, а именно: часть персонала госпиталей до перерыва связи с крепостью Карс под влиянием распространившейся тревоги самовольно, без разрешения, бросив имущество, уехала в тыл. Оставшихся же трех госпиталей с уменьшенным штатом было совершенно не достаточно для обслуживания войск группы. Кроме того, пользование ими было затруднительно, так как Сарыкамыш и шоссе в сторону фронта были под огнем турок.

Потери русских исчислялись: более 20 000 убитых, раненых и больных и свыше 6 000 обмороженных; особенно пострадал командный состав, главным образом убитыми.

Много забот русскому командованию, намечавшему общий отход Сарыкамышского отряда к Сарыкамышу, а затем к Карсу, доставляли войсковые обозы, стеснявшие маневрирование войск. Все обозы (кроме 1-го разряда) к 18 декабря были сосредоточены в районе Баш-кей—Каракурт, откуда с прикрытием были отправлены на Зарабхан—Кагызман; 20 декабря они благополучно прибыли в эти пункты. К 22 декабря часть обозов 2-го сводного корпуса была собрана во Владикарсе, а остальные в Ново-Михайловке, где были учреждены «корпусные вагенбурги».

Таким образом, обозы были выведены в район Карс по той дороге, которая признавалась Мышлаевским, на основании имевшихся сведений и его личной рекогносцировки при бегстве с фронта через Каракурт—Кагызман, совершенно недоступной для колесных обозов и артиллерии.

Организация тыла 3-й турецкой армии не соответствовала характеру предпринимаемой операции широкого обхода. В результате удаленность обходного крыла от тыловых баз, плохая организация подачи продовольствия и фуража, неудовлетворительная работа санитарных учреждений до крайности ослабили турецкие части, понесшие очень большие потери обмороженными и замерзшими.

9-й и 10-й турецкие корпуса, направленные в обход, должны были взять с собой продовольствие и боевые припасы в большом количестве, чтобы быть менее зависимыми от подвоза,—запас огнестрельных припасов был увеличен до 500 патронов на винтовку, а продовольствия — на 5—7 дней. Однако большая убыль вьючных животных вызвала боль-

---

по условиям местности держать ближе, чем на шоссе Караурган — Сарыкамыш, нельзя, вследствие этого раненые следуют пешком не менее 10—12 *км*, а тяжело раненых приходится чуть ли не бросать на месте».

шие перебои в снабжении войск фуражом и продовольствием в первые же дни подхода к району Сарыкамыша.

Для установления порядка в тылу Кавказской армии в связи с поражением турок у Сарыкамыша коменданту крепости Карс было приказано учредить административные органы во всем приграничном районе, очищенном от турок, так как в селениях лежало много турок, раненых и больных тифом и дизентерией. Целый ряд селений и дорог на Бардусском направлении сплошь был забит трупами людей, убитых, замерзших и умерших от инфекционных болезней, а также павших животных. С наступлением весны это грозило появлением тифозной эпидемии и в рядах Кавказской армии.

По данным русских гражданских властей, приступивших весной 1915 г. к очищению окрестностей Сарыкамыша от трупов, было похоронено 28 000 человек и 13 000 животных. Пленных зарегистрировано до 3 500 здоровых турецких солдат и офицеров.

XIX

Оценка действий сторон в оперативном отношении

Турецкое командование ввиду недостатка сил мыслило произвести окружение русских в районе Сарыкамыш путем глубокого обхода одного фланга главных сил Кавказской армии с целью отрезать обороняющихся русских от Карса, прижать их к недоступной трещине р. Аракс и принудить их капитулировать.

В турецкой военной литературе отмечается беспорядочность предпринятого маневра «Сарыкамыш», являющегося будто бы повторением маневра Мольтке под Седаном, который в 1870 г. был произведен с организованными и обученными войсками на театре военных действий, располагавшем отличной сетью путей, с большими продовольственными ресурсами и при благоприятных климатических условиях.

Турецкие же войска были недостаточно подготовлены в боевом отношении и не обладали необходимым снабжением, чтобы произвести маневр такого большого размаха. Главное же — турецкий командный состав не имел навыков к проявлению инициативы, столь необходимой в горных условиях войны.

Район, где проводился широко задуманный маневр, являлся горной страной с труднопроходимыми зимой дорогами и перевалами, крайне затруднявшими сообщение по

фронту. Более выгодным районом для операций — долиной р. Аракс — располагал 11-й турецкий корпус. В полосе наступления 10-го корпуса имелось от Ольты до Косора шоссе, тогда как 9-й корпус, наносивший непосредственный удар и первый выходивший в район Сарыкамыша, располагал до Бардуса лишь вьючными тропами. Это лишило 9-й корпус возможности иметь в первые же дни боев под Сарыкамышем сильную артиллерию.

Предпринятая операция в горах, при снеге глубиной не менее 1 *м* и морозах до 20°, крайне замедлявших движение войск, причиняла туркам много страданий, вывела из строя свыше 80% бойцов и невероятно затрудняла снабжение войск всем необходимым, так как подвоз производился лишь вьючным обозом.

К снабжению продфуражом турецкое командование отнеслось чрезвычайно легкомысленно, возложив его на организованную на месте турецкую администрацию, которая должна была, опираясь на эмиссаров, подготовленных еще в мирное время, собирать на месте все необходимое от местного курдского и турецкого населения. Несмотря на колоссальные потери, понесенные 9-м и 10-м корпусами, оставшийся в них личный состав едва удовлетворялся продовольствием и фуражом, доставленным с мест. При этой системе снабжения солдаты в массе голодали, так как все войсковые вьючные транспорты были направлены, главным образом, для подвоза боеприпасов, в которых турки, вследствие малочисленности частей и малого количества оставшихся в строю исправных орудий, затруднений вообще не испытывали.

В общем, устройство тыла на горном театре являлось в подготовке к операции важнейшим вопросом. Здесь не должно было быть что-либо забыто, расчету следовало уделить исключительное внимание. В горной войне, как нигде, справедлив меткий наполеоновский афоризм: «Тайна войны — в тайне сообщений».

Операция подчеркивает роль в горной войне смелого, инициативного и не теряющегося в сложной обстановке командира. В этом отношении командование как Кавказской, так и 3-й турецкой армий в лице Мышлаевского и Энвер-паши, бросивших на произвол судьбы главные силы своих армий, считавшиеся ими уже потерянными, дают резко отрицательный пример. Кавказская армия была спасена настойчивостью в проведении решений частными начальниками, в то время, как старшие растерялись и готовы были отступать за крепость Карс, большой выносливостью войск, испытывавших сильные лишения, истощением турок, «замо-

роженных» Энвер-пашой, отсутствием взаимодействия их войсковых частей, растянувшихся на широком фронте, разновременно выходивших в район Сарыкамыш и разделенных горами.

Бросив на произвол судьбы главные силы Кавказской армии, Мышлаевский не урегулировал вопросов управления Сарыкамышской группой. Посланное им в пути сообщение Берхману о вступлении последнего, как старшего в чине, в командование этой группой не было известно начальнику штаба Кавказской армии, который в критический момент операции готовился отстранить Берхмана от командования, что могло еще в большей степени осложнить вопрос управления Сарыкамышской группой, действовавшей отрядами на изолированных горных направлениях.

В крайне неудовлетворительном положении было управление и у турок, во главе которых стояли Энвер-паша и командиры корпусов — ученики германской школы и германские инструкторы. В их действиях наблюдалось отсутствие расчетов при организации маршей, доверчивое отношение к заведомо неверной карте, выполненной турецкими топографами под наблюдением германцев; предоставление полной самостоятельности командиру 10-го корпуса, который потерял 2 дня при преследовании отряда Истомина; отсутствие связи с командирами корпусов при совершении маршей и т. д.

Турецкие военные исследователи, называя Сарыкамышскую операцию «преступлением», считают ответственными за нее Энвер-пашу и принявшего командование над 10-м корпусом Хафыз-Хакки-пашу.

Со времени успеха в боях за Кепри-кей турецкое верховное командование в Константинополе впало в свою старую ошибку, безмерно переоценив боеспособность турецких войск, что в значительной степени было причиной разгрома и в 1912 г. на Балканах. Этому командованию казалось, что наступление турок в период Кепри-кейской операции развивалось недостаточно быстро, между тем никто из них не имел представления о передовом Кавказско-турецком театре военных действий.

Впоследствии немец Гольц-паша писал об этих лицах: «К сожалению, на Кавказе один из новоявленных Бонапартов, произрастающих на здешней почве, сделал глупость, дав своей армии задачу, которая ввиду ее внутреннего состояния была ей не под силу, и этим нанес ей серьезный ущерб».

Плохое состояние горных дорог, их редкая сеть требо-

вали тщательной и продолжительной подготовки операции, а также производства внимательных расчетов всех деталей.

Основная мысль плана Энвер-паши — обход русских — правильна и рекомендуется в горных условиях, но в зимней обстановке Кавказского театра этот план превратился в авантюру. Распределение войск — 70% сил армии (9-й и 10-й корпуса и около дивизии — 7-й и 8-й пехотные полки 1-го константинопольского корпуса) — в ударной группе, 30% (11-й корпус) — в сковывающей группе, — соответствовало обстановке, учитывая, что турецкое командование намечало не только разгромить Сарыкамышский отряд, но готовилось овладеть затем и крепостью Карс.

На Сарыкамышском направлении сковывающая группа (11-й корпус и 2-я кавалерийская дивизия с курдскими формированиями) получила широкий фронт (около 40 *км*), что при имевшихся труднодоступных горных рубежах на данном направлении крайне затрудняло действия этих частей, которые не могли достичь желаемых результатов. Турецкому командованию надлежало бы усилить 11-й корпус, по крайней мере, еще одной полевой дивизией и артиллерией, которую следовало взять из крепости Эрзерум.

В обеспечении операций 9-го и 10-го турецких корпусов большую роль сыграла 32-я пехотная дивизия, случайно оказавшаяся в районе Бардус, где она вначале прикрывала тыл 9-го корпуса, а затем, в момент отступления 10-го корпуса, приняла на себя отступающую 31-ю пехотную дивизию и создала серьезную угрозу на правом фланге русских.

Эта дивизия выполняла роль армейского резерва, который в горной местности, где имеется ряд изолированных направлений и где маневр получает решающую роль, приобретает большое значение. Учитывая опыт этой операции, русское командование, перейдя затем от «отрядной» системы к нормальной организации — к армейским корпусам, обеспечивавшим главнейшие направления, всегда имело армейский резерв в районе крепости Карс. Местоположение резерва для Сарыкамышского отряда в районе Сарыкамыш было бы наилучшим.

В последний период борьбы в районе Сарыкамыш остатки 9-го турецкого корпуса вместе со всем командным составом оказались в плену. Между тем если бы командование этим корпусом лучше ориентировалось в общей обстановке в горах, оно бы учло, что для 9-го корпуса оставались еще пути отхода через расположение 10-го корпуса, которыми ни командир корпуса, ни командиры дивизий не сумели воспользоваться и остались полуокруженными на занятых ру-

бежах северо-западнее Сарыкамыша, пассивно обороняясь.

Сарыкамышская операция представляет пример довольно редкого образца борьбы против окружения — борьбы, которая началась в обстановке обороны русских и закончилась в условиях встречного столкновения, с разжатием кольца окружения изнутри и преследованием остатков обходного крыла турок.

Сарыкамышская операция имела весьма важное значение не только для России, но и для Антанты: положение России на Кавказско-персидском театре упрочилось; произошло усиление турецких войск, направленных против Кавказской армии, что облегчило действия англичан в Месопотамии и по обороне Суэцкого канала.

Успех русских на Кавказе встревожил англичан, которым уже мерещился захват русскими Константинополя. С целью предупредить русских, английский Высший военный совет решил приступить уже 19 февраля к Дарданельской операции.

В частности для Кавказской армии Сарыкамышская операция повлекла за собой реорганизацию высшего управления армией и дала ценные оперативные выводы для дальнейшего ведения войны.

XX

Тактические выводы об использовании родов войск, технических сил и средств и об управлении войсками на поле боя

Бои на Ольтинском и Сарыкамышском направлениях в период операции выявили роль инициативных командиров, сумевших активной обороной сдержать первый натиск превосходных сил турок, что позволило русским подтянуть на угрожаемые участки фронта подкрепления, которые, в свою очередь, перейдя в наступление, умело руководимые, отразили наступление турок, угрожавших глубоким обходом Сарыкамышскому и Ольтинскому отрядам. Из этих командиров особенно следует отметить: Габаева, Пржевальского, Букретова, который вместе с безвестными прапорщиками организовал непосредственную оборону Сарыкамыша, и других, а также подчиненные им войска.

Фр. Энгельс в своей интереснейшей статье «Горная война прежде и теперь» как раз и подчеркивает, что «активная оборона требует особенно активных, опытных и искус-

ных генералов; в высшей степени дисциплинированных и подвижных войск и, в первую очередь, очень искусных и надежных руководителей бригад, батальонов и даже рот...» [1]. Это положение, еще в большей степени применимое и для наступающей стороны, ярко подкрепляет мысль о роли инициативного и подготовленного к горной войне командира, способного быстро разбираться в сложном горном бою и принимать решения в духе директив старшего начальника.

Роль командира в современном горном бою, где будут часто применяться в широком масштабе технические средства борьбы, и в особенности авиация, является еще более ответственной, так как только правильное использование техники наступающими войсками в горах открывает путь к победе.

Как вывод — современные условия горного боя потребуют не только в высшей степени «подвижных» войск, но и высококвалифицированных и очень искусных командиров, способных самостоятельно руководить боем при широком техническом оснащении войск.

Эта же операция особо подчеркивает задерживающее влияние горного театра с плохими путями сообщения в зимней обстановке и влияние горных стихий на совершение маневров-обходов, что позволяет обороняющемуся, правильно организовавшему разведку, предпринять с помощью резервов контрманёвр.

При правильной организации контрманевра обходящий сам может оказаться обойденным и даже окруженным, почему должно быть обращено особое внимание как наступающих, так и обороняющихся на охрану своих флангов.

Так, например, 9-й турецкий корпус, не выставив на своем правом фланге в сторону Караургана прочного заслона, в конце концов оказался полуокруженным. Та же участь грозила бы и 10-му корпусу, если бы колонна Габаева была от Ново-Селима направлена в обход на Эмир-хан и перевал Эшак-Мейдан.

Однако непонимание Баратовым и его штабом важности производимого колонной Габаева глубокого обхода, на котором последний особенно настаивал, а также несоответствующие обстановке действия командиров 2-й кубанской пластунской бригады и 17-го туркестанского стрелкового полка позволили 10-му турецкому корпусу выйти из намечаемого окружения. Это же, в свою очередь, привело к тому, что остатки названного корпуса, отойдя в район Бардуса, создали угрозу правому флангу Сарыкамышского отряда, и по-

[1] *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения, т. 1, стр. 398.

требовалось около 10 дней для того, чтобы с большим трудом окончательно сломить их упорство.

Со стороны русских в этом отношении необходимо отметить отсутствие обеспечения переброски частей из главных сил Сарыкамышского отряда для выручки Сарыкамыша. Шоссе, по которому предстояло движение этих частей, находилось под ударами 9-го турецкого корпуса, поэтому надлежало направить в первую очередь конницу для прочного обеспечения названного пути и предпринятого маневра.

Опыт борьбы на горном театре указывает, что активный наступающий с меньшими, но более искусно и методически водимыми силами одерживает успех. Выделяемые резервы надлежит располагать в узлах дорог, откуда они могут быть быстро поданы на угрожаемые участки.

Сарыкамышская операция особенно подчеркнула значение в горах активной обороны. Например, в период борьбы за Сарыкамышский узел путей, русские были обойдены турками; не ограничиваясь отражением атак, они предприняли маневр, который привел к окружению 9-го турецкого корпуса.

В этом отношении Фр. Энгельс в указанной выше руководящей статье отмечает, что оборона не должна быть только пассивной, что она должна увеличивать свою силу подвижностью и всюду, где представляется случай, действовать наступательно.

Главные усилия защиты должны быть «направлены против обходящих колонн, каждая из которых может, в свою очередь, оказаться обойденной и попасть в то самое беспомощное положение, в которое она собиралась поставить обороняющуюся сторону»[1].

В общем, сравнивая замысел турецкого командования и его контрманевры по выводу 10-го корпуса из боя с маневрами, предпринимавшимися русскими также по обходу турок, следует отметить широту и смелость замыслов турок. У русских же вместо смелых обходов производился маневр охвата, чувствовалось стремление к лобовому удару. Лишь на Ольтинском направлении, где действовала конница Калитина, и в районе Бардуса, в действиях колонны Габаева, наблюдается стремление выиграть бои маневрами-обходами, которые заканчивались для русских успешно.

Обходный маневр русских на сообщения 9-го турецкого корпуса и намеченный удар группы Баратова на перевал Эшак-Мейдан подчеркивают значение в горных условиях смелых обходов, выводящих на тылы противника. Этот

[1] *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения, т. 1, стр. 398.

принцип всецело подтверждается положениями, выдвинутыми в указанной статье Фр. Энгельсом, где он отмечает важность в горных условиях маневра подвижных войск, способных окружить противника, который в горах часто стремится занять для обороны труднодоступный с фронта рубеж. В этих условиях наступающий, искусно используя мертвые пространства как подступы, наступая через малодоступные участки, принуждает обороняющегося капитулировать.

Для подвижных горных войск многие горные хребты, как это, например, имело место при обходном марше-маневре 9-го турецкого корпуса по труднодоступным зимой отрогам хребта Чахир-баба, уже потеряли значение непреодолимых преград.

Резко оттеняя это обстоятельство, Фр. Энгельс приводит в упомянутой статье мысль, высказанную Наполеоном о горной войне: «Где может пройти козел, там может пройти человек, где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там армия» [1].

Такая возможность, допускающая обход неприятеля с фланга, является слабым местом оборонительной позиции в горах, атаковать которую с фронта было бы иногда явным безумием.

«Охрана всех путей, по которым можно обойти оборонительные позиции, означала бы для обороняющейся стороны такое распыление сил, что поражение было бы неминуемо. В лучшем случае эти пути можно только держать под наблюдением, и отражение обхода должно зависеть от правильного использования резервов и от сообразительности и быстроты командиров отдельных частей. Все же если из трех или четырех обходящих колонн всего лишь одна добьется успеха, то обороняющаяся сторона попадет в такое же трудное положение, как и в случае успеха всех колонн» [2].

Вместе с тем протекшие бои в период Сарыкамышской операции особенно резко подчеркнули, что в горной войне наступление имеет громадные преимущества перед обороной.

Кроме того, данная операция, протекшая на обширном горном театре, насыщенном малым количеством войск, выявила необходимость учета всех направлений, до кажущихся труднодоступными (например, Батумского и Бардусского), которыми активный наступающий, особенно имеющий специальные горные войска, может воспользоваться для обхода. Для прикрытия этих направлений, как показали бои

[1] *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения, т. I, стр. 396.
[2] Там же, стр. 397.

в начале операции в районе Бардуса, должны быть назначены отряды достаточной силы с быстродействующими средствами связи под командой хорошо подготовленных и инициативных горных командиров.

Для противодействия турецкому обходу русские, несмотря на большие колебания Мышлаевского и Берхмана, сумели планомерно оттянуть главные силы Сарыкамышского отряда и провести активную оборону на горных рубежах, заблаговременно подготовленных, не уделяя, однако, внимания в начале операции своему правому флангу, упиравшемуся в горный массив Чахир-баба.

Вместе с тем эта же операция отметила способность продолжительного сопротивления в горах сравнительно слабых сил, ведущих активную оборону, например, Ольтинского отряда, действовавшего в районе Ольты, и отряда Букретова, а впоследствии Пржевальского, действовавшего в районе Сарыкамыш.

В этом отношении Клаузевиц указывает, что «ничтожный отряд, прикрытый с фронта крутым скатом, а справа и слева ущельями», приобретает большую силу. Далее, развивая эту мысль, Клаузевиц отмечает: «Не подлежит сомнению, что небольшой отряд, удачно выбравший позицию в горах, приобретает необычайную силу. Небольшая часть, которую на равнине легко прогнали бы несколько эскадронов кавалерии и которая сочла бы себя счастливой, если поспешным отступлением ей удалось бы спастись от разгрома и плена, в горах имеет возможность с известной, мы сказали бы с тактической наглостью, выступить на глазах целой неприятельской армии и потребовать от последней, чтобы ей, небольшой кучке, был оказан почет по-военному — методическим наступлением, обходом и пр.»[1].

Тяжелое положение русских усугублялось, кроме того, совершенно неудовлетворительным ведением разведки, неуменьем делать выводы из имевшихся сведений о противнике, разбросанностью сил, отсутствием резервов, неустройством тыла и малой боеспособностью некоторых частей. Разведывательная служба в горах должна быть организована тщательно, с применением всех средств разведки, особенно же авиации. Широко должна быть использована негласная агентура.

Как правило, преследование в горах предпочтительно должно быть параллельным. Непосредственное же преследование не дает решительных результатов и приводит обычно к лобовым ударам (например, действия колонн отряда

[1] *Клаузевиц*, О войне, т. II, 1932, стр. 171.

Баратова при преследовании 10-го корпуса, преследование конным отрядом Калитина отступавшего турецкого арьергарда вдоль Ольтинского шоссе) по прикрывающим частям противника, который имеет возможность цепляться за многочисленные горные рубежи. При преследовании желательно направлять в тыл отступающего противника по кратчайшим дорогам легкие отряды конницы (например, при преследовании турок Баратовым была выделена партизанская сотня Каргалетели).

Действия Сарыкамышского отряда в Пассинской долине указывают, что в предвидении выхода из боя желательно наметить и подготовить ряд оборонительных рубежей.

В процессе наступления турок, несмотря на громадное превосходство их в силах на Ольтинском направлении, 10-й турецкий корпус, слабо управляемый, оказался не в состоянии широкими обходами уничтожить отряд Истомина. Это повело к тому, что русские точно установили присутствие 10-го корпуса, до тех пор не обнаруженного на Кавказском фронте. Уничтожение Ольтинского отряда в первый же день не позволило бы русским разгадать наступавшие на этом направлении силы турок, сразу же поставило бы в угрожаемое положение направления Ардаган — Тифлис и Ольты — Карс и потребовало бы выдвижения из Карса отряда Габаева на замену уничтоженного отряда Истомина. В таком случае отряд Габаева не мог быть впоследствии использован на Карсском направлении для действий против 10-го турецкого корпуса. Затем уничтожение Ольтинского отряда, вероятно, принудило бы панически настроенное русское командование начать отход Сарыкамышского отряда не только к своей пограничной полосе, но, вероятно, и дальше к Карсу, чтобы вырваться из окружения турок, которым весьма активно содействовало восставшее население.

Операция подчеркнула, что главная тяжесть боя в горной местности ложится на пехоту, что требует еще в мирное время организации специальных горных войск.

Выявилась непригодность для горного театра пушек полевой артиллерии. Русские пушечные батареи, даже конные, при преследовании 10-го корпуса оказались на пересеченной горной местности слишком тяжелыми, их приходилось подтягивать, применяя, кроме конной тяги, еще быков и обращаясь за содействием к пехоте. Пушечные батареи оказались в горах почти бессильными бороться с горной артиллерией турок, и для них приходилось с трудом «подбирать» позиции, вплоть до открытых. Гаубицы, которых у русских было мало, могли бы справиться с этой задачей лучше.

Горный рельеф при хорошем наблюдении со стороны противника заставлял использовать в широком масштабе кочующие батареи.

Кавалерия во главе с энергичными командирами оправдала себя в преследовании в маневренном бою на очень трудной горной местности, где она умело применялась для обходов, связи и разведки. На равнинных участках, как, например, на Ардаганском плато и вдоль шоссе, она была целесообразно использована для конного удара. С другой стороны, при слабом управлении, как, например, в 1-й кавказской казачьей дивизии, входившей в отряд Баратова, конница в решительный день борьбы колонны Габаева с турецким арьергардом 10-го корпуса на хребте Эмир-хан-даг упустила момент выхода в тыл этому арьергарду вследствие позднего выступления с исходного пункта.

В этой же операции нашли применение и технические средства.

1) Русские удачно использовали в критический момент железнодорожный участок Карс — Ново-Селим для переброски к полю сражения запасных частей и отряда Габаева. На этой же железной дороге они использовали импровизированный бронепоезд, позволивший им прочно обеспечить эту линию за собой.

2) Авиация совершила из Карса несколько полетов, не давших особых результатов вследствие малоудовлетворительного состояния аппаратов и неблагоприятной погоды.

3) Радио было использовано для связи между крупными штабами и вполне оправдало себя в горах.

Сарыкамышская операция подтверждает, что в горах применимы почти все средства связи, но их использование часто будет встречать затруднения, причем в этих условиях при производстве операций особенно важны быстродействующие средства связи: радио, светосигнальные, авиация, голуби. Действия Сарыкамышского и Ольтинского отрядов указывают, что особое внимание надлежит уделять связи вдоль фронта между отдельно действующими частями.

Автотранспорта у русских не было, но наличие его позволило бы им более глубоко и быстро маневрировать резервами не только в районе Сарыкамыша, но и на Ардаганском направлении по шоссе через крепость Карс.

Вследствие трудности управления в горах отдельными колоннами или отрядами и возможности частого нарушения между ними связи для управления войсками в горах приходилось применять не приказы, а директивы, что может иметь место в будущем.

Русские находились под впечатлением опыта прошлых войн в зимний период на Кавказском фронте, когда операции замирали до весны и сражавшиеся располагались на широких зимних квартирах. Учитывая недостаточную боеспособность турецкой армии, русское командование и при начавшейся в 1914 г. империалистической войне не считало вероятным наступление турок зимой. Сарыкамышская операция, а также одна из последующих — Эрзерумская (проведенная в начале 1916 г.), — когда турецкая армия, в свою очередь, была застигнута врасплох, указывают на возможность развития широких операций на горном театре зимой и достижения в этот период больших оперативных успехов. В этом отношении весьма целесообразно использование войск, поставленных на лыжи.

Эта же операция показывает, что картографический материал и труды военно-географического и статистического характера по описанию горных театров, выполняемые в мирное время и основанные на рекогносцировках, имеют в смысле ознакомления командного состава с этими театрами большое значение. У турок топографические карты имелись, но не точные, а указанные труды отсутствовали, у русских же имелись ценные труды вплоть до расчетов штурма Эрзерума и выбора в его районе осадных позиций [1], а также точные топографические карты различных масштабов.

XXI

Общие выводы

Сарыкамышская операция, проведенная в армейском масштабе в горах в период многоснежной зимы, позволяет сделать ряд ценных выводов для современности.

В общем снег и большие морозы в горных условиях вносят ряд крупных коррективов в действия всех родов войск. Короткие зимние дни влияют на боевые действия в сторону уменьшения размаха боя. Наибольшую подвижность в течение этого тяжелого времени года сохраняет только пехота, при условии, если она будет поставлена на специальные горные лыжи. Вместе с тем пехота должна быть снабжена соответствующими предметами обмундирования, вплоть до маскировочной белой одежды, и специальным горным снаряжением, вплоть до очков-консервов. Некоторые из огневых средств ее, как, например, станковые пулеметы, будет затруднительно использовать в глубоком снегу,

[1] Личные воспоминания и труды автора.

по бездорожью. Ручные гранаты при мощном слое снега найдут сравнительно редкое применение. Если горный рельеф благоприятствует, то отборные лыжные части пехоты надлежит использовать для смелых обходов и охватов.

Передвижение артиллерии, даже горной, может оказаться в горах в зимних условиях практически невыполнимым без помощи пехоты. Часто придется перебрасывать материальную часть и боеприпасы на салазках, которые будут везти лыжники. При установке орудий потребуется большая работа по расчистке снега, который придется часто отрывать до грунта для придачи устойчивости орудиям. Артиллерия будет сильно демаскировать свое расположение при стрельбе, оставляя следы на снегу. При большой толще снега снаряды производят при разрыве незначительное действие, что часто затрудняет корректирование огня. Кроме того, белые разрывы снарядов плохо заметны на белом фоне снега в горной местности, пересеченной ущельями, почему желательно применение снарядов, дающих при разрыве цветные дымы, например кирпичный цвет (австрийские шрапнели).

Зимой в горах конница при глубоком снеге и малом количестве путей может быть использована в очень ограниченном размере. Необходимость укрывать от стужи и снега не только личный состав, но и лошадей, привязывает конницу к населенным долинам. Эти соображения определяют численность конницы, которую возможно привлечь для выполнения оперативных задач в зимний период в горах.

Мото-механизированные части, однако, могут найти применение в широких долинах или на платообразных хребтах, если глубина снежного покрова будет допускать их движение. Использование бронепоездов найдет место на редкой железнодорожной сети в горах, но, имея большое количество искусственных сооружений, железные дороги, легко могут быть разрушены авиацией противника. Однако работа последней будет сильно стеснена: частыми туманами, метелями, морозами, необходимостью расчистки редких аэродромов и площадок для спуска, трудностями ориентирования в занесенных снегом горах и пр. Аэрофотографирование на белом фоне дает самые положительные результаты. Эффект использования аэробомб будет несколько снижен в глубоком снегу.

Инженерные войска получают в это время года еще большее значение вследствие необходимости при наступлении в трудных условиях дорог разрабатывать перевальные участки, устраивать переправы через незамерзшие местами горные реки, устранять различные заграждения, которые

будут устраиваться противником на трудных участках местности, и пр.

В отношении применения средств связи следует отметить, что:

1) проволочная связь затрудняется вследствие возможных частых разрывов проводов от нависшего снега и льда, а также от частых буранов;

2) при оптической сигнализации придется заменить белые сигналы и флажки красными или зелеными;

3) работа звуковой сигнализации значительно ослабевает вследствие поглощения звуковых волн снегом;

4) пеших посыльных придется применять на лыжах; производительность конных посыльных значительно уменьшится или окажется совершенно невозможно использовать их;

5) для голубей необходимо организовывать отепление голубятен;

6) собаки могут применяться на всех путях, где снег утоптан;

7) велосипеды, мотоциклы и обыкновенные автомобили непригодны в снегу и при гололедице;

8) на хороших путях большое применение найдут гусеничные автомобили с заменой передних колес полозьями.

Для маскировки войск на исходных для наступления рубежах, кроме белых халатов, весьма полезно использование белой прозрачной (газовой) материи, натянутой на палки. Наземное и воздушное наблюдения вообще часто будут затруднены туманом, буранами, исчезновением многих ориентиров.

Для обогревания, во избежание демаскирования огнем и дымом, следует применять спиртовые или керосиновые печи и лампы, а также шатры-юрты лапландского и других типов.

Вследствие трудности наступления в горах нагрузку бойцов следует стремиться снизить.

Что касается работы тыла, то трудности перевозок часто ограничивают численность войсковых частей, могущих быть использованными в зимних условиях, почему особенно важно создание путей и использование на них технических двигателей или применение транспортной авиации.

Питание боя в зимних условиях осложняется необходимостью подачи боеприпасов вручную и на салазках (животные местами не пойдут). Вьючные животные, если снег превышает глубину 30 *см*, откажут в работе, пока для них не будут пробиты тропы.

Санитарные учреждения требуется отапливать,—отопление должно быть бездымное (спиртовые, керосиновые печи и

т. п.). Для санитарной службы особенно будут применимы собаки из породы сенбернаров.

При зимних операциях необходимо значительное увеличение калорийности пайка.

Эвакуация на носилках встретит серьезные трудности; большие услуги окажут сани, тусеничные автомобили и авиация. Больные и раненые должны быть тепло укрыты, на путях следования надо иметь частые промежуточные пункты для обогревания и подкрепления эвакуируемых горячей пищей и питьем.

Особое внимание необходимо обратить на то, что для бесперебойной работы тыла потребуется регулярная расчистка дорог, преимущественно деревянными лопатами. На перевалы и трудные участки надо назначать комендантов с командами и со средствами для организации ПВО и ПХО.

Горные хребты, занесенные глубоким снегом, создают разобщенные операционные направления, вызывающие дробление войск на колонны, способные самостоятельно решать оперативные задачи.

Зимние условия в горах могут вызвать, главным образом, сокращение темпа выполнения оперативных задач, ограничение маневрирования в бою, затруднительность взаимодействия огня и движения и применения в широком масштабе техники, трудность развертывания больших сил, затруднительность перемены направления и поддержания связи между отдельно действующими оперативными группами. Из всех перечисленных выше родов войск доминирующая роль в проведении зимних операций в горах принадлежит горной пехоте, поставленной на лыжи, и авиации с применением самолетов горного типа.

Решающее значение в успехе операции принадлежит тылу, приспособленному для действий в указанных условиях.

Тщательности расчетов со стороны штабов оперативных групп при выработке плана операции должно быть уделено особое внимание. Всякая импровизация вместо методического расчета может пагубно отразиться на ходе операции. В итоге при выработке плана операции должны занимать первенствующее положение два фактора: расчет и твердое знание всеми командирами особенностей вождения войск в горах в зимних условиях.

Изучение Сарыкамышской операции в значительной мере способствует усвоению главнейших факторов, сказывающихся на действиях войск в указанной обстановке.

Приложение 1

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЧАСТИ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ, ДЕЙСТВОВАВШИЕ НА ФРОНТЕ БАТУМ—САРЫКАМЫШ

1. Приморское (Батумское) направление

264-й пех. георгиевский полк 66-й пех. дивизии.
4-я батарея 66-й арт. бригады.
1-й кубанский пластунский батальон 1-й кубанской пластунской бригады.
19-й туркестанский стр. полк 5-й туркестанской стр. бригады.
25-я бригада пограничной стражи: 1 батальон, 1 сотня.
Михайловский крепостной саперный батальон.

2. Ольтинское направление

Ольтинский отряд.

20-я пех. дивизия.

Начальник дивизии *ген. Истомин,* он же начальник отряда.
1-я бригада 20-й пех. дивизии.
77-й пех. тенгинский полк.
78. пех. навагинский полк.
2-й дивизион 20-й арт. бригады.
3-й горско-моздокский каз. полк.
26-я бригада пограничной стражи: ½ батальона, 1 сотня.
1-я кавказская отдельная саперная рота.

3. Сарыкамышское направление

Сарыкамышский отряд.

1-й кавказский армейский корпус.

Командир корпуса *ген. Берхман,* он же начальник отряда

39-я пех. дивизия.

Начальник дивизии *ген. де-Витт.*
Командир 1-й бригады *ген. Воробьев.*
153-й пех. бакинский полк.
154-й пех. дербентский полк.
Командир 2-й бригады *ген. Дубисский.*
155-й пех. кубинский полк.
156-й пех. елисаветпольский полк.
39-я арт. бригада.
1-й легкий дивизион.
2-й горный дивизион.

2-я бригада 20-й пех. дивизии.

Командир бригады *ген. Андрусский.*
79-й пех. куринский полк.
80-й пех. кабардинский полк.
1-й дивизион 20-й арт. бригады.

1-й кавказский саперный батальон.
1-й кавказский мортирный дивизион.

1-я кубанская пластунская бригада.

Начальник бригады *ген. Пржевальский.*

2-я кубанская пластунская бригада.

Начальник бригады *ген. Гулыга.*

1-я кавказская казачья дивизия.

Начальник дивизии *ген. Баратов.*
1-й запорожский казач. полк.
1-й уманский казач. полк.
1-й кубанский казач. полк.
1-й горско-моздокский казач. полк.
1-й кавказский казач. арт. дивизион:
2-я кубанская казач. батарея.
1-я терская каз. батарея.

2-й туркестанский армейский корпус.

Командир корпуса — инспектор артиллерии *ген. Слюсаренко.*

4-я туркестанская стр. бригада

Начальник бригады *полк. Азарьев.*
13-й туркестанский стр. полк.
14-й туркестанский стр. полк.
15-й туркестанский стр. полк.
16-й туркестанский стр. полк.
4-й туркестанский стр. арт. дивизион.

5-я туркестанская стр. бригада

Начальник бригады *ген. Чаплыгин.*
17-й туркестанский стр. полк.
18-й туркестанский стр. полк.
5-й туркестанский стр. арт. дивизион.
2-й туркестанский саперный батальон.
26-я бригада пограничной стражи: ¾ батальона, 2 сотни.

В крепости Карс

3-я кавказская стр. бригада[1] (заканчивала формирование).
Начальник бригады ген. *Габаев.*
263-й пех. гунибский полк (*полков. Воронов*).

В Тифлисе

Сибирская казачья бригада.

Начальник бригады *ген. Калитин.*
1-й сибирский казач. полк.
2-й сибирский казач. полк.
2-я оренбургская казач. батарея.

---

[1] 8 батальонов и 18 орудий.

Приложение 2

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА,

охватывающая период Сарыкамышской операции, начиная с 21 декабря 1914 г. по 5 января 1915 г. (схема 8)

Наименование групп войск	21 декабря	22 декабря	23 декабря	24 декабря	26 декабря	27 декабря	28 декабря	29 декабря	30 декабря	31 декабря	1—5 января
Группа войск Пржевальского	В районе Сарыкамыш окружение 9-го турецкого корпуса	Завершение окружения 9-го турецкого корпуса в районе Сарыкамыш	Приведение частей в порядок и содействие арьергардам Юденича	Борьба совместно		с арьергардами Юденича с частями 11-го турецкого корпуса					
Группа войск Баратова	Наступление на фронте 10-го турецкого корпуса	Продолжение операций на фронте 10-го турецкого корпуса, выход главных сил последнего на бой под прикрытием арьергардов	Бой с арьергардами 10-го турецкого корпуса, отход их на с. Косор и перевал Эшак-Мейдан	Главные силы находятся в районе с. Веришан, имея авангард в с. Баш-кей	Главные силы в районе с. с. Чермук-Заким	Колонна Гулыги в районе Нюсунг, а средняя в районе Геряшен	Наступление колонны Гулыги на Негиджуг, средней колонны на Чатах	Овладение районом Чатах-Сулейманли	—	—	3 января переброшена в район Караурган
Колонна Габаева (из группы войск Баратова)	—	—	—	Колонна направлена на Косор с целью преследования 10-го турецкого корпуса и отошедших от Ардагана турок	Сосредоточение в районе Кизилкилисы	Наступление в районе горы Тандырлю	Наступление в районе Бардус	В резерве группы войск Баратова	В районе Бардус		5 января ночной бой 11-го кавказского стр. полка в районе Горнес
Конница Фисенко (из группы войск Баратова)	—	—	—	То же (см. колонну Габаева)	В районе Косор—Пеняк	Подход к позиции турок в районе Соленопромысловая	Бой в районе Соленопромысловая	Бой в районе Сигдасор	Занятие Ольты и подход к Нориману	Бой в районе Нориман	Бой в районе Епи-кея, сосредоточение в районе Ольты
Колонна Воронова (из группы войск Баратова)	—	—	—	То же (см. колонну Габаева)	В районе Косор	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)
Ардаганский отряд Келтина	Овладение Ардаганом	На отдыхе в районе Гюлиберта	Наступление на Мерденек	В районе Мерденек	В районе Пеняк	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)	То же (см. графу конница Фисенко)
Отряд Истомина	Овладение Ардаганом	На отдыхе в районе Ардагана	Преследование турок в направлении перевала Ялануч-ам.	—	—	Достижение перевала Ялануч-ам.	—	—	—	Занятие района Ардануч	—

ИСТОЧНИКИ

Энгельс Фр., Соч. т. XI, ч. 1, стр. 176—177.

Корсун Н. Г., Стратегический обзор войны 1914—1918 гг. на Кавказском фронте, ч. 1. От начала войны до Эрзерумской операции включительно.

Шериф-Бей-Кепрюлю, отставн. полковник, бывш. начальник штаба 9-го турецкого корпуса, Сарыкамыш, изд. 2-е (на турецком языке).

Салихетдин, полковник (на Кавказском фронте). Действия 10-го корпуса (на турецком языке).

Гузе, германск. полковник в отставке, бывш. начальник штаба 3-й турецкой армии, Военные действия на Кавказском фронте в мировую войну (статья).

Архивы штаба русского верховного главнокомандующего (ставки) и штаба Кавказской армии.

Масловский, Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг., Париж, 1933.

«Война и мир» — вестник военной науки и техники, № 13, 1924, статья К. Майера «Война в горах».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общая обстановка на Кавказском театре перед Сарыкамышской операцией 5
II. Краткий обзор Кавказско-турецкого театра военных действий 6
III. Силы сторон 11
IV. Результаты операций на Кавказском фронте к 9 декабря 1914 г. 15
V. Оперативные планы сторон, приведшие к Сарыкамышской операции 17
VI. Подготовка сторон к операций 25
VII. Краткий оперативный очерк хода боевых действий за время с 9 декабря 1914 г. по 5 января 1915 г. 30
VIII. Переход в наступление 9-го и 10-го турецких корпусов и контрманевр русского командования с 9-го по 13-е декабря включительно 32
IX. Бои 13 декабря в районе Сарыкамыш 62
X. Положение Ольтинского отряда после его отхода к Демур-капу 69
XI. Решение Мышлаевского в связи с обстановкой, сложившейся к 14 декабря 1914 г. 72
XII. Совместный маневр 9-го и 10-го турецких корпусов в районе Сарыкамыша и контрманевр русского командования с 14 по 25 декабря 78
XIII. Преследование русскими отступавших частей 10-го турецкого корпуса 113
XIV. Наступление русских на Ольтинском направлении . . . 117
XV. Действия русских и турок на Бардусском направлении . 123
XVI. Действия русских и турок на Ольтинском направлении в период преследования 10-го турецкого корпуса . . . 132
XVII. Положение на фронте Сарыкамышского отряда к концу операции 139
XVIII. Тыл Сарыкамышского отряда в период операции . . . 141
XIX. Оценка действий сторон в оперативном отношении . . 143
XX. Тактические выводы об использовании родов войск, технических сил и средств и об управлении войсками на поле боя 147
XXI. Общие выводы 154

Приложения:

1. Первоочередные части Кавказской армии, действовавшие на фронте Батум—Сарыкамыш 158
2. Синхронистическая таблица 160
Источники 162

СПИСОК СХЕМ,

помещенных в конце книги

Схема 1. Схематическая карта Кавказа, Азиатской Турции и прилегающих к ним частей Персии.
Схема 2. Район действий сторон в период Сарыкамышской операции.
Схема 3. Положение сторон в районе Сарыкамыша 13 и 14 декабря 1914 г.
Схема 4. Действия сторон в районах Сарыкамыша и Бардуса.
Схема 5. Положение сторон в районе Сарыкамыша 14—17 декабря 1914 г.
Схема 6. Общее положение на фронте всего Сарыкамышского отряда к 16 декабря 1914 года.
Схема 7. Положение на фронте 9-го турецкого корпуса 22 декабря 1914 г.
Схема 8. Приложение к синхронистической таблице.

Сдано в производство 21.4.37 — Объем 10¼ п. л.+8 вклеек—4 п. л.
Подписано к печати 22.7.37 — 11,3 авт. л.
Формат бумаги 60×92/16 — В бум. листе 86.000 знаков

Уполн. Главлита № Г—7270. — Изд. № 181. — Зак. № 134.
Цена книги 2 руб. 25 коп., переплета 1 р. 50 коп.

Текст отпечатан на бумаге Камского Бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3

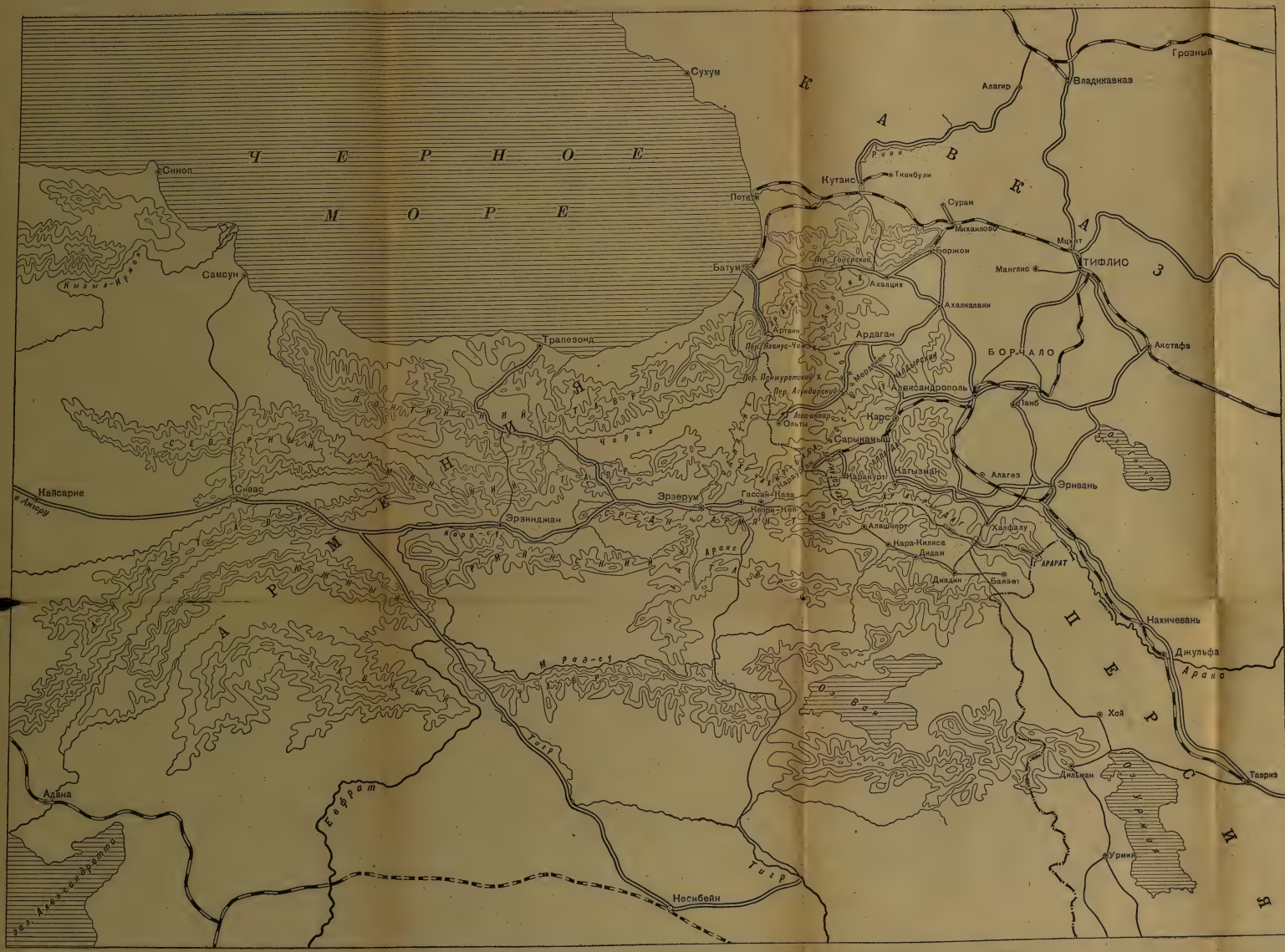


Схема 1. Схематическая карта Кавказа, Азиатской Турции и прилегающих к ним частей Персии

Корсун. Зак. 194.

Корсун. Зак. 184.

Схема 2. Район действий сторон в период Сарыкамышской операции

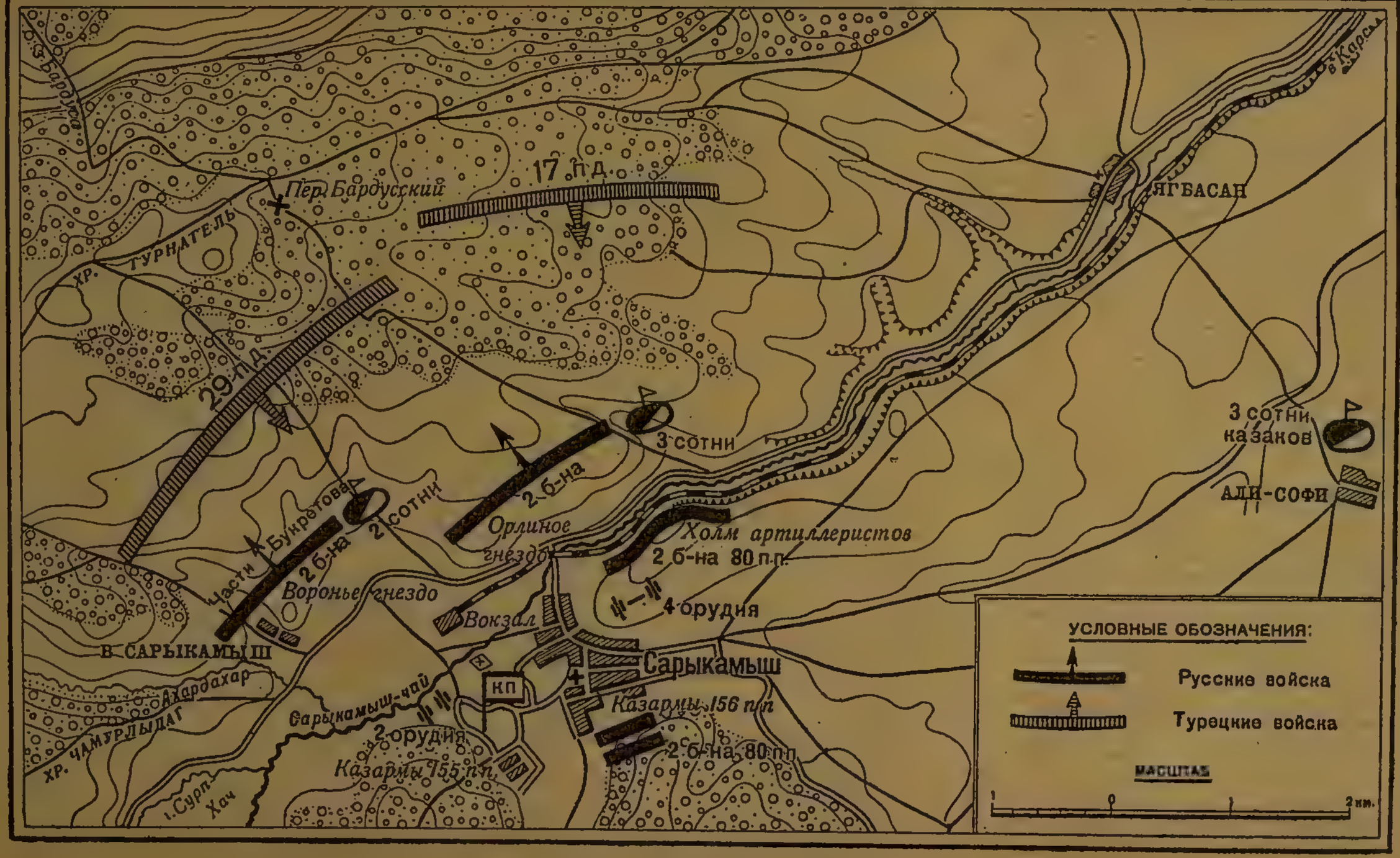


Схема 3. Положение сторон в районе Сарыкамыша 13 и 14 декабря 1914 года

Корсун. Зак. 184.

Схема 4. Действия сторон в районах Сарыкамыша и Бардуса

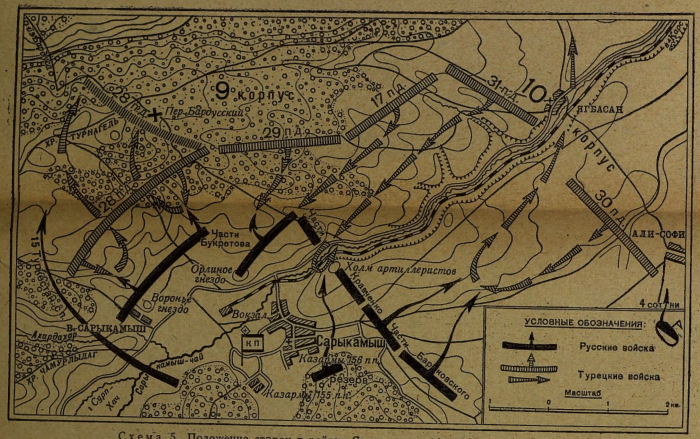


Схема 5. Положение сторон в районе Сарыкамыша 14—17 декабря 1914 года

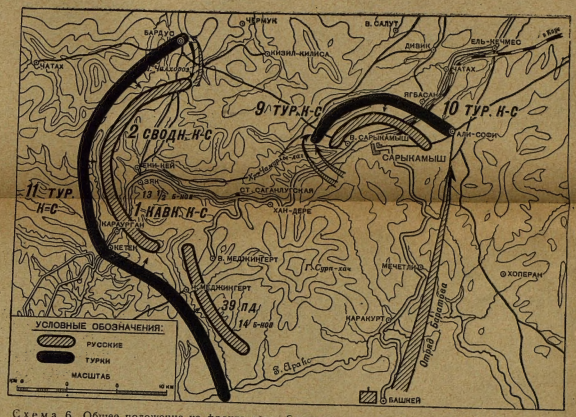
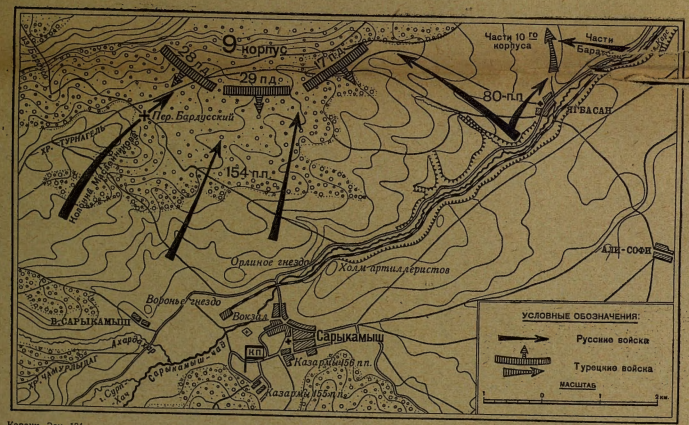


Схема 6. Общее положение на фронте всего Сарыкамышского отряда к 16 декабря 1914 года



Корсун. Зак. 184.

Схема 7. Положение на фронте 9-го турецкого корпуса 22 декабря 1914 года

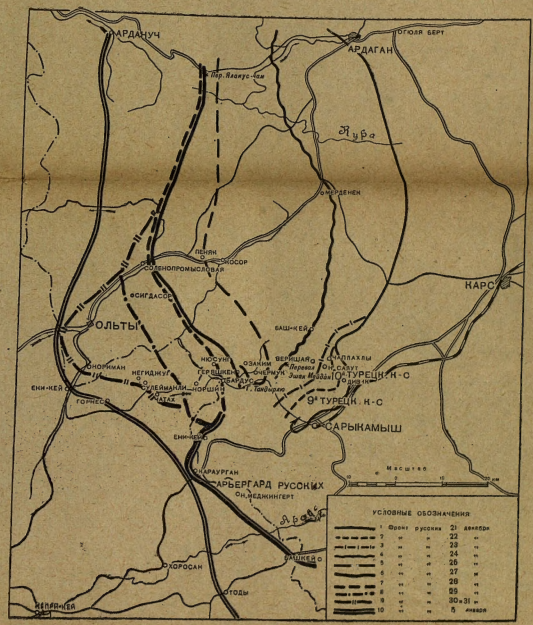


Схема 8. Приложение к синхронистической таблице

M10202